

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Всероссийское общественно-политическое движение
«Духовное наследие»

П.П. Ионов, В.И. Симаков

РАТНАЯ СЛАВА ОТЕЧЕСТВА КНИГА 2

ВОЙНЫ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕКАТЕРИНЫ II

(ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII в.)

*Пособие по «Истории России» для стар-
ших классов общеобразовательных школ,
суворовских и нахимовских училищ и кадет-
ских корпусов*

Рекомендовано Департаментом об-
щего среднего образования Министер-
ства образования Российской Федерации

Содержание

Москва 2000

П.П. Ионов, В.И. Симаков. Ратная слава Отечества. Книга 2. Войны эпохи Петра Великого и Екатерины II. (Военная история России XVIII в.).

УДК 373.167.1:355.48(17+57)

ББК 68.49(2)я721

И75

Предлагаемая книга по военной истории России XVIII века “Ратная слава Отечества. Книга 2. Войны эпохи Петра Великого и Екатерины II” является пособием по истории России для старших классов общеобразовательных школ, суворовских и нахимовских училищ и кадетских корпусов. Главы I—XI написаны П.П.Ионовым. Глава XII — В.И.Симаковым.

Книга является продолжением повествования, начатым в первой книге “Ратная слава Отечества”, о героических сражениях народов России против иноземных захватчиков и обеспечению могущества и безопасности государства Российского в XVIII веке.

В войнах, которые вела Россия, вырабатывался высокий патриотизм, военное мастерство, стойкость и выносливость российских воинов, возрастала боеспособность армии и флота.

Военная история хранит память о воинах-россиянах, которые защищали честь и независимость нашей Родины.

Вся серия “Ратная слава Отечества” включает шесть книг:

Книга 1 “Военная история России IX—XVIII вв.”.

Книга 2 “Войны эпохи Петра Великого и Екатерины II” (Военная история России в XVIII в.).

Книга 3 “Подвиг России в 1812 г. Освобождение братских славянских народов” (Военная история России в XIX в.).

Книга 4 “Трагическое начало XX в.” (Военная история России в 1900—1940 гг.).

Книга 5 “Героический подвиг народов России” (Великая Отечественная война 1941—1945 гг.).

Книга 6 “Участие Вооруженных сил СССР и России в военных конфликтах второй половины XX в.”.

“РАУ-Университет”. 2000. — 320 л. ил., карт.

ISBN 5—86014—103—3

© “РАУ-Университет”, 2000
Все права защищены

Слово к читателю

Посвящается защитникам государства Российского

“...Святие Отечеству Вашему всегда

якоже звезды светлые.

...Ублажаем вас воины русские

и теплой любовью чтим вашу светлую память...”

Из молитвы в честь воинов, павших за Отечество

Второе тысячелетие существует российская государственность, и почти вся ее история сопровождалась борьбой с иноземными завоевателями. Многое из того, что создавалось разумом и руками поколений россиян, ввергалось в горнило войн и нередко погибало и разрушалось; в войнах уничтожалась наиболее здоровая и жизнедеятельная часть народа.

На страницах боевой летописи России запечатлены великие ратные подвиги, свершенные при защите свободы и независимости Отечества.

Вооруженная защита всем народом своей Родины — одна из наиболее характерных черт военной истории России. В такой же мере нашему народу свойственно с доблестью бороться не только за свою свободу. История не знает иного народа, который так часто выступал бы защитником других, играл решающую роль в исторических судьбах многих государств Европы и нес бы при этом колоссальные жертвы.

В военных испытаниях зараждались и вырабатывались в ратоборцах высокий патриотизм, стойкость и выносливость, чувство товарищества и взаимовыручки.

В ходе многочисленных войн русский народ выдвинул немало замечательных полководцев, воплотивших его лучшие черты — ум, мужество и бесстрашие в борьбе.

На всех этапах своей истории русский народ глубоко верил в святость идеи защиты родной земли.

Память военной истории это прежде всего память о людях, которые защищали свою отчизну в годы тяжелых испытаний.

Рассказы о героических битвах народов государства Российского против иноземных поработителей, ее выдающихся полководцев, об укреплении ее армии и создании военного флота в XVIII веке, посвящена вторая книга из серии “Ратная слава Отечества”.

Академик РАН и АБН,
доктор исторических наук

А.И.Подберезкин

Предисловие

XVIII века в истории России — особый период, насыщенный войнами за осуществление крупных национальных задач — прорывов к морям Черному и Балтийскому, завоеванию господства на Каспийском море, созданию сильной армии и военного флота.

Еще на рубеже XVII—XVIII вв. за это взялся Петр I, великий преобразователь, человек железной воли и недюжинного ума. С небывалой настойчивостью и энергией он “прорубал окно в Европу”. Его славные дела продолжила в конце XVIII в. Екатерина II.

Петр I получил в наследство страну, отрезанную от берегов Балтики после шведско-польской интервенции в начале XVII в. По Столбовскому миру 1617 г. Швеция заняла все течение Невы, Кексгольм, Ивангород, Орешек, а позже завоевала Ригу.

Это крайне затрудняло торговые отшения с Западом и было тем более нетерпимо, что среди захваченных Швецией и Польшей земель было немало тех, которые в древности принадлежали русским.

В XV веке Османская империя, захватив Константинополь и Балканский полуостров, завладела устьем Дона, где встала сильная турецкая крепость Азов. Она держала в своих руках устье Днепра и берега Крыма, а крымский хан стал ее покорным вассалом. Южные русские и украинские земли часто подвергались нападениям крымских татар.

В течение всего царствования Петра происходил процесс становления русской армии как регулярной и создания военно-морского флота. Без всего этого Петру нечего было и думать о становлении России как великой державы. Возвращение ранее отторгнутых от России земель на западе и юге и выход к Балтийскому и Черному морям, создание российского военного флота — важнейшие результаты деятельности Петра I.

В строительстве вооруженных сил и военном искусстве Петр I немало позаимствовал из военного опыта других стран и из кладезя русского военного опыта. Вся государственная деятельность Петра I позволила выдающемуся русскому историку С.М.Соловьеву считать Петра I революционером на троне, а его преобразования — революцией сверху.

После Петра развитие армии и флота России шло через преодоление прусского влияния, которое пришло с воцарением Анны Иоановны. Однако, заложенные Петром основы становления русской армии восторжествовали. Это связано в первую очередь с деятельностью выдающихся полководцев П.Я.Румянцева и А.В.Суворова.

Глава I НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

I. Азовские походы Петра I

Петр I, спустя много лет, оглядываясь на свою деятельность, записал в личном послужном списке: “Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром”.

То был 1695 год, доставивший царю больше огорчений, чем радостей; поход тот кончился неудачей. Однако это не сломило Петра, наоборот, прибавило сил, и он с удвоенной энергией взялся за приготовления ко второму походу.

К тому времени Россия была крупной феодальной державой. Ее границы на севере охватывали водные пространства Белого и Баренцева морей, устье Северной Двины, Архангельск.

На юге, на Каспийском море, Россия “обустраивала” Астрахань как ворота в Азию, а на востоке русские владения простирались до Тихого океана. Но хотя порты Архангельск и Астрахань имели важное торговое значение, их было явно мало для великой державы, а побережье Тихого океана еще и не осваивалось. К тому же Архангельск как порт более чем на полгода замирал из-за льдов, сковывавших Белое море.

Петр I в августе 1689 года, в возрасте 17 лет, завладев всей полнотой власти после того, как царевна София проиграла с ним борьбу, загорелся страстным стремлением выйти к Черному и Балтийскому морям и “приобщить” Россию к мировым торговым путям. Между тем Османская империя сделала Черное море закрытым. Она крепко держала в руках устья Дона, Днепра и берега Крыма. При этом Северное Причерноморье оставалось перед крымским ханом беззащитным. Борьба на юге против турок и татар стала, таким образом, потребностью страны. Тем более что Россия с 1686 года оставалась в “Священной лиге” — союзе Австрии, Венеции и Речи Посполитой, который противостоял Блистательной Порте.

О тревожном положении здесь, на южных русских рубежах, Петру I убедительно говорил тот факт, что в 1692 году 12-тысячное татарское войско вдруг появилось на Украине, выжгло предместья города Немирова и увело с собой множество пленных. Мириться с этим молодой царь не мог.

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ

Берега Балтийского моря на протяжении столетий были ареной ожесточенной борьбы, в которой верх одерживали то русские, то противники России. На рубеже XVII и XVIII веков крупнейшие города новгородской земли — Ивангород, Ям, Копорье, все побережье Финского залива оставались в руках Швеции.

Без выходов к морям на севере и юге Россия оказывалась в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации и попадала под угрозу потерять национальную независимость.

К началу XVIII века российское государство начало преодолевать экономическую отсталость. Появились мануфактуры, и, прежде всего в металлургии, с центрами на Урале, в Москве, Туле, Серпухове, Ярославле, Угличе. Государство выдавало привилегии на строительство промышленных предприятий, шло на приписку крестьян к заводам, направляло на заводы рекрутов, осужденных, военнопленных.

Так, хотя в силу господства крепостного права и медленно, но складывался всероссийский рынок. Впервые появились владельцы промышленных предприятий из среды торговцев (Щеголин, Микляев), ремесленников (Демидов, Баташев), зажиточных крестьян (Миляковы).

Менее заметные изменения переживало сельское хозяйство, прогресс которого тормозился безраздельным господством крепостной зависимости крестьян.

Развитие же внешней торговли заходило в тупик без удобных выходов России к берегам Балтийского и Черного морей. Петр I это чувствовал острее, чем кто-либо другой.

В 1689 году объединенные австрийские и польские войска нанесли поражение армии Османской империи, крупные силы которой осаждали Вену. В войне Священной лиги с Турцией наступила пауза.

Этим моментом Австрия и Польша решили воспользоваться для примирения с Турцией и завязали с ней переговоры за спиной у русских, настаивая в то же время перед Петром I на возобновлении военных действий, то есть повели двойную игру. Об этом царь узнал от своих представителей в Вене и Варшаве. Он верно оценил обстановку как угрожающую распадом антитурецкой коалиции и, главное, открывавшую Турции возможность напасть на Украину. Эту возможность следовало предупредить.

Так у Петра I родилась идея похода на Азов. Осенью 1694 года он устроил большие маневры у деревни Кожухово. Войско было разделено на две части: “русских и поляков”. Русскими командовал князь Ф.Ю. Ромодановский; у него были “потешные” полки — Преображенский и Семеновский, солдатские — Лефортовский и Бутырский, три роты гранатчиков, восемь рейтарных рот, две роты даточных людей и 20 рот стольничьих. Отряд “поляков” со своим “королем” И.И. Бутурлиным составляли стрелецкие полки и роты

из дьяков и подъячих. “Поляки” защищали крепость, “русские” штурмовали ее. Разумеется, “русские” одолели, причем отличился бомбардир Петр Алексеев, взявший в плен “раненого” полковника.

Петр сам о кожуховских маневрах писал так: “Как осенью трудились мы под Кожуховым в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было; однако ж эта игра стала предвестником великого дела”.

Азов была сильная крепость. Ее защищали три ограды: наружная в виде земляного вала со рвом и палисадами, средняя — каменная стена с бастionsами, и внутренний каменный замок. В трех верстах выше Азова на обоих берегах Дона турки возвели две каменные башни — “каланчи”, установив на них пушки. На северном протоке Дона стоял каменный замок Лютик. Проникнуть к Азову на судах по Дону было, таким образом, нельзя, в то время как со стороны моря доступ к крепости был открыт.

Царь избрал путь к Азову для своих главных сил частью водным путем (на судах по Москве-реке, Оке и Волге), частью степью через поселения донских казаков до города Паншино (на Дону) и далее снова по воде.

В начале 1695 года Петр I назначил для взятия Азова Преображенский и Семеновский полки, Лефортовский и Бутырский солдатские полки, формирования московских стрельцов, городских солдат — всего 31 тысяча человек при 114 мортирах, 12 гаубицах и 44 пищалях. Чтобы отвлечь внимание турок и татар от удара на Азов, царь направил в низовья Днепра дворянскую конницу под командованием Б.П.Шереметева и украинских казаков общим числом в 120 тысяч человек. Им предстояло совершать диверсии и не допустить выступления крымцев в сторону Азова.

В конце апреля авангардный отряд П.И.Гордона числом 10 тыс. человек, “налегке”, без артиллерии, двинулся к Дону сушей, тогда как главные силы с артиллерией и боеприпасами, всего более 20 тысяч человек, под начальством Ф.А.Головина и Ф.Я.Лефорта сели “десантом” на суда в Москве. А уже 16 мая караван до 250 судов миновал Нижний Новгород. Дальше поплыл Волгой до Царицына, где войско сошло на сушу, и двинулось степью к Паншину. От Паншина до Черкаска войско плыло на 1000 судах, построенных зимой на реке Воронеж, и уже 28 июня выгрузилось неподалеку от Азова, где уже стоял лагерь Гордон.

В тот же день военный совет решил, не теряя времени, “промышлять Азов”.

К тому времени турецкий гарнизон в крепости пополнился до 7 тысяч человек и ожидал еще подкреплений, подвозу которых морем русские не могли препятствовать, так как у них не было флота. «Промышлять Азов» значило повести правильную его осаду.

Крепость «сжималась» войсками Гордона, Лефорта, Головина с трех сторон, и захват ее казался неминуемым, тем более что подошел отряд в 200 казаков с Дона под началом Ф. Минаева и 14 июля занял каланчу на левом берегу реки. Русская артиллерия заставила замолчать большинство турецких крепостных орудий и выбила неприятеля с другой каланчи.

Однако трем российским генералам не удалось наладить взаимодействие войск, между тем как турки без препятствий подвозили морем подкрепления, производили вылазки. Татарам удавались нападения на русский лагерь.

Осложнила осаду измена голландского матроса Якоба Янсена: он перебрался в крепость и сообщил ее начальству сведения о дислокации русской армии, а главное, рассказал, что траншеи Лефорта еще не соединены с траншеями Гордона и не защищены редутами. Это позволило туркам 15 июля произвести крупную вылазку и добиться успеха.

Но когда к 5 августа русские подкопы приблизились к крепостному рву, а на правом берегу Дона в наспех построенном форте была установлена батарея, Петр I решился на штурм крепости.

Однако начатый без согласования действий трех генералов и в момент, когда с тыла набежала татарская конница, он сорвался.

В это время успех за успехом одерживал Б.П.Шереметев в низовьях Днепра. Он взял приступом турецкие крепости Казыкерман и Таван и разорил оставленные турками крепости Арслан-Ордек и Шагим-Кермен.

Но здесь, под Азовом, успех не приходил.

Но упорства царю было не занимать, да и военный совет склонился, не без его воздействия, к решению пойти на новый штурм Азова. Когда 25 сентября он начался, то поначалу показалось: быть успеху. После взрывов подкопов русская колонна Гордона ворвалась в 20-саженную брешь и захватила правый бастион. Колонна Лефорта и стрельцов взобралась на вал бастиона. Но Головин задержался с движением. Под вражеским огнем Гордон и Лефорт отвели поредевшие колонны в траншеи. Лишь после этого пошли на приступ войска Головина и казаки, а с ними Преображенский и Семеновский полки. Русские — то были преображенцы и семеновцы — ворвались в город. Гордон еще раз бросил свою колонну на

приступ, но был отбит. Лишенные поддержки, преображенцы и семейцы вернулись в лагерь.

И второй штурм Азова сорвался. Петр I видел, в чем была главная причина: у него не было флота, дабы отрезать Азов от моря. Срыву штурма “зело помогали” и слабая подготовка войск, и отсутствие единоначалия, и малочисленность конницы для противодействия набегам татар.

Русские войска растянутыми походными колоннами медленно отходили на север через Черкасск, Северский Донец и Валуйки. Их застали морозы и вьюги, вконец изнузив и без того измученных людей. Лишь 30 ноября они вступили в Москву.

Петр I начал строить флот. На Яузе в селе Преображенском была возведена корабельная верфь. Здесь поспешно строились 23 галеры и 4 брандера. Их потом доставили на верфь, что на реке Воронеж, в 15 верстах от впадения ее в Дон. Здесь Петр I собрал 26 тысяч человек из Белгородского полка, которые под присмотром английских и голландских мастеров собирали суда. К весне 1696 года на воду было спущено 1300 стругов, 300 морских лодок и 100 плотов. Адмиралом он назначил Лефорта, поручив ему сформировать “морской regiment” в составе 28 рот.

Петр I, наученный промахами при осаде города, назначил единого начальника “большого полка” — боярина А.С.Шейна.

В конце февраля Петр I приехал в Воронеж руководить сборкой судов и снаряжением каравана. 2 апреля первая галера сошла со стапеля.

Уже с конца марта 1696 года в Воронеж стали прибывать сухопутные войска. Под командование А.С.Шейна поступила армия в 75 тысяч человек. Она объединила 37 конных рот (3817 человек) из числа людей московского чина стольников, стряпчих, дворян и жильцов, 38 полков солдатского строя (38 тысяч человек), 13 стрелецких полков, 6 полков украинских (15 тысяч человек) и донских (5 тысяч человек) казаков, 500 конных стрельцов и яицких казаков.

Солдатские и стрелецкие полки были сведены в отряды: один под начальством П.И.Гордона, другой — Ф.А.Головина и третий — К.А.Ригемана.

Суда с войсками 23—26 апреля 1696 года двинулись “плавным путем” по Воронежу и Дону к Азову. 3 мая вышла галерная флотилия. На галере “Принципиум” плыл Петр.

То, что спустя месяц под Азовом появился русский флот, круто изменило здесь обстановку. 27 мая Петр I, выведя всю флотилию в море, запер гарнизон Азова.

ВЗЯТИЕ АЗОВА

Уже на четвертый день с начала осады войска подошли к крепости на ружейный выстрел. А 14 июня на взморье против Азова бросил якорь турецкий флот в составе 23 судов с войсками в 4 тысячи человек. Но стоило противостоящей русской флотилии пойти им навстречу, как они подняли паруса и ушли в море. Блокада Азова с моря оказалась непробиваемой.

Тем временем осадные работы шли своим чередом. С согласия Петра Шеин возвел вокруг Азова вал, который поднялся выше турецкого крепостного вала — на это и была вся надежда, — с него можно было стрелять сверху вниз или даже засыпать ров крепости. Турецкий гарнизон, блокированный со всех сторон, был обречен на уничтожение, тем более что 17 июля наружный вал крепости с севера был взят атакой русских войск. 18 июля Азов сдался.

Азовский успех открывал перед Петром I возможность прочно обосноваться в Приазовье. Эту возможность он незамедлительно использовал, когда после взятия Азова, пройдя с галерным флотом вдоль морского побережья, выбрал место для гавани, где мог бы стоять флот, у мыса Таган-Рог. Здесь он задумал заложить крепость.

20 октября Петр, как только вернулся в Москву, послал в Боярскую думу запрос “Статьи удобные, которые к взятой крепости (или фортеции) от турок Азова”. Петр писал, что столь успешным событием — выходом к морю — нужно воспользоваться. 4 ноября Боярская дума постановила: “Государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всяк великия и малыя и белыя Россия самодержец, указал: с патриарших и со архиерейских, и с монастырских — с осми тысяч дворов сделать корабль, с помещиковых и вотчинниковых — с десяти тысяч корабль, за кем с большого числа до ста дворов, а за кем меньше ста дворов — с тех с двора по полтине; и потому великого государя указу то дело ведал боярин Петр Васильевич Шереметев”. Предстояло к весне 1698 года спустить на воды Воронежа 56 кораблей. Это, не считая тех десяти, которые Петр брался построить на деньги царской казны.

Все это означало не что иное, что с сооружением большого флота на Азовском море Россия из континентального государства на глазах изумленной Западной Европы становилась морской державой.

2. Внешняя политика и стратегические планы

29 января 1697 года, то есть всего полгода спустя после азовского успеха Петра I, его посланник после трудных переговоров подписал в Вене трактат между Россией, Австрией и Венецией о наступательном союзе против “общего неприятеля — турков и татар”. Приобретение порта на Азовском море, которое наглухо запиралось турецкой крепостью Керчь от моря Черного, — Петр это ясно видел — еще не давало выхода к южным морям. Так что, считал он, предстояло неизбежное столкновение с Турцией. Видимо, это послужило толчком к тому, что Петр I решился на небывалое дело — послать Великое посольство в Западную Европу, вменив ему в обязанность укрепление и расширение антитурецкого союза, а также наем матросов, капитанов, корабельных и артиллерийских мастеров, ремесленников, заказ пушек, закупку снастей и инструментов.

Однако, возможно, сие было только прикрытием учебно-ознакомительной поездки царя, который зачислил себя в состав Великого посольства урядником под именем Петра Михайлова. Или, что тоже вероятно, ширмой, за которой скрывалось намерение Петра I изучить, возможен ли антишведский наступательный союз, и узнать, как отнесутся к войне на севере, т.е. против Швеции, морские державы — Англия и Голландия.

Согласно заранее разосланным грамотам Великому посольству предстояло посетить Австрию, Бранденбург (Пруссия), Ватикан, Вене-

цию, Голландию и Англию.

С тремя великими послами Ф.Я.Лефортом, Ф.А.Головиным и П.Б.Возницыным уезжало более 110 дворян и всяких должностных лиц. Весь состав посольства, включая солдат Преображенского полка, достигал почти 250 человек.

Передовой отряд выехал из Москвы 2 марта 1697 года, а Петр со всем посольством — через неделю, 9 марта.

Первым городом, куда приехало посольство, была Рига. Петр пошел осмотреть ее укрепления, но шведский губернатор воспротивился этому.

В Митаве Петр вел переговоры с курляндским герцогом Фридрихом-Казимиром — вассалом польского короля — о союзе против турок.

Здесь он оставил посольство и морем отправился в Кенигсберг на встречу с курфюрстом бранденбургским Фридрихом II. И тут он вел переговоры, но более плодотворные в отличие от встречи с курляндским герцогом, они увенчались подписанием договора, подтвердившего старинную дружбу между Россией и Бранденбургом.

17 июля 1696 года, когда умер Ян III Собеский, частью шляхты был выдвинут кандидатом на престол ставленник Франции Ф.-Л. де Конде. Петр считал неприемлемым этого кандидата, который в случае избрания вел бы, повинуюсь указаниям Версаля, дружественную Турции политику. Желательным для Петра кандидатом на польский трон был курфюрст саксонский Фридрих-Август I.

17 июня на выборах короля голоса разделились, но большинство было отдано саксонскому курфюрсту Фридриху-Августу I, “севшему” на польский престол под именем Августа II. Это вполне устраивало Петра I.

Великое посольство “перекочевало” в Голландию, остановилось в Амстердаме. Петр же приехал в Саардам, небольшой городок, славившийся множеством верфей и корабельных мастерских. Восемь дней он осматривал их, а затем перебрался в Амстердам, стал работать здесь вместе с волонтерами на верфи Ост-Индийской компании.

Фрегат, постройкой которого был занят Петр на верфи в Амстердаме, был спущен на воду 16 ноября в присутствии великих послов. То был первый крупный корабль, появившийся в море под русским флагом.

7 января 1698 года Петр покинул Амстердам и отправился в Англию. Здесь с великим посольством он провел около трех месяцев сначала в Лондоне, а потом больше в Дептфорде, на Королевской верфи. Петр выбрал время и нанес визит английскому королю. При раз-

говоре с ним Петр увидел: Англия ищет сближения с Россией, зная, что предстоит возобновление войны с Францией, на сей раз за “испанское наследство”.

Когда 20 апреля Великое посольство вернулось в Голландию, Петру стало известно, что возникла угроза распада антитурецкой коалиции вследствие того, что Австрия за спиной России стремится к миру с Турцией. Царь решил всем, чем может, воспрепятствовать австро-турецкому миру. Вот почему Великое посольство 16 июня перебралось в Вену.

Здесь почти месяц шли переговоры, смысл которых сводился к выработке условий заключения мира с Турцией, но согласия стороны не достигли: австрийский император не пошел навстречу пожеланиям Петра.

15 июля 1698 года во время приготовлений к отъезду из Вены в Венецию Петр получил известие о стрелецком бунте. За бунтом стояли ненавистная ему сестра Софья и те, кто был недоволен его преобразованиями; у него родилось опасение, как бы не погибло все то, что он, Петр, сделал и думал сделать для России. Он отменил путешествие в Венецию и поспешил возвратиться в Москву.

В Кракове его догнала почта, из которой он узнал, что А.Шеин и П.Гордон разбили стрелецкие полки под Воскресенским монастырем, так что до Москвы им дойти не удалось. Но это известие не изменило намерений Петра как можно быстрее вернуться в столицу, не останавливаясь даже для ночлега. Лишь 31 июля он задержался в Раве-Русской (Западная Украина), где встретился с Августом II, который вел саксонские войска через Львов для борьбы с татарами.

Эта встреча — веха, отмеченная историей: она обозначила поворот военных устремлений Петра в сторону Балтийского моря с согласия Августа II.

Петр приехал в Москву 25 августа, когда здесь уже нарядили суд над стрельцами. Суровые казни главарей показались ему недостаточны, и он предал смерти всех сколько-нибудь замешанных в восстании. “Старое” стрелецкое войско было почти все уничтожено. Новые стрелецкие полки появились лишь в начале 1700 года.

Мирный конгресс под Карловицем близ Белгорода с участием турецких послов, открывшийся в середине октября 1698 года, позволил заключить краткосрочное перемирие, которое и было подписано обеими сторонами 14 января 1699 года. Он устанавливал прекращение огня на два года и взаимное обязательство о ненападении. Но перемирие надо было еще превратить в мир.

Петр I торопился с его заключением, ибо оно давало ему свободу действий против Швеции. Для переговоров о мире он направил в Константинополь начальника Посольского приказа, думного дьяка Е.И. Украинцева и дьяка И.Чередеева.

Когда в июле 1699 года П.Б.Возницын приехал к Петру в Азов, то под “диктовку” царя было составлено два наказа Украинцеву: официальный и секретный. Петр ему предписал заключить мир или перемирие сроком на 25 лет или даже больше при сохранении за Россией Азова с днепровскими городками и отмене ежегодных выплат Крымскому хану.

Русские послы отправились из Азова морем на первом классе военном корабле “Крепость”, который при подходе к Константинополю 6 сентября вызвал своим грозным видом страх у турок. А тут еще нет-нет да и громыхала пушечная пальба с “Крепости” по разным торжественным поводам...

В ноябре 1699 года под этот “аккомпанимент” начались переговоры. Были они трудными и завершились только в марте 1700 года. 3 июля состоялся обмен трактатами, а 8 августа известие об этом гонцы принесли в Москву.

По Константинопольскому мирному договору Россия сохраняла Азов, но взамен этого отказывалась от днепровских городков. Границей приазовских земель с крымской стороны была определена река Миус, а с кубанской — от Азова на 10 часов конной езды. Ежегодные платежи крымскому хану были отменены.

Россия, таким образом, развязала себе руки на юге для действия в прибалтийских землях.

Параллельно переговорам с Турцией под покровом глубокой тайны шел процесс сколачивания союза России, Саксонии и Дании против Швеции. Осенью 1699 года в селе Преображенском Петр I подписал договоры как с Саксонией, так и с Данией. По договору с Саксонией, заключенному 11 ноября 1699 года, Август II обязывался содействовать России в борьбе за возвращение “старых” русских владений на Балтике — Ижорской земли и Карелии, для чего предпринять военные действия против Швеции и вести их вплоть до приобретения этих земель. Россия взяла на себя обязательства начать войну, как только будет заключен мир с Турцией.

Договор с Данией устанавливал взаимную помощь в случае нападения с чьей-либо стороны на одно из договаривающихся государств.

В начале 1700 года сначала Саксония, а затем и Дания заключили договоры с Бранденбургом (Пруссией), но после первых же военных

провалов союзников бранденбургский курфюрст Фридрих II стал держать себя так, как будто он никогда этих договоров не подписывал.

Заключение Петром I договоров с Саксонией и Данией означало появление союза государств, известного под названием Северного союза, направленного против Швеции.

Петр I стремился вернуть земли, отторгнутые Швецией в начале XVII века, так что театром военных действий выпало быть Ингрии и Карелии. Стратегический план прорабатывался в глубокой тайне и сопровождался дезинформацией. О плане не знали даже воеводы Пскова и Новгорода — городов, которым предстояло стать базами снабжения русских войск. Замыслив войну со Швецией, Петр поручил генерал-адмиралу Ф.А. Головину: “Во Псков и Новгород грамоты пошли такие, что будто на сей почте от Емельяна (то есть от Е.И. Украинцева, русского посла в Стамбуле — Авт.) пришла ведомость, что турки к миру не склонны и будет война ...”.

Петру удалось ввести в заблуждение противника: шведский король Карл XII так и не разгадал его намерений, пока не вспыхнули и не разгорелись военные действия.

Сам Карл, однако, вынашивал замысел, “чтоб Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангельск завладеть, дабы с иностранными областями весьма купечество у России пресечь”.

Король был не прочь подчинить себе и всю Россию, разбив перед тем ее союзников Саксонию и Данию. В этом собственно и заключалась его конечная стратегическая цель. Карл считал, покрыв Россию, раздробить ее на отдельные княжества. Псков, Новгород и весь Север России взять себе. Украину же и Смоленщину отдать под власть своему ставленнику на польском престоле — Станиславу Лещинскому.

Истории было угодно растянуть вооруженное противоборство России и Швеции более чем на двадцать лет.

3. Русская армия

В 1716 году Петр записал в “Уставе воинском”: “Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельские силы, или оного намерения ...”. Он унаследовал большую военную силу. Московское государство XVII века было в состоянии вывести на поле боя армию более чем в 200000 человек. Но громадная эта армия была бы крайне неоднородна по составу и обучению. Подавляющую числом массу личного состава составляло ополчение служилых людей. Они жили на данной им царем земле “для службы”. По первому же призыву властей “служивые” должны были быть готовы идти в поход на своих конях и

с вооружением.

То войско являлось, собственно, ополчением. Московские государи это видели. Они стали заводить отряды более или менее постоянно служившей и обучавшейся военному делу пехоты и артиллерии — то были полки стрельцов и отряды пушкарей и затынщиков. Но устройство стрелецкого войска было таково, что и они, проживая по своим слободам и занимаясь ремеслами и торговлей, больше походили на ополчение, чем на регулярное войско.

Еще царь Василий III считал за лучшее нанимать на свою службу целые отряды иноземной пехоты. Однако наем на службу иностранцев стоил очень дорого, да и на верность наемников положиться было нельзя: это показал переход иноземцев к неприятелю у Шенина под Смоленском. Московские правители стали набирать пешие и конные полки из беспоместных и малопоместных служилых людей и других “охочих” людей и ставить их под начало в обучение иностранным офицерам. Так в русском войске появились полки иноземного строя. К концу царствования Федора Алексеевича их было уже 63, силою в 90 тысяч человек.

Таким образом, Петр I стал строить свою армию не на пустом месте, а имея уже войско, более или менее приспособленное к ведению военных действий.

Что же успел сделать царь перед войной со Швецией? Еще в 1692 году “потешные” полки — Преображенский и Семеновский — Петр устроил совершенно по иноземному образцу. Вслед за этим он перестроил по-новому Лефортовский и Бутырский полки.

Как замышлял Петр, им предстояло стать ядром регулярной

Наградной знак Петра I

армии, развертывание которой он начал своим указом от 8 ноября 1699 года “О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей”. Добровольцам, записанным в службу, полагалось жалование 11 рублей в год, “хлебные и кормовые запасы” наравне с солдатами Преображенского и Семеновского полков. 17 ноября Петр подписал новый указ, на этот уже о наборе даточных людей. Набором занялись особые комиссии.

Все это означало, что в России обретает жизнь новая система комплектования армии — рекрутская, придававшая ей регулярный, постоянный характер, в отличие от наемничества, укоренившегося в Западной Европе. Согласно указам Петра солдатский состав армии вербовался из людей податных сословий (крестьяне, посадские люди). Офицеры — исключительно из дворян. Военная служба была пожизненной.

С изменением комплектования Петр в 1699 году по-новому устроил организацию войск. За образец организации новоприборных полков он взял полки гвардейские. Из 27 новых пехотных полков 5 имели по 8 рот, а 22 — по 12 рот.

Пехотный полк стал высшей тактической единицей. Все эти полки царь из чисто административных соображений свел в три генеральства (дивизии).

Петру было ясно, что развертывание регулярной армии, тем более быстрее, мыслимо лишь имея крупный контингент офицеров: войска надо было, набирая, тут же учить и обустривать. В начале 1697 года Петр послал в западноевропейские страны около 150 стольников, сержантов и солдат для “прилежного обучения военному искусству”. А уезжал с Великим посольством в Западную Европу, прихватив с собой более трех десятков волонтеров для приобщения к морскому делу, артиллерийской и военно-инженерной культуре.

К 1699 году численность офицерского и сержантского состава Преображенского, Семеновского, Лефортовского и Бутырского полков он довел более чем до 200 человек, при этом в Семеновском полку основал учебную команду “сержантов в малых летах”, а в Преображенском — артиллерийскую школу.

Петр жестко подходил к обучению дворян пехотному строю: нерадивых или уклонявшихся от службы строго наказывал, вплоть до ссылки с конфискацией поместий и вотчин.

Уже в 1699 году появились “Воинские артикулы”, разработанные А.М.Головиным при участии Петра, и им самим составленное “Краткое обыкновенное учение”, увидевшее свет в ноябре 1700 года. В этих первых петровских уставах боевая подготовка подавалась в духе принятой тогда во всех странах линейной тактики. Они учили построению войск в

линию, вздваиванию рядов и шеренг, прицельной стрельбе и штыковым бою.

Россия отставала в производстве собственного вооружения. Вот почему Петр проявил исключительную энергию в развертывании строительства в Туле, в центре страны, в Олонецком крае, на юге и на Урале предприятий по производству стрелкового оружия, пушек и боеприпасов. Но предприятия эти, хотя и быстро вводились в строй, не успевали “покрыть” потребности новых полков в вооружении. Зная об этом, Петр во время “странствий” Великого посольства закупил в Западной Европе 10 тысяч мушкетов, 5 тысяч фузей, 3200 багинетов, 24 палаша, мушкетоны и пистолеты.

Когда в сентябре 1700 года русские войска начали военные действия против Швеции, продвигаясь к Нарве, они насчитывали 34 тысячи человек, из них до 10 тысяч иррегулярных (дворянская конница); из регулярных же войск было только три хорошо обученных боевых полка: Преображенский, Семеновский и Лефортовский. В высшем командном составе (полковники, подполковники, майоры) преобладали иностранцы, но средний и младший командный состав уже на две трети состоял из русских дворян.

Указом от 10 марта 1699 г. Петр I учредил орден святого апостола Андрея Первозванного.

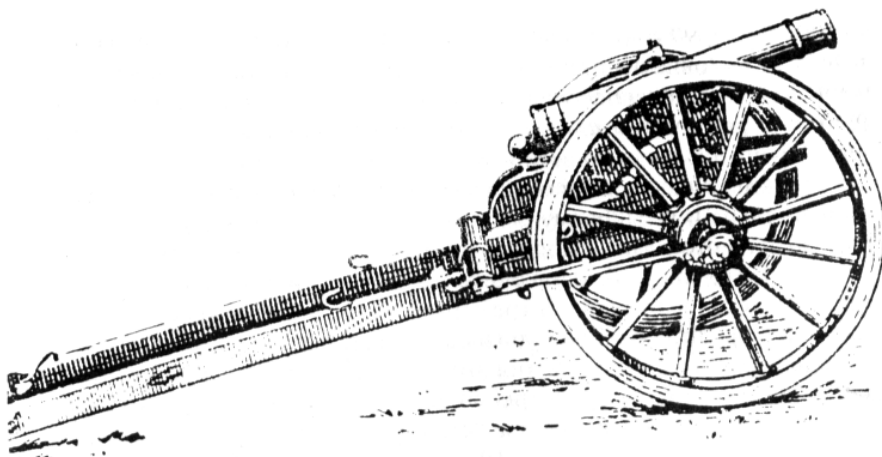
4. Войска Карла XII

В сентябре 1700 года шведские полки численностью в 12 тысяч человек под предводительством самого короля скрытно, лесом, подходили к Нарве, перед тем высадившись в районе Пернау (Пярну) и совершив стремительный марш под Ревель (Таллинн).

То были отборные войска. Карл XII унаследовал одну из лучших армий в Европе. Эта репутация была заслужена ею по праву еще со времен Тридцатилетней войны и военных реформ короля Густава II Адольфа. Самая старая — после нидерландской — регулярная армия в Европе, она отличалась тем, что еще с XVI века строилась на основе обязательной поземельной воинской повинности (так называемой “индельты”).

В 1697 году — в начале правления Карла XII — армия насчитывала 60 тысяч человек. Помимо “индельты” получило распространение и наемничество, в том числе и иноземцев. Наемной была королевская гвардия (драбанты), нанимались на службу и артиллеристы.

После Тридцатилетней войны Швеция захватила власть над Балтикой: ее гарнизоны встали по всей Прибалтике и Северной

Полковая 3-фунтовая пушка

Германии, флот в составе 42 линейных кораблей и 12 фрегатов (при 13 тысячах матросов) держал господство над Балтийской акваторией. Все это делало территорию Швеции практически недосягаемой для противника.

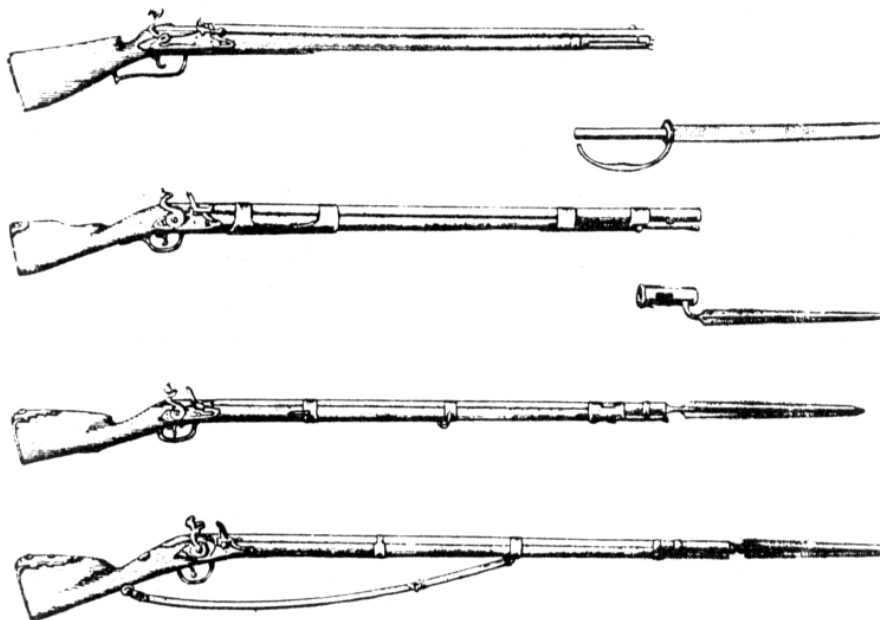
Шведский офицерский корпус выделялся отличной боевой выучкой. Равно как и шведские солдаты, считавшиеся одними из лучших в Европе. У руля непосредственного руководства армией стоял один из талантливых полководцев XVIII века король Карл XII (1682—1718 гг.).

Тактика действий шведской армии лежала в русле развития европейской военной мысли. Карл XII придерживался линейных боевых порядков. Пехота строилась в две—три линии, кавалерия, как правило, располагалась уступом за ее флангами. Штыковая атака пехоты подкреплялась ударом драгун и кирасир при тесном взаимодействии с пехотой. Доминирующий тактический прием заключался в стремительной атаке центра неприятельских войск. Карл XII исповедовал быстроту действий.

К началу Северной войны пехота шведов почти вся перешла на вооружение со штыком. Кирасиры, как видно из названия, имели защитное вооружение — железные кирасы и, кроме того, были вооружены палашами и пистолетами. Драгуны располагали еще и мушкетами. Артиллеристы полевой артиллерии имели на вооружении 3-фунтовые полковые пушки, 8- и 16-фунтовые гаубицы. Они были объединены в один

полк, который насчитывал до 1800 человек.

Таким образом, шведская армия оставалась в Европе одной из сильнейших. Шведскому же королю не терпелось новыми победами закрепить эту репутацию.

Ружье (фузея) с багинетом и со штыком 1701—1723 гг.

Вопросы к главе I:

1. Причины и характер азовских походов Петра I.
2. Внешняя политика Петра I.
3. Стратегические планы сторон.
4. Русская армия в конце XVII — начале XVIII вв.
5. Состояние шведской армии: в чем заключалась ее сила?

Глава II В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1. Первые баталии

В феврале зима еще крепко стояла на ногах, но порывистый ветер с юга нет-нет да приносил тепло. Подтаивал снег на дорогах, их размывало. Лошади с трудом тащили орудия и подводы с провиантом и боезапасом. Погода явно не благоволила ведению военных действий. Однако первые выстрелы Северной войны все же прозвучали 2 февраля 1700 года, когда курфюрст Саксонии, он же польский король Август II, без объявления войны двинул семитысячное войско саксонцев в Лифляндию. Король рассчитывал добиться быстрой победы, уповая на неожиданность вторжения, но больше всего на союз с Россией и Данией и, помимо того, на вовлечение в войну Речи Посполитой. Но Россия могла открыть военные действия лишь после заключения мира с Турцией, война с которой закончилась лишь перемирием в декабре 1699 г. А вовлечь в вооруженную борьбу Польшу Августу II не удалось. Тем не менее, неожиданность нападения принесла успех: саксонцам удалось овладеть городом Динамюнде и, подойдя к Риге, осадить ее. Начались затяжные бои.

В марте развернула боевые действия Дания. Ее 16-тысячная армия под командованием короля Фредерика IV начала поход на герцогство Голштиния, союзника Швеции, но встретила стойкое противодействие противника. Когда юный король Швеции Карл XII получил донесение, что Фредерик IV напал на герцогство Голштиния, а близ Копенгагена почти не оставил войск, он незамедлительно начал экспедицию в Данию. У Карльскроны король Швеции сумел сосредоточить 42 корабля с 20-тысячным десантным войском.

Карл XII угрожал бомбардировкой разрушить город, оставленный фактически без защиты, если не будет заключен мирный договор на продиктованных им условиях. Фредерику IV ничего не оставалось, как принять это требование. В городе Травендале (Травентале) близ Любека 7 августа 1700 года между Швецией и Данией был подписан договор, по которому Дания отказывалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, возвращала Голштинию и еще обязалась уплатить Швеции военные издержки в сумме 200 тысяч та-

леров.

Так Карл XII с необыкновенной быстротой выбил из “Северного союза” Данию, и теперь ему противостояли только Саксония и Россия.

Тем временем саксонские войска вели вялую осаду Риги.

А что же Россия? Как только 8 августа Петр I получил известие о том, что его посланники Е.Украинцев и И.Чередеев подписали в Константинополе мирный договор с Турцией, он не медля, в тот же день приказал русскому послу в Стокгольме князю Хилкову объявить Швеции войну “за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды”.

Предлогом для объявления войны Петр I счел пренебрежение шведских властей к русскому посольству в Риге. Как удовлетворение за оскорбление посольства он потребовал передачи России крепости Нарва. Карл XII, естественно, в этом отказал и в гневе приказал заключить в тюрьму всех проживающих в Стокгольме русских.

Так завязывался узел непримиримого вооруженного противоборства между Швецией и Россией протяженностью более чем в 20 лет.

Готовясь к войне со Швецией, Петр I велел еще в 1699 году произвести общий рекрутский набор и начать обучение новобранцев по образцу, заведенному им в Преображенском и Семеновском полках. Первый рекрутский набор дал Петру I 25 новых пехотных полков и 2 кавалерийских — драгунских. Вся армия царя, состоявшая из 33 полков численностью в 35—40 тыс. человек, была разделена на три корпуса (дивизии), или “генеральства”: Автонома Головина, который командовал гвардией, то есть Преображенским и Семеновским полками, Адама Вейде и князя Аникиты Репнина. Каждому из этих командиров было дано: одному Бутырский, другому Лефортовский полки и по девять новых полков, так что каждое “генеральство” заключало в себе десять полков.

Кроме новых полков, в поход предстояло пойти и набранному по-старому служилому ополчению (конница) под началом Б.П.Шереметева (около 12 тыс. человек) и казачьему войску (более 10 тыс. человек) под командой гетмана Обидовского.

Царь, в то время капитан бомбардирской роты Преображенского полка, 22 августа выехал в Новгород заняться обеспечением войск фуражом, продовольствием, боеприпасами. Русская армия под начальством Ф.А.Головина через Новгород двинулась к Нарве, древнерусской крепости Ругодев.

Замысел Петра I предусматривал овладение Нарвой с тем, чтобы

далее выйти к Финскому заливу и развернуть боевые действия в Ингрии до победного конца. В “Гистории Свейской войны” говорится, что под Нарвой собралось около 29 тыс. человек, кроме конницы. Всего более 34 тысячи человек.

При этом Петр I сосредотачивал под Нарвой почти всю русскую полевую артиллерию (145 гаубиц, мортир и пушек).

О заключении мира между союзной Данией и Швецией Петр I узнал по дороге в Тверь от курьера Августа II. Уже с самого начала Северной войны Россия, таким образом, попадала в сложную стратегическую обстановку.

В это время шведский король с главными силами морем отправился в Лифляндию. Место высадки избрал город-порт Пернау (Пярну). Шведские войска высаживались еще и в Ревеле, расположенном к Нарве ближе. От пунктов десантирования Карл XII намеревался совершить марш-бросок к осажденной Риге и разгромить под ней войска Августа II.

Тот, узнав о выходе из войны союзной Дании и движении Карла XII в Лифляндию, немедленно снял осаду Риги и ушел к Ковно (Каунас). Тем самым польский король отводил от себя удар шведов и “открывал” дорогу на Нарву.

Войска Карла XII насчитывали около 32,5 тысячи человек при 37 орудиях.

Однако ни отступление войск Августа II из-под Риги, ни высадка Карла XII в Эстляндии не изменили намерений Петра I взять Нарвскую крепость.

Нарва, расположенная на левом берегу Наровы в 12 км от устья, являлась сильной крепостью. Правобережье защищало предмостное укрепление — старинный замок Ивангород, построенный русскими при Иване III.

Крепость имела укрепленные бастионы и такие “толстые” стены, что пробить бреши могла лишь крупнокалиберная артиллерия. Осада осложнялась еще тем, что приходилось в одно и то же время брать и Нарву и Ивангород. Шведский гарнизон под командованием полковника Г.Горна насчитывал около 2 тысяч человек, имел 400 орудий.

Русская армия стягивалась под Нарву более месяца. Первым к Нарве подошел отряд князя И.Ю.Трубецкого — 9 сентября. Петр I прибыл 22-го числа. Царь провел рекогносцировку и составил план осады.

Войска вытянулись осадным лагерем на левобережье в одну линию, которая в виде полумесяца охватывала Нарву и флангами упиралась в реку, так что войска оказывались во всех пунктах сла-

бее неприятеля.

В полумесяце фронта русской армии на правом фланге встали войска А.М.Головина — 14 тысяч человек, в центре у горы Германсберг — отряд И.Ю.Трубецкого — 6 тысяч человек. Левый фланг заняло “генеральство” А.А.Вейде — 8 тысяч человек.

Артиллерия встала на батарейных позициях против Нарвы и Ивангорода. Главная штаб-квартира обустроилась на острове Кампергольм. Здесь у берега облюбовала себе позиции гвардия — Преображенский и Семеновский полки.

Первый пробный выстрел по Нарвской крепости 18 октября сделал заведующий артиллерией царевич Александр Имеретинский. Через день началась планомерная бомбардировка. Об этом сказано так: “После обеда учили в город бомбы бросать и из пушек по городу бить, и бросали бомбы во всю ночь со всех раскатов. Обстрел продолжался две недели — ровно столько, на сколько хватило пороха, ядер и бомб”.

Но бомбардировка не дала того, чего Петр I ждал: ядра, имея малую ударную силу, не пробили брешей в стенах крепости.

Ко всем бедам добавились страшные дожди. Они размыли дороги, и подводы с провиантом и боеприпасами еле тащились.

И все же шведскому гарнизону было предложено капитулировать. Но полковник Горн, зная, что Карл XII идет на выручку, ответил “насмешками и превеликой бранью”.

В Новгород к Петру I приехал с отличными рекомендациями генерал австрийской службы герцог де Кроа. Царь вручил ему начальство над армией. Главнокомандующий армией — “главнейший начальник” — герцог де Кроа получил инструкцию “добывать немедленно Нарву и Ивангород” и “проведывать про швейский секурс”.

Тем временем Петр I получил сведения о том, что Карл XII высадился с войсками в Пернау и Ревеле и движется напрямую к Нарве. Он немедленно отправил навстречу ему отряд иррегулярной конницы под командованием Б.П.Шереметева в 5 тыс. всадников. Тот за три дня проделал на запад путь в 120 верст.

У Везенберга Шереметев столкнулся с двумя шведскими “партиями” и разгромил их. Однако развивать успех не стал: пленные показали, что идущая на Нарву королевская армия насчитывает 30 тысяч человек, вступать с ней в схватку значило проиграть, и он начал отход. Но когда сообщил Петру I об этом, тот приказал ему удержаться у Пюханогы, что в 32 верстах от Нарвы.

Шереметев выполнил царский указ, но допустил оплошность:

не разрушил два моста через протекавшую здесь речушку. При приближении королевской армии к Пюханогги иррегулярной коннице пришлось отступить в осадный лагерь. Придя в него рано утром 18 ноября, она заняла свое место на крайнем левом фланге у Наровы.

Оценив обстановку как опасную, но не безнадешную, царь 18 ноября решил снова отъехать в Новгород, прихватив с собой и генерала А.М.Головина. Надо было ускорить присылку под Нарву подкреплений и боеприпасов.

В это время Карл XII, оттеснив Шереметева, выдвинулся с сильным передовым отрядом к деревне Лагены, всего в 10 км от русского лагеря. На последней стоянке перед сражением королевское войско насчитывало всего 8430 человек.

Встревоженный герцог де Кроа собрал военный совет — обсудить способ действий против подходившей шведской армии. Почти все военачальники высказались за то, чтобы обороняться на своих укрепленных позициях. Лишь один Б.П.Шереметев предложил выйти из осадного лагеря и атаковать неприятеля, но его совет не приняли.

Этого, видимо, королю было и нужно. Узнав от перебежчика диспозицию русских войск, он решил исходить из нее: не мешкая расчленил русскую армию, сосредоточив при этом главные усилия на правом фланге.

Карл XII не дал и дня отдохнуть войскам и двинул их из деревни Лагены глубокой ночью 19 ноября. Шли лесными тропами, скрытно сосредоточивались за горой Германсберг и еще затемно развернулись для атаки.

Повалил густой снег, вьюжный ветер бил прямо в лицо усталым от осады, голодным и иззябшим русским солдатам. И в двадцати шагах не было ничего видно. Это позволило шведам подойти незамеченными к осадному лагерю и забросать ров фашинами.

Яростный натиск шведов разорвал вытянутые “в нитку” войска Трубецкого, стоявшие в центре, и примыкавшие к ним полки правого фланга Вейде и левого фланга Головина. Пехота побежала к мосту, который не выдержал тяжести бегущих людей и рухнул. В страшном озлоблении русские солдаты принялись бить своих начальников-иноземцев. Тогда герцог де Кроа с досадой крикнул: “Пусть сам черт дерется во главе таких солдат!” — и сдался в плен шведам. С ним сдалось еще около 40 иноземных генералов и офицеров.

Но победа Карла XII далеко еще не была полной: полки Преображенский и Семеновский, Лефортовский полк заняли позиции у

моста и, огорожаясь рогатками и артиллерийскими повозками, отбили все нападения шведов. А генерал Вейде привел в порядок свои полки и остановил наступавшую колонну шведов.

Два шведских отряда, “потерявшись” во व्यужной темноте, вступили в бой друг с другом и погубили немало своих. Шведские солдаты еще одного отряда, ворвавшись в русский лагерь, нашли там много вина и перепились.

Еще не все было потеряно, и исход сражения мог быть иной, но ночью после военного совета генерал Ф.А.Головин, царевич Алексей, глава военного суда генерал-комиссар князь Яков Долгорукий и Иван Батурлин, не зная ничего о Вейде и считая, что он разбит, завязали переговоры с Карлом XII и согласились отступить, отдав шведам всю артиллерию. За то король обязался пропустить русские войска на правый берег Наровы с оружием и знаменами. Но удержал в плену генералов и высших офицеров “в противность” договору, а у войск Вейде “отнял” оружие.

В сражении под Нарвой русская армия потерпела поражение, потеряв до 6 тыс. человек. Общие потери за время нарвского похода достигли 8 тыс. В руки шведов попали почти все орудия, стоявшие на левом берегу Наровы.

Чувствительные потери понесла и шведская армия — до 3 тыс. человек.

Поражение русской армии под Нарвой стало в первую очередь следствием слабой боевой выучки новых полков.

Крайне неудовлетворительным оказалось снабжение русских войск, в частности боеприпасами. На исход сражения повлияла и измена командного состава из числа иноземных генералов и офицеров.

В “Журнале или поденной записке Петра Великого” говорится так: “И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно. Но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский, два полка гвардии были на двух атаках у Азова. Полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали... Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, сами были рекруты...” Как никогда высоко вознесся международный авторитет Швеции, тем более что после Нарвского сражения ее союз с Англией, Голландией и Францией окреп.

Петру I было отчего тревожиться за судьбу России. Но он не потерялся. Немедля князь Репнин получил приказ “привести в исправность” полки, шедшие “в конфузии” от Нарвы. Лихорадочно

стали укреплять Псков и Новгород. Современник пишет: “Рвы копали, церкви ломали, полисады ставили с бойницами, и около полисад окладывали с обеих сторон дерном; а на работе были драгуны и солдаты и всяких чинов люди и священники...”.

Петр I сам был всегда при работе и жестоко карал за недосмотры и упущения.

Но Карл XII воздержался от движения в Россию. Теперь главным соперником в Северной войне он считал Августа II. Отправиться в поход на Москву Карл XII возможно и хотел, да не мог, имея в тылу саксонскую армию. Он отвел свои войска от Нарвы к Дерпту (Лифляндия), где в ожидании подкреплений из Швеции простоял на зимних квартирах пять месяцев.

Армия Карла XII добилась крупного успеха, выведя из войны Данию и разбив русскую армию. Союзники на исходе 1700 года оказались в трудном положении.

2. Военные реформы и создание новой армии

После Нарвы Петр I в кругу своих ближайших сподвижников говорил: “Знаю, что шведы еще будут бить нас; пусть бьют; но они выучат и нас бить их самих; когда же ученье обходится без потерь и огорчений”. Петр выработал в себе вместе с быстрым глазомером, рассказывает историк В.О.Ключевский, — тонкое чутье естественной, действительной связи вещей и отношений, живое, практическое понимание того, как делаются дела на свете, какими силами и с какими усилиями поворачивается тяжелое колесо истории, то поднимая, то опуская судьбы человеческие. Оттого неудача не приводила его в уныние...

Царь понимал, что война со Швецией только начинается. Вот почему денно и нощно он стал заботиться о сохранении своего, теперь единственного союзника — Августа II.

В феврале 1701 года в литовском замке Биржу состоялась встреча союзников, продолжавшаяся около двух недель. Она закончилась подписанием 26 февраля Бирженского трактата и соглашения о координации военных действий.

Россия отдавала в распоряжение Августа II пехотный корпус генерала А.И.Репнина численностью в 15—20 тысяч человек с полным вооружением при 40 пушках и запасами пороха в 100 тысяч фунтов для действий в Лифляндии и Эстляндии. Помимо этого царь предоставлял союзнику большую денежную ссуду в течение двух лет по 100 тысяч рублей ежегодно. Со своей стороны Август II обя-

зывался вести военные операции в Прибалтике, тогда как русским войскам предстояло развернуть боевые действия в Ижорской земле (Ингрии) и Карелии.

Момент для новой “вспышки” военных действий против Швеции представлялся чрезвычайно благоприятным. В Западной Европе с 1701 года разгорелась война за “испанское наследство”, и западноевропейским государствам стало не до вооруженной борьбы Швеции с Россией.

Петр I со всей кипучей энергией, присущей его натуре, взялся за восстановление пошатнувшейся военной силы государства. Прежде всего он озаботился восстановлением утраченной артиллерии и увеличением производства орудий вообще. Царь издал указ собрать колокола и перелить их на пушки, гаубицы и мортиры во всем государстве со всех церквей и монастырей. А возглавить “наряд” поручил пионеру металлургического дела в России Андрею Виниусу, который облакался званием “надзирателя артиллерии”. Благодаря этому к июлю 1701 года удалось собрать около 90 тысяч пудов высококачественной колокольной меди. До конца года уже было отлито 243 пушки, 12 мортир и 13 гаубиц.

В течение 1702 года на московском Пушечном дворе отливается еще 130 орудий. Всего только в Москве за 1700—1708 гг. было сделано 1006 орудий. А еще немало орудий производили уральские заводы, переданные царем тульскому мастеру Демидову.

К уральским заводам было прикреплено до 25 тысяч крепостных крестьян. “Старые” олонечские мастера пушечных дел освоили метод ускоренной отливки “классных” орудий. Появляется новый тип ружья — кремневый штуцер.

Волей Петра I мощности пороховых заводов позволяли изготавливать до 15—20 тысяч пудов пороха в год.

Материальная мощь русской армии приумножилась во много раз. Так как Петр I допускал возможность вторжения шведов в русские пределы, как только Карл XII дождется подкреплений, он не оставил забот о северо-западных границах России. И здесь явила себя его кипучая натура.

Б.П.Шереметеву пришлось взяться за укрепление Печерского монастыря, этого передового форпоста Пскова на порубежье. Его гарнизон насчитывал 2,5 тысячи человек при 72 орудиях. Здесь копали рвы, ставили крепкие палисады, закладывали батарею.

На оборону псковской крепости было выставлено 40 пушек.

Приобретал “воинский вид” Архангельск. По царскому указу началось строительство крепости на реке Малой Двинке, расчи-

танной на гарнизон в одну тысячу человек.

Для того чтобы возместить потери под Нарвой, был объявлен набор “вольницы” (добровольцев) и “даточных людей”. Царь поручил князю М.М.Голицыну сформировать десять драгунских полков по тысяче человек в каждом. В Гдове, Ладоге, Олонецке — там, где Петр I ожидал наступления шведов, встали значительные гарнизоны.

Поскольку в новой кампании, как считал Петр I, будет ощущаться нужда в быстрой переброске войск и тылов, он усилил речной флот. Новгородскому приказу зимой 1701 года пришлось построить на реках Волхове и Луге 600 стругов.

В 1705 году Петр I узаконил рекрутский набор, простиравшийся теперь на не служилые группы общества, не исключая и безместных детей духовенства. В армию призывали физически здоровых мужчин в возрасте от 17 до 32 лет на пожизненную службу.

Так, в первые годы Северной войны устраивалась в грозную военную силу новая русская армия, которая становилась регулярной и всесословной.

А всего с 1699 по 1725 гг. прошло 53 рекрутских набора, которые обеспечили поступление в армию 284187 человек. По табели полевой армии 1720 года было определено иметь в инфантерии 51 полк. Наборы всей тяжестью ложились на крестьянство и посадское население и вызывали у них протест, который, случалось, оборачивался побегам. Когда рекрутов набирали, то их в дорогу ковали, вели в колодках и связанными; пойманных беглых били кнутом, ссылали. В 1712 году царь, узнав об этом, своим указом запретил рекрутов “в дорогу ковать, в колодках вести и вязать”.

Так как полевая армия комплектовалась только из русских людей, это обеспечивало ей национальное единство. Представители других народов России рекрутировались для службы в частях иррегулярных войск.

Дворяне, пожизненно служили в армии и на флоте на офицерских должностях, но, проходя многолетнюю службу, начинали с нижних чинов в привилегированных гвардейских Семеновском и Преображенском полках. По замыслу Петра I эти полки служили своеобразными офицерскими училищами.

Высшей тактической единицей оставался полк. В 1716 году, когда вышел “Устав воинский”, полки уже сводились в бригады, а те в дивизии. Но все равно полк оставался высшей тактической единицей. Пехотный полк создавался из двух батальонов по четыре роты в каждом, только гвардейские полки — Преображенский и

РУССКАЯ АРМИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:
фузилер гвардейской пехоты. 1700—1721 гг.;
гренадер армейской пехоты. 1700 г.;
штаб-офицер гвардейской пехоты. 1700—1732 гг.;
мушкетер пехотного полка. 1711 г.;
обер-офицер драгунского полка. 1720—1732 гг.;
бомбардир артиллерийского полка. 1712—1720 гг.

Семеновский — имели по четыре батальона; рота делилась на четыре плутонга.

Штаты 1711 года определяли численность пехотного полка: 40 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 рядовых строевых, 247 рядовых нестроевых. Каждая рота состояла из 4 обер-офицеров, 10 унтер-офицеров и 140 рядовых строевых. Всего в пехотном полку насчитывалось 1487 офицеров и нижних чинов.

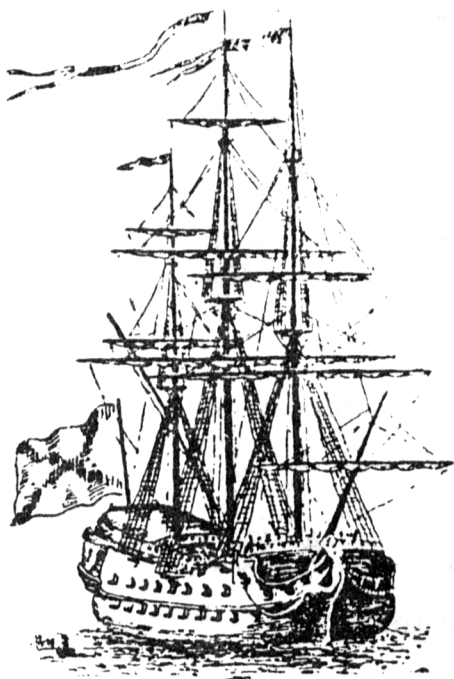
На вооружении пехотинца находилось ружье (фузея), на которое, когда было нужно, насаживали багинет — пяти или восьмивершковый многогранный штык, благодаря чему было возможно поражать противника огнем и штыком.

Фузея имела калибр 0,78 дюйма и вес около 14 фунтов. Прицельная дальность стрельбы из нее составляла 300 шагов. Скорострельность — 1—2 выстрела в минуту. Кроме ружья рядовой пехотинец имел шпагу, офицер — протазан, унтер-офицер — алебарду.

Кавалерию составляли драгунские полки из 5 эскадронов и артиллерии, эскадрон — из 2 фузилерных рот.

Одна из рот в каждом полку называлась гренадерской, на ее вооружении состояли фитильные бомбочки.

Численность кавалерийского полка по штатам 1711 года устанавливалась: 38 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офице-

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

ров, 920 рядовых строевых, 290 рядовых нестроевых. Всего в драгунском полку насчитывалось 1238 офицеров и нижних чинов.

Новым делом в армейской организации стало создание корволанта — конного корпуса. Насчитывал он обычно 6—7 тысяч кавалеристов. Конное соединение имело “долг” самостоятельно, в отрыве от главных сил решать задачи стратегического значения.

За первую четверть XVIII века русская артиллерия значительно выросла и стала насчитывать от 13 до 16 тысяч орудий, с 1706 г. получив единую шкалу калибров.

Петр I подразделил артиллерию на полковую, полевую, осадную и крепостную, чем обеспечил более разумное ее боевое использование.

Маневренность армии и дальность ее марш-бросков обеспечивалась повышенной скоростью передвижения артиллерийского парка, что достигалось облегчением веса орудий. Так, 3-фунтовая пушка стала легче на 6 пудов, вес 6-фунтовой полевой пушки был уменьшен с 45 до 36 пудов. Тем не менее артиллерия оставалась еще очень тяжелой и неуклюжей. Дальность стрельбы у орудий оставалась незначительной — около 150 сажен в среднем.

В 1700 году формируется первый артиллерийский полк полевой артиллерии. По штату 1712 года полк состоял из бомбардирской роты, четырех канонирских рот, минерной роты, инженерной и понтонной команд. В полку числилось 2323 нижних чина, включая ездовых и обозных, а в роте — 6 обер-офицеров, 10 унтер-офицеров.

Новшеством явилось создание конной артиллерии. Этот вид артиллерии возник в 1701 году.

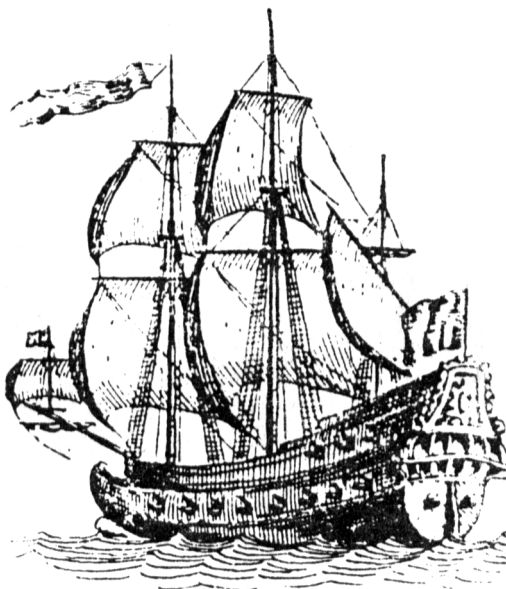
Особенностью русской армии при Петре I было и то, что в ее состав входили иррегулярные войска (конные полки, комплектуемые из донских, терских, астраханских и яицких казаков). Кроме того, в русскую армию входило украинское казачье войско (10 городовых и 8 “охотничьих” наемных полков).

С 1700 года обмундирование солдата, пехотинца ли, кавалериста, состояло из длинного (до колен) зеленого кафтана с красными обшлагами, камзола одинакового покроя с кафтаном, коротких (несколько ниже колен) красных штанов, зеленых чулок, черного галстука, черной треугольной шляпы или картуза. Обувью служили зеленые чулки и башмаки.

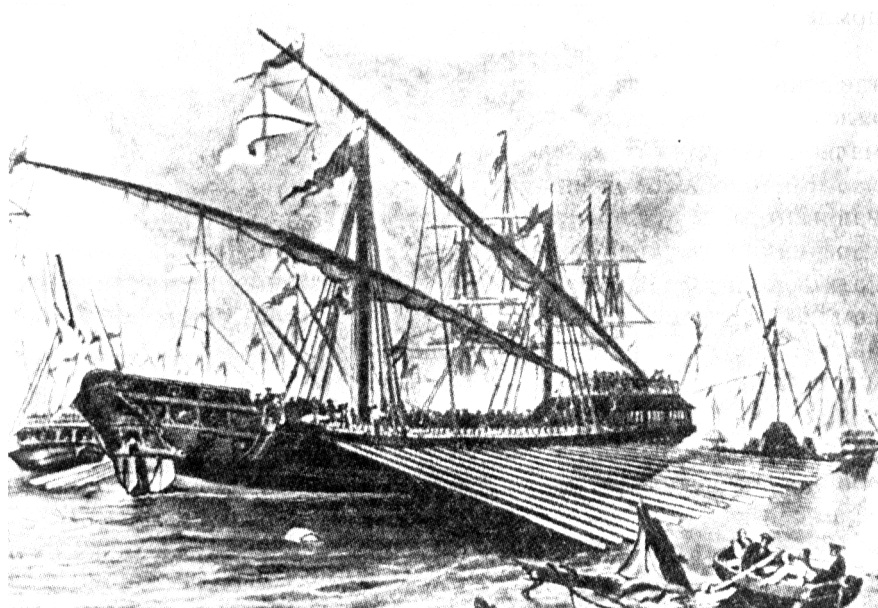
Чтобы одеть и обуть многотысячную регулярную армию, быстро растущий флот, нужно было огромное количество сукна, кожи, полотна. Поэтому при Петре I бурно развивается “суконное” дело: строятся десятки шерстяных, суконных, полотняных фабрик, шелковых мануфактур, кожевенных заводов, бумажных фабрик.

Детищем Петра I стал русский военно-морской флот. В 1693—1700 гг. было открыто 10 судостроительных верфей и на них построено 170 судов, в 1700—1705 гг. открыто 12 верфей и построено 530 судов, в 1715—1725 гг. открыто 3 верфи и построено 195 судов.

Основными классами парусных кораблей являлись линейные корабли и фрегаты. Линейный корабль имел водоизмещение 1—2 тыс. т, большое парусное оснащение, 2—3 боевые палубы, на которых устанавливали 52—90 пушек 24-, 12- и 6-фунтового калибра. Эки-

ФРЕГАТ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕ XVIII в.

паж линейного корабля насчитывал 350—900 человек. Фрегат был меньших размеров. Он имел от одной до двух боевых палуб и вооружался 25—44 орудиями.

Основным типом гребного боевого корабля была полугалера — скампавея, отличавшаяся от галер своей легкостью и маневренностью. Скампавея имела до 18 пар весел, 3—5 пушек 12-, 8- и 3-фунтового калибра и до 150 человек команды.

Петр I ввел обучение войск на основе единых уставов и наставлений. Первым уставом русской регулярной пехоты явилось “Краткое обыкновенное учение” (ноябрь 1700 г.). Около 1702 года был принят устав для регулярной драгунской кавалерии — “Краткое положение при учении (конного) драгунского строя”.

Они обучались так называемому линейному боевому порядку: полки и подразделения строились в несколько длинных шеренг (линий) и наступали, ведя огонь по противнику. Наставления “Учреждение к бою” и “Для военной битвы правила” (1716 г.) шли дальше,

рекомендуя действия колоннами “для проломления фронту”.

Дисциплину Петр I требовал в армии самую строгую, и его “Устав воинский” (1716 г.) не скупился на жестокие наказания нарушителей воинских правил и порядка. Даже за мелкие преступления и малые дисциплинарные проступки полагались шпицрутены.

В 1701 году Петр открыл в Москве школы “математических и навигацких, то есть, мореходных искусств учения”. Тогда же он учредил артиллерийскую школу в Москве, а в 1712 году — вторую артиллерийскую школу в Петербурге; в 1721 году при петербургском лабораторном доме была открыта третья артиллерийская школа. Наконец, в 1712 году в Москве, а в 1719 году в Петербурге начались занятия в открытых Петром I инженерных школах.

К концу царствования Петра регулярная армия насчитывала более 200 тысяч солдат и свыше 700 тысяч иррегулярной казачьей конницы. Для 13 миллионов населения петровской России было тяжелым бременем содержать и кормить такое многочисленное войско. По смете 1710 года на содержание полевой армии, гарнизонов, флота и вообще на военные расходы шло более 3 миллионов рублей, тогда как на все остальные нужды казна тратила только 800 тысяч с небольшим; войско таким образом поглощало 78 процентов всех расходов.

Крестьянство изнемогало от поборов и спасалось бегством “за чужие границы”.

Устраивалась новая военная сила России — появлялись учреждения, ведавшие хозяйством войск, их боевой подготовкой и обеспечением: военная коллегия (армия) и адмиралтейская коллегия (флот) с подчиненными им ведомствами.

Петр ввел в действие и такой орган управления, как консилиум (совет) при главнокомандующем.

Таким образом, в результате военных преобразований в конце XVII — начале XVIII веков в России была создана большая регулярная армия и военно-морской флот. Вооруженные силы России получили постоянную организацию, централизованное управление и снабжение, единые начала воспитания и обучения. К концу первой четверти XVIII века русская армия состояла из 60 пехотных и 37 драгунских полков.

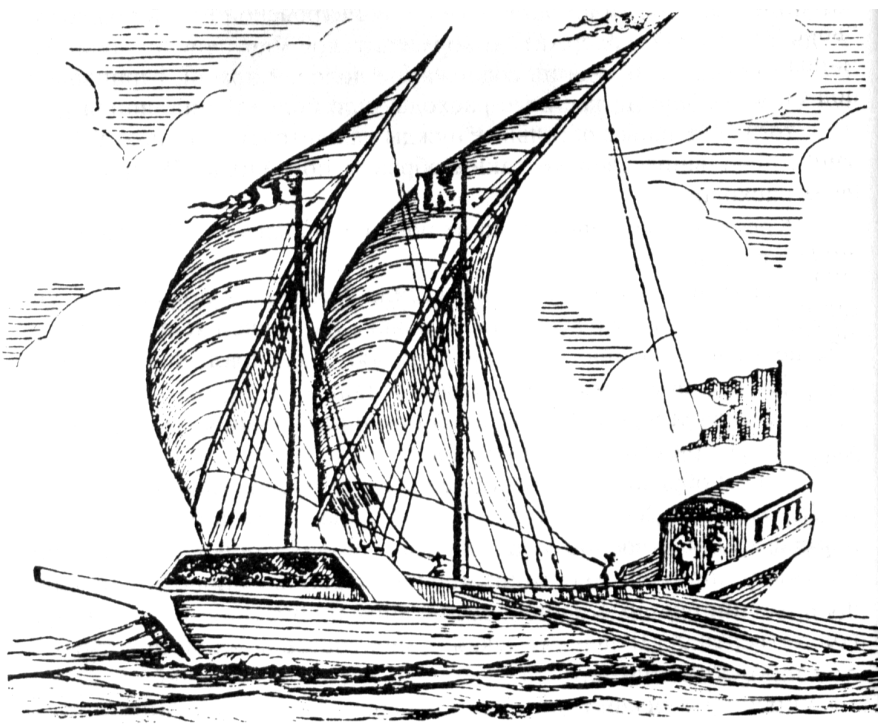
Военно-морской флот России насчитывал 48 линейных кораблей, 800 скамповей, галер и других малых судов. Российские вооруженные силы стали сильнейшими в Европе.

3. Первые победы петровской армии

Карл XII, перезимовав в Дерпте и получив подкрепление из Швеции, двинулся к Риге и 9 июля 1701 года разбил осаждавшие город войска Августа II.

В бурном потоке событий наступил момент, когда Карлу XII пришлось решать головоломную задачу: или двинуться на Псков, вслед за Репниным, чтобы добить русскую армию и принудить Петра к миру, или повернуть в Польшу вслед за Августом II. Он считал Петра разбитым и потому слабым противником и, следуя простой логике борьбы, решил победить сильнейшего, каким в его глазах был Август II. И пошел на Вильно. Но то был роковой просчет, который сразу заметил Петр I. Карл XII обрекал себя надолго “увязнуть” в Польше.

На всякий случай король задержал в Эстляндии шеститысячный корпус под командованием В.А.Шлиппенбаха, а у Ма-

СКАПЕЯ

риенбурга и Боннебурга выставил сильные наблюдательные отряды. В Ингрии оставил корпус А.Крониорта в 7 тысяч человек. Петр, назначив главнокомандующим Б.П.Шереметева, распорядился из опасения за северо-западное направление стянуть в окрестности Пскова до 30 тысяч человек, а у Новгорода и Ладоги еще 10 тысяч. Вот-вот должен был вернуться Репнин со своим 20-тысячным корпусом.

Карл XII решил все же “тронуть” Россию, но совсем с другой стороны.

Еще перед тем как пойти на Ригу, Карл XII задумал высадку десанта в Архангельске, дабы “сжечь город, корабли, верфи и запасы”, а также “уничтожить и разрушить все, что может быть приспособлено к обороне”. Но на русском Севере стерегли приход шведов.

Шведская эскадра из 7 кораблей в июне 1701 года вошла в Белое море. Здесь выделенные из ее состава 4 корабля, маскируясь английскими и голландскими флагами, проникли в Двинскую губу “воровским обычаем”. Когда таможенный караул поднялся на флагманский фрегат для досмотра, то был перебит, а его начальник взят под стражу.

Захваченные в море поморские рыбаки Иван Рябов и Дмитрий Борисов, принужденные стать лоцманами, подвели вражеские корабли под стены Ново-Двинской крепости и те сели тут на мель.

Завязалась артиллерийская дуэль. Под вечер корабли шведов, лишенные маневренности, были расстреляны огнем почти в упор с крепостных батарей и затонули (три из четырех). Бой со шведами таким образом окончился полной победой русского оружия. То была первая ласточка, обещавшая долгожданную весну.

Затонувшие неприятельские корабли подняли и отремонтировали. Прибывший в Архангельск Петр I щедро наградил всех, причастных к отражению шведского нападения. Город-порт царь приказал укреплять и дальше.

Б.П.Шереметев немедленно продвинулся к Мариенбургу и напал на замок, но стоявший здесь В.А.Шлиппенбах сумел удержать его за собой.

Летом 1701 года, когда Карл XII уже ввязался в войну с Речью Посполитой, царь задумал “поиск и промыслы” в Лифляндии (южная Эстония и Северная Латвия) с тем, чтобы “учинить разорение” этой территории — базы шведской армии (угон скота, людей, уничтожение жилья, посевов).

Еще в июле Б.П.Шереметев бросил из-под Пскова в рейд по Лифляндии 6-тысячный отряд иррегулярной конницы татар и башкир. Отряду удалось уничтожить немало провианта и фуража, заготов-

ленных врагом, и принести важные сведения о его силах и дислокации.

В начале сентября Шереметев повторил “поиск и промысел” в Лифляндии. Он сосредоточил большой отряд русской конницы и пехоты в приграничном Печорском монастыре.

Здесь Б.П.Шереметеву стало известно, что значительные силы Шлиппенбаха — видимо, сторожевой отряд — стоят под Ряпиной мызой. Он тут же двинул туда отряд под командованием своего сына полковника М.Б.Шереметева в составе трех драгунских полков и частей московской и смоленской конницы.

Шереметев-младший 4 сентября подошел к реке Выбовка, на которой стояла мыза. Русский офицер, разделив свои силы на две части, привел противника в заблуждение ложной атакой с фронта, зашел ему в тыл и нанес оттуда решающий удар. Победа была полной.

Почти в то же время конный отряд под начальством Я.Н.Римского-Корсакова силой в 4397 человек направился к мызе Ревке (Рауге, Раух), к которой подошел 4 сентября. Мызу занимали шведы (150 пехотинцев и 50 кавалеристов). Их разбили. На обратном пути русских неожиданно атаковал вражеский отряд в 200 пехотинцев и 300 кавалеристов. В жестокой схватке и его разбили.

Тем временем действительно над обсервационным корпусом Шлиппенбаха сгущалась грозная туча. 2 октября Петр I объявил “генеральный поход” в Лифляндию.

26 декабря отряд под командованием Б.П.Шереметева выступил в поход и, преодолевая глубокие снега, занял урочище Выбовка, неподалеку от Эрестфера, где располагалась главная шведская квартира, в 50 верстах южнее Дерпта. Шереметев выслал вперед свой авангард, который через два дня повстречал и разбил неприятельский разведывательный отряд, не дожидаясь подхода главных сил.

29 декабря русские войска атаковали шведов у Эрестфера. Шлиппенбах не ожидал появления больших сил противника и в пятичасовом бою был разбит наголову. Он потерял почти половину своего обсервационного корпуса.

Шереметев явил здесь умение сражаться. Он построил полки в ордер-баталию: на правом фланге — пехотные, на левом — драгунские. Выделил силы в резерв, который мог быть быстро введен в дело. Артиллеристам велел поражать шведов скорострельным огнем картечью.

Успех русского оружия отметили в Москве, где впервые с начала Северной войны прогремел салют из 10 пушек и сверкал фейерверк,

звонили колокола, а простой люд угощали вином, пивом и медом.

Бориса Петровича Шереметева Петр произвел в генерал-фельд-маршалы и наградил орденом Андрея Первозванного. Всех офицеров — участников похода на Эрестфер Петр I наградил специально отлитыми золотыми медалями, а солдат — серебряными рублями. Петр I отозвался о победе так: “Мы можем наконец бить шведов!”

Карл XII не придавал особого значения поражению Шлиппенбаха под Эрестфером. Зимой 1701/02 года он, вступив в Польшу, дошел до Ковно и Вильно, “гоня” Августа II и собирая контрибуцию с населения захваченных областей. Но продвигаясь в глубь ее, не закреплял за собой захваченную территорию. Поэтому Август II без особых помех восстанавливал вновь свою власть на местах, а стратегию избрал — избегать крупных столкновений со шведским войском.

В Западной Европе об идущей Северной войне как будто и не ведали. Там полыхала война за “испанское наследство” между Францией, с одной стороны, и Англией, Голландией и Австрией — с другой.

Победа под Эрестфером сгладила в глазах русских людей тяжелое впечатление от Нарвской “конфузии”.

После того как Карл XII “увяз” в Польше, Петр I круто изменил свою стратегию, на первое место в ней он теперь выдвинул задачу — овладеть линией реки Невы от Ладожского озера и укрепиться в Ингрии.

В письмах Августу Петр сообщал, что прежние “промыслы” в Лифляндии будет продолжать, а кроме того, планирует ныне “к литовским рубежам другим приступить...” Действительно, Б.П.Шереметев получил 5 августа указ: “довольным людством итить на генерала (Шлиппенбаха. — *Авт.*) и есть ли Бог даст счастье, подалее пройти и чтобы землю их, как возможно далее к Колывани (Нарве. — *Авт.*) разорить”.

Шереметев, видимо, знал еще до этого о новом намерении царя и еще в июле снова двинулся из Пскова в Лифляндию, взяв с собой 8 пехотных, 9 драгунских и 3 рейтарских полка, 3 тысячи иррегулярной конницы — казаков и татар.

18 июля в сражении у Гумуловой мызы (название по русским источникам) шведы атаковали авангард русских, большой полк которых находился еще на марше. Нападавшим удалось отбить несколько пушек и потеснить передовой отряд. Но подоспевшая русская пехота решила исход боя. Не выдержавшая напора кавалерия Шлиппенбаха обратилась в бегство, бросив свою инфантерию противнику на

уничтожение.

В бою у Гумуловой мызы Шлиппенбах только убитыми потерял около 5590 человек. Из 6 тысяч пехоты у него осталось всего 500 человек. Победителям досталась почти вся шведская артиллерия и все вражеские знамена.

Царь отписал Шереметеву: “Зело благодарны мы вашими трудами”.

С крепостью Мариенбург (Алуксне) Шереметеву пришлось возиться дольше — двенадцать суток.

“Во время сдачи крепости, — говорит запись в “Журнале Петра Великого”, — комендант майор Тиль да два капитана вышли в наш обоз для отдания города по акорду (договору.— *Авт.*), по которому наши в город пошли, а городские жители начали выходить вон; в то же время от артиллерии капитан Вулф да штик-юнкер, вшед в пороховой погреб, и порох жазгли, где сами себя подорвали”.

Среди жителей, поголовно объявленных рабами в тот злополучный день, оказалась и девица Марта, которая ходила в служанках у пастора Глюка, — будущая жена Петра I, а по его кончине — императрица Екатерина I.

9 сентября полки Шереметева возвратились в Псков.

В сентябре 1702 года Петр I в письме архангельскому воеводе графу Ф.М.Апраксину подытожил действия Шереметева так: “Борис Петрович в Лифляндах гостил изрядно, довольно и взял нарочитых 2, да малых 6 городов...; полону 1200 душ, кроме служилых...”

Почти в одно время с Шереметевым развернул боевые действия в районе Ладоги корпус Ф.М.Апраксина, состоявший из 5 пехотных и 2 драгунских полков. На реке Ижоре русские 13 августа разгромили войска шведского генерала А.Крониорта, отбросив его к крепости Ниеншанц (на запад), что стояла у устья Невы.

Тяжелая доля в августе выпала на флотилии шведов в Чудском и Ладожском озерах. На Ладоге в том месяце пехотинцы полковника Островского на стругах атаковали эскадру вице-адмирала Нумерса в устье реки Ворона. Шведские суда в ходе боя отступили. Тогда же в августе вражеские суда эти близ Кексгольма атаковал на 30 стругах полковник Иван Тыртов. Русские уничтожили три судна врага, а два захватили. Нумерс очистил озеро и через Неву ушел в Выборг.

На Чудском озере русская флотилия под командой полковника Толбухина, прорвавшись из Псковского озера, в бою с флотилией Лешерна захватила сначала одну пушечную яхту, а в устье реки Амовжа

(Эмбах) взяла на abordаж 12-пушечную. После этого Лешерн убрался из Чудского озера.

Пока на северо-западном приграничье шли эти военные события, Петр I находился с Преображенским и Семеновским полками в Архангельске: разворачивал приготовления к тому, чтобы добиться своей, давно вынашиваемой стратегической цели — выйти на линию Невы и, значит, к Финскому заливу и завоевать Ингрию. 19 августа он писал Августу II “от пристани с моря, именуемой Нюхчи”, о том, что “мы обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно, з божью помощь, некоторое начинание учинить”.

В то время с архангельских верфей уже сходили два малых фрегата и линейный корабль.

Петру I было ясно: чтобы завладеть устьем Невы и выйти к Финскому заливу, надо было овладеть двумя сильными крепостями: Нотебургом (Орешком), стоявшим на острове и запиравшим вход в реку со стороны Ладоги, и Ниеншанцем.

В августе царь из Архангельска с гвардией двинулся к Ладоге. За ним тянулся длинный хвост: вели по рекам, озерам и тащили волоком 13 судов, в том числе два только что построенных фрегата.

Уже 26 сентября Петр расставил войска под стенами Нотебурга...

“Промысловый” характер войны в 1701—1702 гг. многое значил для русской армии. Она научилась сражаться как постоянная, регулярная армия, и, главное, победы, одержанные ей, хотя и скромные, подняли ее моральный дух. Кроме того, была разорена Лифляндия — богатейшая житница Швеции. Но теперь предстояли уже не “промысловые” набеги, а утверждение Российского государства у берегов Балтики.

4. От Орешка до Ругодева

Нотебург (древнерусский Орешек), переживавший свою судьбу в руках шведов 90 лет, стоял у истока Невы из Ладоги. На острове возвышалась крепость, казавшаяся неприступной скалой. Она была ограждена каменной стеной в четыре сажени высотой и около двух толщиной, усилена семью башнями.

Крепостной гарнизон под командованием брата генерала В.А Шлиппенбаха подполковника Г.В.Шлиппенбаха насчитывал всего 450 солдат и офицеров, но имел почти 150 орудий — силу большую.

Стянутые к Орешку Петром I гвардия и корпуса Шереметева, Апраксина и Репнина, были численностью не менее 30 тысяч человек.

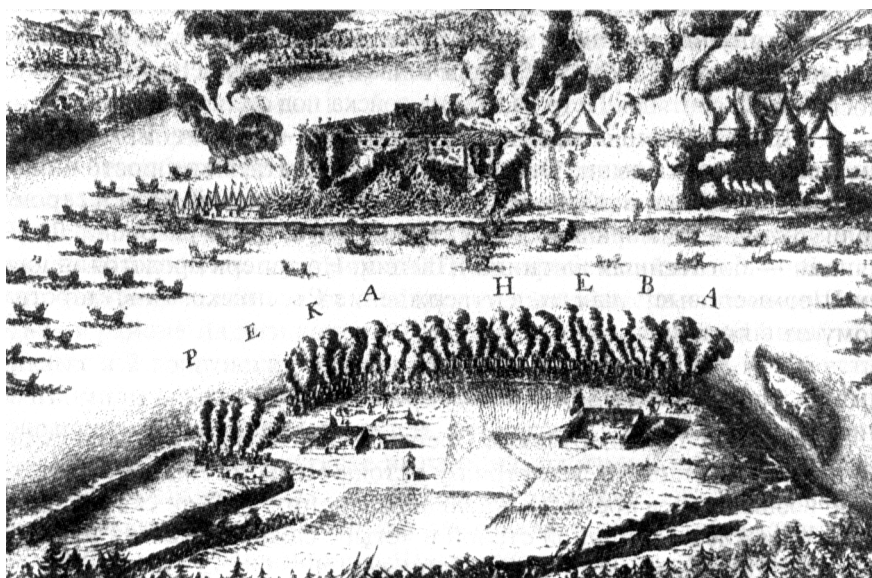
В “Журнале или подневной записке Петра Великого” первый день осады описан так: “В 27 день по утру о 7 часах пришло и все войско наше под Нотебург (или Орешек) стало в лагерь на мысу от города ниже по реке Неве верстах в двух, и уставио обоз свой. Того же дни в городе на башне после обеда, когда уже подлинной узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих”.

Петр I сам руководил осадой, он шел и стрелял, будучи в чине “капитана от бомбардиров” Петра Михайлова.

Бомбардировка Нотебурга началась 1 октября. Днем и ночью десять дней грохотали орудия. По крепости было выпущено 10 тысяч ядер и бомб, 4500 гранат.

Штурм Орешка начался в 2 часа ночи воскресного 11 октября.

Судьбу штурма решили действия храброго командира “охотников” Семеновского полка подполковника князя Голицына. Он приказал оттолкнуть от берега острова лодки, на которых высаживался под крепос-

ШТУРМ КРЕПОСТИ НОТЕБОРГА, 11 октября 1702 года

тью десант. Русские воины пошли в новую атаку. Около сотни солдат под командой поручика А.Д. Меншикова сумели взобраться на стены.

Волна за волной, как бывает при шторме на море, в течение 13 часов с ночи 11 октября накатывались на стены крепости штурмующие отряды. Шведский гарнизон обессиливал.

Тогда шведские офицеры сделали представление коменданту сдать крепость.

Как говорится в “Журнале Петра Великого”, “в 14 день гарнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту (так было принято при оставлении города. — Авт.) с четырьмя железными пушками сквозь учиненную брешь вышел и на данных судах отпущен со всеми своими вещьми к Шанцам”.

Петр I с радостью писал А.А. Виниусу, что Нотебург взят “малою кровью”, а его артиллерия “зело чудесно дело свое исправила... Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава Богу, счасливо разгрызен”. Царь переименовал Орешек-Нотебург в Шлиссельбург (Ключгород), то есть ключ к морю. Сейчас Шлиссельбург носит название Петрокрепость.

Весной 1703 года Петр I задался целью овладеть всем течением Невы и прочно утвердиться в Ингрии. А сей дерзновенный замысел можно было осуществить, лишь овладев крепостью Ниеншанц (близ устья Охты, впадающей в Неву).

В начале апреля 20-тысячная русская армия под командованием Шереметева от Шлиссельбурга двинулась к устью Невы по правому ее берегу.

25 апреля подошедший к Ниеншанцу Шереметев стал “обкладывать” его со всех сторон. 26-го числа из Шлиссельбурга с флотилией прибыл Петр I. На судах доставили осадную артиллерию.

В ночь русские начали бомбардировку крепости. Ниеншанц ее не выдержал и капитулировал после 12 часов обстрела, прежде чем начался штурм.

Взяв Нотебург и Ниеншанц, русская армия отвоевала древний путь “из варяг в греки” и, что, возможно, было важнее, в руках Российского государства оказался открытый выход в Балтийское море.

Спустя неделю истории было угодно подарить Петру I счастливый случай еще раз побить шведов, теперь на воде. Не зная еще о судьбе крепости Ниеншанц, вице-адмирал Г. Нуммерс 6 мая направил к ней от стоящей на взморье эскадры вверх по Неве два корабля. Подойдя, те дали два сигнальных выстрела из пушек. Русские ответили тем же условным сигналом и обманули шведов: 10-пушечный фрегат “Гедан” и 8-пушечный “Астрил” бросили якоря в Неве.

Петр I, не мешкая, посадил на 30 лодок гвардейцев-пехотинцев. Лодочную флотилию разделил на два отряда: один атаковывал шведов со стороны нижнего течения Невы, а второй отрезал им путь в залив.

Боем управлял сам Петр I, взяв себе в помощники поручика А.Д. - Меншикова, «понеже иных на море знающих никого не было». А как он протекал, рассказывает «Журнал Петра Великого»: «... а 7 числа пред светом половина лодок поплыли тихою греблею возле Васильевского острова под стеною онаго леса и заехали оных от моря, а другая половина сверху на них пустилась. Тогда неприятель тот час стал на парусах и вступил в бой, пробиваясь назад к своей ескадре (также и на море стоящая ескадра стала на порусах же для выручки оных), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами и хотя неприятель жестоко стрелял из пушек по наших, однакож наши, несмотря на то, с одною мушкетною стрельбою, и гранаты (понеже пушек не было), оные оба судна абординировали и взяли».

Царь настолько удивился случившемуся, что приказал отчеканить медаль с надписью: «Небываемое бывает». Петр I был произведен из «капитана от бомбардиров» в чин «капитан-командира».

Во второй половине мая и в июне русским войскам сдались бывшие новгородские крепости Копорье и Ямбург (Ям) на южном побережье Финского залива. Теперь «вся Ингрия, — писал Петр I Ф.М.Апраксину, — в руках».

В «Журнале или поденной записке Петра Великого» есть такая запись: «По взятии Канец (русское название Ниеншанца. — Авт.) отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить, или иное место удобнее искать (понеже оны мал, далеко от моря, а место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать новаго места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место остров, который назывался Луст-Эланд (то есть Веселый остров), где в 16 день мая крепость заложена и именовала Санкт-Петербург».

Так, 16 мая 1703 года был основан город, который по велению Петра стал новой столицей Российского государства.

Тогда же Петр заложил в устье Невы Петропавловскую крепость, а Ниеншанц был срыт.

Весной, ожидал Петр, противник мог появиться перед строящейся Петропавловской крепостью. Он сам обследовал остров Котлин и установил, что путь к северу от него закрыт мелями и подводными камнями. Фарватер же простирался к югу, пролегая между островом и отлогим берегом залива.

На самом фарватере, на дистанции пушечного выстрела зимой заложили искусственный остров из огромных деревянных срубов,

наполненных камнями, уходивших тут же под лед. На рукотворном острове поставили батарею из 14 пушек и назвали новую крепость Кроншлот. На соседнем Котлине возвели береговые батареи из 60 орудий. Так было положено начало морской крепости Кронштадт.

В Санкт-Петербурге Петр I заложил адмиралтейскую верфь, так что он становился новым центром кораблестроения, помимо того ему суждено было стать совсем скоро и морским портом: уже в ноябре 1703 года на Неве пришвартовался первый иностранный корабль (голландский).

Карл XII, естественно, не мог смириться с утверждением русских в невском устье. Севернее его он приказал сосредоточить корпус генерала А.Крониорта. Тот занял сильную позицию на берегу реки Сестра (впадает в Финский залив). Крониорт сосредоточивался для нападения на Санкт-Петербург, собрав 4 тысячи человек пехоты с 13 орудиями, причем со стороны, где на суше Петр укреплений не имел.

Но Петр не пошел на ретираду, а смело двинул навстречу Крониорту отряд из 4 драгунских и 2 гвардейских полков (всего около 8 тысяч человек). 7 июля русские полки поднялись в атаку на шведов у Систербока (Сестрорецк) и в жестоком бою учинили им разгром. Неприятель, потеряв тысячу человек, бежал почти до самого Выборга.

Но угроза Санкт-Петербургу оставалась. Шведы задумали ударами с суши и моря, которые бы пришлись на одно время, выбить русских с побережья близ устья Невы, где утверждался молодой город.

Однако это не осталось тайной для командующего войсками, сосредоточенными в районе Санкт-Петербурга, обер-коменданта генерал-майора Я.В.Брюса. Когда в конце июня 8-тысячный неприятельский отряд под начальством генерала И.Майделя появился на берегах Сестры, его тут же обнаружили. Брюс успел на Березовом острове спешно возвести полевые укрепления, а на Большой Невке сосредоточить весь оказавшийся под рукой флот — как парусный, так и гребной.

Ключгород — Шлиссельбург развернул все орудия в сторону неприятеля.

Пока отряд Майделя развертывался и атаковал Ключгород, к Котлину подошел флот Швеции в 24 вымпела под флагом адмирала Анкерштерна. Тот намеревался прорваться мимо Кроншлота к Петербургу. Началась бомбардировка острова с моря.

А затем адмирал Анкерштерн направил к острову эскадру де

Пруа с десантом в тысячу человек. Два раза шведы высаживались, цеплялись за котлинскую косу, и оба раза их выбивал отряд полковника Толбухина. В начале августа Майдель еще раз решился взять Санкт-Петербург. Ему удалось вывести войска к городу. Майдель, зная, что Брюс больших сил не имеет, послал ему ультиматум сдать город, угрожая штурмом. Брюс с достоинством ответил: “Мне очень странно предложение генерал-поручика уступить ему вверенную мне всемилостивейшим моим государем и царем крепость: не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить”.

Брюс не стал ждать атаки Майделя, а сам выступил с отрядом Санкт-Петербургского гарнизона. Русские выдвинулись на боевую позицию вдоль левого берега Невы, против устья Охты. Шведы пришли в движение, видимо, запаниковали, отступив по наведенному мосту через Охту. Но здесь попали под удар русских. Отряд Майделя откатился на север.

Спустя год упрямые шведы еще раз предприняли нападение с моря на Кроншлот (адмирал Анкерштерн, флот в 22 вымпела), а с суши на Петербург (генерал Майдель, 10-тысячный отряд), но и на сей раз дело кончилось отступлением неприятеля. Санкт-Петербург устоял.

Трехгодичный опыт войны с армией Швеции, включая осаду крепостей Нотебург и Ниеншанц, обогатил войска искусством сражаться на равных с сильным противником и побеждать. Но, пожалуй, пока не столько умением, сколько числом.

Завоевав Ингрию, Петр I снова обратил свою стратегию на Лифляндию и Эстляндию. Непокоренные эти земли крепко стерегли шведские крепости Дерпт (древнерусский Юрьев) и Нарва. Стратегия Петра будто совершила огромный круг и вернулась к исходной точке.

В мае 1704 года 22-тысячная армия Б.П.Шереметева выступила из Пскова на Дерпт. А в ночь на 4 июня передовые отряды русских уже выдвинулись к Дерпту. А когда подошли главные силы, Шереметев обложил крепость с правого и левого берегов реки Эмбаха, перекрыв дорогу на Нарву.

Шведский гарнизон под командой К.Г.Шютте насчитывал более двух тысяч человек.

10 июня Шереметев начал обстрел крепости, но он, к его удивлению, мало что дал. К Дерпту из-под Нарвы немедленно приехал Петр. Он увидел, что направление главной атаки приходилось на самые надежные укрепления крепости. Он изменил направление главного удара, сместив его на северо-восточную оконечность крепостной огады. Здесь она представляла старинную каменную стену, обветшавшую от

Петр I в Нарве.

времени. Когда 6 июля Шереметев возобновил бомбардировку, обрушив всю мощь осадной артиллерии на северо-восточную стену, она дала брешь.

В ночь на 13 июля русские войска ворвались на вал и захватили пять пушек. Русские спустились на улицы города, и шведский гарнизон сдался.

В то время как Шереметев сражался за овладение Дерптом, русские войска под начальством австрийского фельдмаршала Г.В.Огильви (нанят Петром I на три года) осадили Нарву.

Карл XII позаботился об усилении гарнизона: вместо 1900 человек в прошлую осаду теперь он насчитывал 4555 человек. Мощные бастионы нарвской твердыни усиливали 432 орудия. В замке Ивангорода стоял отряд при 128 орудиях.

Карл XII послал к устью Нарвы парусную эскадру под коман-

дой де Пруа с тем, чтобы она высадила близ крепости сильный десант. Однако вражеские корабли напоролись на залпы русских батарей и отвернули в море.

Это не остановило шведов. Вскоре де Пруа вновь подошел к побережью близ Нарвы, но теперь уже с гораздо большим флотом, в 52 вымпела, имея на борту многотысячные десантные войска. Но и на сей раз огонь русских пушкарей стал для королевской армады непреодолимым препятствием.

Четыре полка обложили собственно Нарву, другие полки, в том числе Преображенский и Семеновский, встали лагерем в двух верстах от крепости. Русские войска обхватили крепость подковой: ждали подвоза осадной артиллерии. Осадные работы затянулись до августа.

Тут А.Д.Меншиков пошел на военную хитрость. Из Пскова доставили трофейное шведское обмундирование, нарядили в него два драгунских и два гвардейских полка, отвели их из поля видимости с крепостных башен. Здесь они разыграли с русскими наступающими войсками бой.

Генерал Горн не обнаружил подвоха, даже глядя на бой в подзорную трубу, и, уверенный, что подошел “сикурс”, решил произвести сильную вылазку, ударить в тыл осаждающим. Из крепости вышло до 150 драгун и до тысячи человек пехоты, а также толпа горожан — поживиться обозными трофеями. Русские неожиданно обрушились на шведские войска. Гарнизон лишился около 300 человек.

Перелом в осаде Нарвы наступил после того, как войска изпод Дерпта были переброшены к Нарве, и русский осадный корпус увеличился до 45 тысяч человек, имея 150 орудий.

Генерал Горн ответил отказом на предложение о капитуляции. Военный совет русской армии принял решение: только штурм. Он начался 9 августа в два часа дня. На приступ шло 1600 бойцов, разделенных на три штурмовые колонны.

Штурм доселе неприступной Нарвы — древнерусского Ругодева — продолжался всего 45 минут. Русские после бомбардировок и ожесточенного боя захватили главный вал. Горну ничего не оставалось, как сдать Нарву. Вслед за ней сдался и Ивангород.

О победе Петр I известил близких ему людей. Письма все были одинаковые, начинающиеся фразой: “Я не мог оставить без возвещения, что все милостивейший Господь каковым счастьем сию отаку окончити благоволил, где пред четырьмя летами оскорбил, тут ныне веселие победителям учинил, ибо сию преславную крепость чрез лесницы, шпагою в три четверти часа получили”.

С падением 13 июля Дерпта (Юрьева) и 9 августа Нарвы (Ру-

годева) боевые действия в Прибалтике “взяли паузу”. Шведские войска еще держались в портовых городах Риге, Ревеле и Парнове.

За четыре года после Нарвской “конфузии” русская регулярная армия набрала силу и овладела Ингерманландией, как теперь стала называться Ингрия, очистила от противника почти всю Эстляндию и Лифляндию. Сильные крепости Шлиссельбург, Кроншлот, Ямбург, Нарва и Дерпт надежно прикрыли отвоеванную у Швеции территорию.

Известный историк прошлого Феофан Прокопович писал, что русский солдат учился побеждать сильного противника “прикладом своим” (то есть своим примером), и “чудо из чудес, что новое в России воинство вдруг (одновременно. — Авт.) и воевать училось и победительно воевало”.

Отвоевание устья Невы и закрепление на берегах Финского залива дало новый толчок развитию кораблестроения в России и созданию военно-морских сил.

Весной 1705 года в невском устье уже сосредоточилась целая флотилия — ядро мощного Балтийского флота Российского государства. Там встали на якорь 8 фрегатов, 5 шняв (быстроходных парусников для ведения разведки и крейсерства), 4 галеры, 2 брандера и 5 малых морских судов. Не это ли было уже окном в Европу?

На конец 1705 года Петр I замышлял создать прочную оборонительную линию к северу от Невы для того, чтобы обезопасить Санкт-Петербург. Следовало овладеть шведскими крепостями Выборг и Кексгольм, то есть изгонять шведов с берегов Ладожского озера и восточного берега Финского залива.

Однако этому замыслу не суждено было пока осуществиться. В Речи Посполитой, в которую вторгся Карл XII, резко осложнилась ситуация, угрожавшая союзнику России Августу II потерей короны польского короля и курфюрста саксонского.

Петру пришлось переориентировать свою стратегию на действия с северо-западного пограничья на территорию Речи Посполитой — унитарного государства, объединявшего Польшу и Литву и вбиравшего еще в себя белорусскую и правобережную украинскую земли.

5. Гродненский маневр

Тем временем шведский король гонялся по Польше за Августом II. Он уже прибрал к своим рукам главные жизненные центры Польши: Варшаву, Краков, Торунь. 12 июля 1704 года Карл XII добился того, что сейм низложил Августа и провозгласил королем Речи Посполитой своего ставленника познанского воеводу Станислава Лещинского.

События не пошли, а полетели, обретая характер вихря. Избрание Лещинского взбудоражило Сандомирскую конфедерацию и всепольское ополчение сторонников Августа. Она объявила войну Швеции, а Варшавскую конфедерацию Станислава Лещинского признала “рокошешем”, то есть сборищем людей, поставивших себя, свои семейства и имения вне закона.

Для России все это имело то значение, что Речь Посполитая (всепольское ополчение) шла на союз с ней, чего долго не удавалось добиться Петру. Этот союз был скреплен подписанием договора 19 августа 1704 года.

Россия брала обязательство послать в Польшу 12-тысячный корпус. Речь Посполитая, со своей стороны, выставляла армию в 21800 кавалеристов сразу же, а в 1705 году еще и 26200 пехотников. Россия за это должна была выплачивать ежегодно безвозмездную субсидию в 200 тысяч рублей.

Петр I без промедления двинул из Киева на территорию Польши корпус под командованием М.М.Голицына численностью в 17 тысяч человек (12000 пехотников и 5000 украинских казаков). Русские войска соединились с поляками и ускоренным маршем пошли на Варшаву. В сторону столицы Польши двинулась и саксонская армия под командованием фельдмаршала Шеленберга.

В августе 1704 года объединенные силы русских, саксонских и польских войск под общим командованием Августа II овладели столицей Речи Посполитой. Станислав Лещинский бежал.

В это время Карл XII с войском в 17 тысяч человек отвоевывал Галицию, тесня к Львову польские войска и украинских казаков, а оттуда, как и следовало ожидать, правым берегом Вислы двинулся к Варшаве. Хотя Август II имел под Варшавой сил вдвое больше, он уклонился от генерального сражения и отошел к Кракову, а затем к Дрездену.

В тяжелое положение попал корпус Голицына. Один отряд его, числом около 1500 человек, вместе с саксонскими войсками отступал на Украину. Но еще в начале похода в Силезии, когда саксонцы поспешно отошли, на отряд напали шведы и в отчаянной борьбе

уничтожили его, даже в плен никого не взяли. Голицыну, однако, удалось отвести главные силы корпуса за Одер. В это время Карл XII расположил свою армию на зимних квартирах в районе Равич.

Что же Петр? Хотя царь, как и Август II, избегал генерального сражения, он понимал, что рано или поздно встреча “лоб в лоб” с Карлом XII должна состояться: только она могла решить судьбу Прибалтики и Речи Посполитой. Вот почему с осени 1704 года он стал стягивать русские войска на Западную Двину, к Полоцку — месту, удобному для действий как на Прибалтику, так и на Варшаву.

В Полоцк выступил А.И.Репнин с 12 полками пехоты и конницы, получив от царя инструкцию содействовать Августу II, но не ввязываться в “генеральный бой со всем шведским войском”.

Вслед за Репниным поднял в поход 5 своих пехотных полков и Шереметев. К весне 1705 года в Полоцке собралось около 50 тысяч русских войск под общим командованием Г.Б.Огильви.

12 июня 1705 года в армию приехал Петр. Он собрал военный совет, на котором было решено армии перейти реку и выйти к Гродно, дабы соединиться близ этого города с саксонскими и польскими войсками.

Карл, сидя в Варшаве, не спускал глаз с передвижений неприятеля, но ничего не предпринимал.

Авангард А.Д.Меншикова из 10 тысяч драгун и 2 тысяч пехотинцев встал в районе Тыкоцин-Пултуск. Главные же силы Огильви — около 30 тысяч человек при 103 орудиях разбили лагерь на правом берегу Немана и около Гродно.

Саксонские и литовско-польские войска, насчитывающие 10—12 тысяч человек, Август II расположил южнее, в районе Нур-Брест. Кроме того, в район Львова из Волыни должен был прийти 15-тысячный корпус украинского гетмана Мазепы. Таким образом, Август II как главнокомандующий союзными войсками вытянул союзные войска по кордону и потерял численное превосходство над противником.

Вводя русскую армию на польско-литовскую землю, Петр I ясно сознавал, ради чего он это делает: “для удержания уже при падении сущей Речи Посполитой и оной вольности и при детронизации обратавшегося законного короля...”.

Не всегда Петру, однако, сопутствовал успех. В июне 1705 года он двинул полки Шереметева вниз по Западной Двине, чтобы у Митавы отрезать 8-тысячный отряд Левенгаупта от Риги. Удачным ударом по Митаве Шереметев разгромил застигнутый врасплох шведский гарнизон, взял 295 орудий, в том числе мортиры новой

конструкции. Левенгаупту с главными силами 15 июля удалась военная хитрость: делая вид, что он уходит из лагеря, он заставил русские драгунские полки начать раньше времени атаку, не дождавшись подхода пехоты с пушками. Русская конница опрокинула шведскую, но увязла в неприятельском обозе. Тем временем Левенгаупт перестроил свои боевые порядки и атаковал слабую пехоту Шереметева.

Русский отряд, потерявший около двух тысяч человек и 13 пушек, отступил. Левенгаупт укрылся в Риге.

Наступила зима. Август II и Огильви, расположив свою штаб-квартиру в Гродно, полагали, что Карл XII, как это было тогда заведено, не откроет военных действий. Но вопреки традиции Карл XII 28 декабря начал поход на Гродно, близ которого стояли драгунские полки А.Д.Меншикова. Карл XII имел под рукой 40-тысячную армию, из них шведов 20, поляков Станислава Лещинского столько же. И уже спустя две недели, в лютый мороз он, одолев 360 верст, внезапно появился перед Гродно.

Не ожидавший сего маневра Меншиков оказался отброшенным со своими драгунами от Тыкоцина на северо-восток и успел "отбежать" к Минску. А Карл XII, не мешкая, перешел Неман южнее Гродно и таким маневром перерезал дороги на Белоруссию и Прибалтику.

Фельдмаршал Огильви принял сомнительное решение: снять русские войска — главные силы (около 30 тысяч человек) с зимних квартир и сосредоточить в Гродно. Но Август II ночью 17 января в сопровождении 600 драбантов — королевских гвардейцев и 4 полков русских драгун покинул город и направился в Западную Польшу навстречу своей саксонской армии.

Еще утром 15 января Карл XII, проведя рекогносцировку Гродно и его укреплений, отказался от штурма города. Он решил блокировать его и тем заставить Огильви или капитулировать, или вывести войска в открытое поле.

Между тем уход Августом II драгунской конницы сильно ослабил сосредоточившуюся в Гродно русскую армию.

С получением известия о появлении Карла XII под Гродно Петр поспешно выехал в Минск, куда только что отошли драгунские полки А.Д.Мешникова. Царь еще с дороги отправил под Минск вновь сформированные пехотные полки, гетману Мазепе приказал прислать отряд украинских казаков. Однако достаточных сил для деблокады Гродно не набиралось — минский отряд не превышал 12 тысяч человек.

Черной тучей над Россией нависла опасность, и состояла она в том, что Петр I практически оставался без крупных сил регулярной ар-

мии, запертых в Гродно.

Но, как и после “нарвской конфузии”, Петр I не впал в уныние. Он отдает распоряжение о создании вдоль западной границы от Пскова до южных степей сплошной укрепленной линии. В лесах прорубались просеки шириной от 150 до 300 шагов, а на полях и полянах между лесами возводились земляные валы.

Тем временем Огильви в секрете от русских генералов завязал тайную переписку с Августом II. Тот не без корысти настаивал на выходе русской армии из Гродно для соединения с саксонской. Петр же предлагал Огильви и Меншикову отступить, бросив в Неман тяжелые орудия (около 15). “Лучше о целости всего войска заботиться, нежели о чем малом убытке”, — писал он Меншикову.

Однако положение русской армии стало поистине драматическим после того, как в феврале 1706 года идущих на выручку саксонцев и русских драгун в пух и прах разбили при Фрауштадте шведские войска генерала Рейншильда. Союзники потеряли на поле боя свыше семи тысяч человек убитыми. Русские драгуны четырех полков, которые увел с собой из Гродно Август II, в течение четырех часов последними сдерживали натиск шведов. Всех пленных русских перекололи копьями и багинетами.

После боя при Фрауштадте Петр приказал отступить из Гродно, чтобы “как возможно стараться, как бы людей спасти”. 12 марта он указал отходить на Волинь, прикрываясь труднопроходимым Полесьем с его болотами.

И тут Карл XII допустил роковой просчет. Как он полагал, русские войска будут отходить по кратчайшему пути из Гродно — на восток. Посему он стал наводить мост через Неман для переправы своих сил и обхода блокированного Гродно с востока. Шведские войска уже начали было движение к этому мосту, как вдруг 24 марта он был снесен разбушевавшимся ледоходом, в то время как русские полки один за другим вырвались из шведской петли, выходя из Гродно по постоянному мосту. 27 марта они уже подошли к Тыкоцину.

Карл XII таким образом прозевал уход русских и был вне себя от бешенства. Огильви оторвался от них на десяток переходов.

Достигнув Тыкоцина, походная колонна круто повернула на юг, к Брест-Литовскому. До него они добрались через 12 дней пути, покрыв немалое расстояние по разбитым в весеннюю распутицу дорогам.

В Брест-Литовском изнуренная армия, но находившаяся уже в безопасности, получила суточный отдых, а после двинулись на Ковель,

оттуда к Киеву.

Тем временем в Пинске Карл XII, понявший, что теперь уже не перехватить русских, разместил войска на отдых. Шведы простояли в Полесье больше месяца, разоряя бедный край. Только после этого королевская армия тронулась с места. Карл повел ее на Волынь.

8 мая вышедшие из гродненской западни русские войска достигли Киева и расположились фронтом на северо-запад для обороны границ Российского государства на случай, если Карл XII из Полесья двинется на Москву.

С русской службы Петр I уволил генерал-фельдмаршала Огильви. Высшее руководство армией возложил на Б.П.Шереметева и А.Д.Меншикова, военно-морским флотом — на Ф.М.Апраксина.

Гродненских маневр — вывод почти всей русской армии из блокированного города на Немане, когда, казалось, она была обречена на гибель, — остался в истории классическим образцом петровского военного искусства.

6. Калишская виктория

Подвергнув огню и мечу Волынь, армия Карла XII через Люблин двинулась на столицу Саксонии Дрезден.

Едва шведская 24-тысячная армия вошла в Саксонию, саксонские войска под командованием генерала Шуленбурга ретировались в Франконию. Карл XII занял всю страну.

Перед Августом II возникла угроза потерять свои наследственные владения. Боясь этого, он начал, втайне от русских, переговоры со Швецией. 13 сентября союзник Петра I по Северной войне подписал унижительный мирный договор с Карлом XII (г. Альтранштадт).

Саксонский курфюрст отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, предав тем самым сторонников Сандомирской конференции. Разрывался союз с Россией. Август II обязывался выплатить крупную контрибуцию (625 тысяч рейхсталеров).

Россия таким образом осталась в Северной войне один на один со Швецией.

Петр I, ничего не зная о ведущихся за его спиной переговорах, решил помочь Августу II. Когда ему стало известно, что шведские войска двинулись с Волыни в Польшу, он дал указание о сосредоточении русской армии в районе Жолкиева, в 25 верстах севернее Львова. Отряд драгунской конницы под командованием А.Д.Меншико-

ва двинулся в Саксонию.

В отряде Меншикова находился и Август II, но от него Меншиков не слышал и слова об Альтранштадском мире. Зато курфюрст, опасаясь навлечь на себя гнев Карла XII, делал все для того, чтобы сражение не состоялось. Но Меншиков следовал велениям Петра I, а не Августа.

В начале октября Меншиков получил от конной разведки донесение: противник под командованием генерала А.А.Мардефельда в больших силах сосредоточивается под Калишем. Он, не долго думая, решил атаковать его.

Август II, находясь в отряде Меншикова, послал генералу Мардефельду письмо с предупреждением о намерении русских атаковать его позиции. Курфюрст надеялся, что тот, получив такую информацию, отведет свои войска от Калиша. Но Мардефельд отнесся к посланию с недоверием.

Еще при движении к Калишу, у Видавы, русский авангард из 3 тысяч драгун под командованием генерала Ренне внезапно напал на повстречавшееся вражеское боевое охранение (польское). Бой закончился тем, что русские драгуны опрокинули сначала правое крыло поляков, а затем обратили в бегство и левый неприятельский фланг.

Теперь дорога на Калиш была открыта, 18 октября 1706 года союзные войска без препятствий приблизились к городу. Как оказалось, генерал Мардефельд занимал сильную позицию за рекой Просной.

Какую же диспозицию избрал Меншиков? Русскую кавалерию он выдвинул на правое крыло, построив 80 драгунских эскадронов в три линии. На левое крыло поставил 42 эскадрона саксонцев, а позади — поляков-сандомирских конфедератов.

Сражение под Калишем 18 октября началось пушечной дуэлью. Шведская пехота, оставшись одна, построилась в каре, и атака за атакой русской кавалерии разбивалась о него, как о стену. Казалось, пробить его было невозможно. И тут Меншиков спешил несколько эскадронов драгун, а конницу третьей линии бросил на фланг шведов.

Как развивались события дальше, рассказывает сподвижник Петра I И.А.Желябужский: "...и по такому благорасположению жестоко от наших на пехоту строено, и потом был пружестокый бой, на котором в непрестанном огне 3 часа были наши вящщую силу взяли и так жестоко на неприятеля боем наступили, что в конце оногo разорили, разве малая часть от конницы шведской ушла, а

пехота вся осталась”.

Генерал Мардефельд сдался в плен. Сдались в плен и не успевшие скрыться поляки Станислава Лещинского.

“Журнал Петра Великого” о Калишской баталии сообщал: “Наши неприятеля сломили и полную викторию получили; и только часть конницы неприятельской шведской ушла, а пехота вся побита и взята так, что на месте неприятелей положено с четыре тысячи или более человек шведов, да с тысячу поляков”.

За первые шесть лет Северной войны сражение при Калише было самым значительным. Ранее ни в одном из боев не участвовало с обеих сторон такое большое количество войск. Ни одно из них не кончалось пленением неприятельского командующего и никогда еще русские войска не проявляли столь высоких морально-боевых качеств, как здесь.

Вопросы к главе II:

1. Удачи и неудачи первых сражений русских и шведских войск в начале XVIII в.
2. В чем состояла военная реформа Петра I?
3. Борьба русских войск за выход к Балтийскому морю и первые победы русской армии.
4. В чем заключался гродненский маневр русских войск?
5. Калишская виктория и ее значение.
6. Что такое линейная тактика? Следовал ли ее правилам Петр I?

Глава III

“НИЧТО ТАК НЕ НАДЛЕЖИТ ХРАНИТЬ, ЯКО ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”

1. В преддверии новых сражений

Автор “Журнала или поденной записки Петра Великого” оставил потомкам бесстрастные слова: “Декабря в 10 день (1706 г. — Авт.) государь путь свой воспринял из Петербурга в Нарву, а оттоль намерен был ехать к Москве, но тогда получена...ведомость от генерала Меншикова чрез нарочного куриера, что король польский Август, учиня...тайно партикулярный мир со шведами, уехал ко шведскому королю в Саксонию и по тем ведомостям государь для того пошел в Польшу, дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе, понеже тот мир учинен без ведома оной”.

Петр I сразу ухватил суть того, что произошло после Альтранштадтского мира: Россия после Дании, занявшей позицию нейтралитета, теряла второго союзника — Саксонию. Северный союз рухнул.

События пошли, сменяя друг друга, с поразительной быстротой. Отбросив намерение ехать в Москву, Петр, с получением “ведомости” Меншикова, пустился в дальнюю дорогу — в штаб-квартиру русских войск в местечке Жолкиев, близ Львова, и объявился здесь уже в конце декабря 1706 года. Надо было вырабатывать новую стратегию борьбы с Карлом XII: круто изменившаяся обстановка таила в себе угрозу нашествия шведов на Россию.

Незадолго до этого Б.П.Шереметев, увидев, что шведский король удалился за Одер, ввел свое 60-тысячное войско в Польшу, быстро продвинулся до Вислы. Новоявленному королю Речи Посполитой Станиславу Лещинскому пришлось бежать в лагерь своему шведского покровителя — в Альтранштадт.

Но положение тем не менее было опасным. Тем более, что Станислава Лещинского как короля стали признавать государства, а шляхта начала переходить на его сторону. Петр, таким образом, терял Польшу как союзника, а Карл XII, наоборот, ее как союзника приобретал.

Смертельная схватка с Карлом в одиночку стала для Петра неизбежностью.

...В Жолкиеве Петр сразу по прибытии собрал “консилию”, на

которой решался один вопрос, главный для всей Северной войны, “давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах”. Так его поставил в своем докладе Б.П.Шереметев.

Консилия единодушно высказалась за то, “чтоб в Польше не давать; понеже ежели б какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду, и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет”.

Стратегия Петра I, таким образом, сводилась к тому, чтобы отвести армию из Польши к границам российского государства, но, отводя, изматывать (“томить”) противника, а уж у границ “дать баталию”.

В тактике Карла XII был один изъян: он не заботился об устройстве своего войскового тыла, предпочитая снабжать армию из местных ресурсов, грабя населения захваченной территории. Вот почему сразу после жолкиевской консилии Петр приказал к весне 1708 года в пограничной полосе шириной до 200 км “от Пскова через Смоленск до Черкасских городов” вывезти и спрятать в лесах и ямах хлеб и фураж, да еще устроить засеки в лесах и завалы на дорогах.

Тогда же Петр распорядился усилить крепостные укрепления Петербурга, Новгорода, Пскова, Смоленска, Великих Лук, Киева, особливо же Москвы.

Когда царь отдавал эти распоряжения, было неясно, куда двинется Карл XII: то ли прямо на Москву или сначала в Прибалтику на соединение с корпусом Левенгаупта, под Ригу. Поэтому Петр к весне 1707 года оттянул главные силы к Полесью. Чтобы прикрыть направления как на Петербург, так и на Москву, пехота отодвинулась к Минску, а кавалерия осталась на Висле. Это резко углубило театр войны.

Не оставляя стремления Петр и восстановить Северный союз. Его дипломаты вели оживленные переговоры с датским королем и Августом II. Саксонскому курфюрсту высказывались пожелания о возвращении на королевский трон в Польшу, ему была обещана субсидия.

Карл XII был полководцем, склонным к неожиданным действиям. Его кампании в Польше и Саксонии показали, что, проводя быстрый марш-маневр, подчас в очень тяжелых условиях, он мог наголову разгромить неприятеля, а затем целыми месяцами стоять на одном месте, наблюдая, как разбитый враг накапливал и перегруппировывал силы. Затем следовал новый быстрый выпад — и вновь наступала пауза.

Шведскому королю стали известны стратегические решения

жолкиевской “консилии” (возможно, от гетмана Мазепы). Но действовал он так, как будто их и не существовало. После Альтранштадского мира он стоял в Саксонии почти год. 28 января 1708 года Карл XII с авангардом — кавалерийским отрядом — стремительно ворвался в Гродно.

Все еще оставалось неясным, куда пойдет Карл: на Псков ли и далее на Москву или на Украину. Карл же повернул на юго-восток, в сторону Минска, и вновь наступила пауза на пять месяцев. Лишь в июне, когда шведский король повел войска к Березине, его действительные намерения проявились, и заключались они в том, чтобы нанести прямой удар в сердце России — на Москву через Смоленск.

Русская армия почти все время находилась в боевом соприкосновении с противником, но от генеральной баталии уклонялась. Когда 8 февраля Карл XII захватил Сморгонь, казалось, он догонит Шереметева и Меншикова, но те сумели искусным маневром вывести войска из-под ударов шведов.

К весне 1708 года главные силы русской армии численностью 57000 человек отошли на оборонительную линию восточнее реки Уллы, Лепельских озер и реки Березины. Правый фланг их упирался в Полоцк, а левый кончался у Быхова. Встав здесь широким фронтом, русские войска преградили операционные направления шведов через Могилев на Смоленск и далее к Москве, а через Полоцк в Ингерманландию.

У Пскова в направлении Дерпта стоял 16-тысячный русский корпус Р.Х.Боура.

Под Санкт-Петербургом располагался ингерманландский корпус (24000 человек) Ф.М.Апраксина. Он занимал позиции между Нарвой и устьем Невы.

Наконец, у Киева, этого форпоста на границе с Речью Посполитой, встал корпус М.М.Голицына в 12 тысяч человек и украинские казачьи войска, усиленные бригадой Анненкова.

Таким образом, русские войска перекрывали шведской армии три важнейшие направления: Санкт-петербургское, московское и киевское.

Общая численность русских войск превышала 140 тысяч человек. Войска насчитывали 2 гвардейских, 52 пехотных и 3 гренадерских пехотных полка, 28 кавалерийских полков и 1 артиллерийский полк.

Где и какой противник им противостоял? Перед тем как начать поход на Москву, Карл XII сосредоточил главные силы своей армии (до 54 тысяч человек) в районе Вильно — Сморгонь и взялся

здесь за сбор провианта. Передовые отряды выдвинул в сторону Минска.

В Прибалтике, в районе Рига — Митава, стоял 16-тысячный корпус Левенгаупта, которому предстояло соединиться с главными силами армии. В Финляндии, в районе Выборг — Кексгольм, занимал позиции корпус Либекера (14 тысяч человек). В Польше оставался корпус Крассова (около 8 тысяч человек).

Кроме того, Карл XII держал крепостные гарнизоны в Прибалтике общей численностью 12 тысяч человек и в шведской Померании — 11 тысяч. В самой Швеции находилось 20 тысяч войск. Все эти войска представляли резервы, которые шведский король в любое время мог перебросить на театр военных действий. И это не считая того, что на Балтике господствовал его флот.

Наконец, Карл XII мог рассчитывать и на войска короля Польши Станислава Лещинского (около 20 тысяч человек).

Всего против русской армии на главных направлениях Карл XII вводил в дело 65—70 тысяч человек.

То, что Карл XII задумал “русский поход” всерьез, сомневаться не приходилось. В официальных кругах Стокгольма говорили, что Карл XII помирится с Россией, только когда он приедет в Москву и царя с престола свергнет.

У шведского короля был план расчленения России на мелкие княжества и захвата ее территорий, прежде всего русского Севера, Киева и Смоленска.

В марте 1708 года Петр I созвал в штаб-квартире русской армии, в Бешенковичах, новую консилию. На ней обсуждался проект А.Д.Меншикова, который содержал наиболее вероятные варианты действий против шведской армии.

Консилия решила: 1. В случае движения армии Карла XII на Псков для соединения с корпусом Левенгаупта и наступления против Санкт-Петербурга предложить Боуру начать боевые действия с фронта, а главным русским силам передвинуться в Ингерманландию.

2. В случае движения войск Левенгаупта к главным силам королевской армии и наступления шведов на Москву через Смоленск, русской армии обороняться с фронта, а корпусу Боура ударить в тыл Левенгаупту.

3. В случае наступления шведских войск со стороны Выборга, Риги и Копыси надлежало сохранить прежнее расположение русской армии и действовать по обстоятельствам.

4. Движение главных сил шведов на Киев исключалось. Однако в случае наступления на него войск Станислава Лещинского и

шведского корпуса Крассова, в район Киева посылались подкрепления. Главные же силы армии оставались на линии Минск—Смоленск—Москва.

5. Наконец, если Карл XII начнет наступление против Августа II, то направить конницу в тыл шведам, а главные силы использовать для овладения Ригой и Выборгом.

Замысел похода на Москву созрел у Карла XII в начале 1708 года. И тогда же стал известен, правда, в весьма общем виде, Петру I со слов Августа II, а тот узнал о нем от самого Карла XII. Короли (побежденный и победитель), как это ни странно, жили в добром согласии. Не желал Август II ссоры и с Петром I — а возможно, хотел замолить грех? — вот и посвятил его в замысел Карла.

Шведский король задумал соединить свою главную армию с войсками Левенгаупта и двинуться напрямую на Москву. Карл XII таким образом замыслил “отправиться на восток к центру необъятной русской державы”, почти ему неизвестной, совсем так, как сто лет спустя это сделал Наполеон, а еще почти 140 лет спустя — Гитлер. История сыграла и с тем, и с другим, и с третьим злую шутку...

Карл XII, замыслив нанести удар главными силами армии на Москву, предусмотрел и отвлекающий удар — корпусу генерала Либекера предстояло овладеть Санкт-Петербургом.

Король намеревался идти на Москву кратчайшим путем — через Смоленск, который во все времена считался воротами в глубь России.

Король Швеции вошел в историю как незаурядный полководец. Он легко овладевал ситуацией в противоборстве с противником, был упрямым в достижении целей. Закалив себя с детства, Карл XII наравне с солдатами переносил все тяжести походной жизни. Армия его любила и смело шла за ним в бой.

Король сумел реорганизовать армию. Ее полки получили строгий штатный состав. Пехотный полк состоял из 8 рот по 150 строевых чинов (6 капралов и 144 рядовых). Рота делилась на 6 дивизионов по 25 человек (один капрал и 24 рядовых), причем два дивизиона состояли из пикинеров, а четыре — из мушкетеров и гренадеров (22 мушкетера и 2 гренadera). А всего в полку было 1200 солдат.

Кавалерия была любимым родом войск Карла XII. Она состояла из рейтарских и драгунских полков, которые вместе с корпусом лейб-драбантов (телохранителей короля) составляли более половины всей регулярной армии.

Драгунские полки имели такой же штат, как и рейтарские. Лейб-драгунский полк насчитывал 1500 всадников. Больше половины драгунской кавалерии состояла из немецких наемников и солдат, наемных в Лифляндии. Кроме того, на службе у Карла XII находился один полк иррегулярной конницы — гусарский, носивший название Валашского (2 тысячи человек).

В состав шведской армии входил один полк полевой артиллерии. На его вооружении находилось 41 орудие.

Карл XII преуспел в военном искусстве.

Он ввел новшество в тактику кавалерии. До него шведская конница шла в бой рысью или шагом, останавливаясь для стрельбы из мушкетов. Карл XII снял с вооружения тяжелые латы, запретил стрельбу с коней и ввел устрашающую атаку галопом в плотно сомкнутом конном строю.

В армии царил высокий моральный дух.

7 июня 1708 г. шведская армия, имея трехмесячный запас провианта и фуража, выступила из-под Минска. Карл XII — “Северный лев” — начинал свой “русский поход”. Он рассчитывал в конце года вступить с барабанным боем и развернутыми знаменами в белокаменную Москву и тем самым низвергнуть Россию.

2. Провал наступления Карла XII

Получив о том известие, Петр понял: в Северной войне начнутся решающие события.

Российские войска выходили на новые позиции от Черей до Рожка. Конница перебрасывалась на реку Друть и должна была расположиться уступом к пехоте, чтобы прикрыть переправы через Березину. Но Шереметеву и Меншикову не удалось ее закончить, так как Карл XII форсировал реку.

Чтобы обеспечить себе успех, король направил 14 июня к Борису “отвлекающий” отряд генерал-майора Шпарра, а сам с главными силами в течение 16—17 июня переправился через Березину в другом месте — у Сапежинской Березы. Отвлекающий маневр шведов удался.

Русской армии пришлось отойти к Днепру.

К 21 июня Шереметев получил новые данные, из которых явствовало, что противник наступает на Головчино, откуда открывалась прямая дорога на Смоленск.

Через два дня в Могилеве он созвал консилию, которая постановила занять позицию впереди Днепра, удерживая линию Быхов-Полоцк, и не пропускать врага дальше за Днепр.

Русская армия отходила, уклоняясь от баталии со шведами. Те меняли направление, подаваясь к северу. Стало ясно, что король действительно выбрал направление на Головчино.

В ответ Шереметев принял решение стянуть на это направление войска, заняв позиции на левом берегу реки Бабич, притока Березины, восточнее Головчино, чтобы не допустить захвата города Шклова и перекрыть пути на Могилев и Копысь. Маневр завершился ко 2 июля.

Войска занимали позиции у переправ и поэтому оказались разбросанными на фронте в 10—12 километров.

Правый фланг напротив Головчино заняли 13 пехотных полков Шереметева и 11 драгунских полков Меншикова. Эта, самая сильная группировка войск, оказалась отрезанной от центра позиции почти непроходимым болотом.

В центре выпало стоять дивизии А.И.Репнина из 9 пехотных полков с тремя драгунскими полками. Здесь опоздали с устройством фортификаций — пехотные полки стали рыть окопы не 30 июня, когда вышли к реке, а только 3 июля, в дождливую ночь перед самой шведской атакой. Рвы успели выкопать лишь по колено, оставив ретраншемент открытым с флангов. За спиной войск лежало болото.

Подвели Репнина иностранные офицеры-инженеры. Они устроили артиллерийские позиции так, что пушки могли поражать шведов только перед линией окопов, давая противнику возможность избежать огня при подходе к реке Бабич и ее форсировании.

Пехота Репнина встала в одну линию, имея впереди наблюдательные караулы.

Левый фланг заняла конница — 10 драгунских полков генерала Гольца и 4 тысячи казаков и калмыков. И здесь Гольц, как и Репнин, ограничился выдвиганием вперед лишь наблюдательных караулов.

Русская армия встала на растянутой головчинской позиции, имея около 40 тысяч человек и 45 орудий на шести батареях.

Собравшаяся 2 июля консилия вновь подтвердила решение в случае наступления шведов дать им бой, но в генеральную баталию “без крайней нужды” не вступать.

Авангард шведской армии вышел к Головчино 29 июня. Карл XII не решился атаковать позицию русских с хода. Его войска, обремененные большими обозами, двигались очень медленно, растянувшись на десятки километров. Король простоял в ожидании подхода всех своих сил до 3 июля. 12 пехотных и 16 кавалерийских полков собирались за холмом у Головчино.

Король сам произвел рекогносцировку местности и увидел разбросанный характер построения русских войск. Этим он и замыслил воспользоваться, решив атаковать центр и левый фланг головчинской позиции русских.

Карл XII пехоту выдвинул в центр, а кавалерию Реншильда — на свой правый фланг против конницы Гольца. Артиллерию же поставил на высоте против позиции Репнина.

Около полуночи шведы бесшумно спустились к реке. Ночной ливень превратил подходы к ней в непролазную грязь, так что Карл XII был вынужден отдать приказ бросить понтоны и форсировать Бабич вброд. В густом тумане, когда еще не рассветало, 5 пехотных и 4 кавалерийских полка общей численностью свыше 10 тысяч человек незамеченными выстроились против 8-тысячной дивизии Репнина.

Только в половине третьего, под самое утро, барабаны в русском стане забили тревогу. 22 шведских орудия открыли огонь. Завязалась ожесточенная перестрелка, которая длилась два часа.

В это время переправившаяся через реку кавалерия Реншильда связала боем конницу Гольца, а демонстративная атака правого фланга русской позиции сковала войска Шереметева.

Тем временем полки Репнина расстреляли все патроны, и он приказал им отходить по болоту в лес и далее к Шклову.

Репнин потерял управление дивизией, так что ее полки отступили к Шклову разрозненно. Туда же отошли пехота Шереметева и драгуны Меншикова. Конница Гольца отошла к Могилеву.

Таким образом, бой у Головчино закончился поражением русской армии. Но оно не дало Карлу XII стратегических выгод, ибо русские войска, уклонившись от ввязывания в генеральную баталию, хотя и отступили, но сохранили себя как грозную силу, готовую к противоборству на новом рубеже.

Петр I крайне болезненно отнесся к поражению своей армии. Он распорядился “начать розыск”. 9 июля царь писал Меншикову: “Понеже в прошедшей оказии под Головчиным дивизии генерала князя Репнина многие полки пришли в конфузию и, не исправляя должности своей и покинув пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдатцким боем, и про сие злое поведение вышенареченному (т.е. Меншикову.— Авт.) накрепко розыскать, наченши с первого до последнего со всякою правдою...”.

Военный суд определил, что причина “непорядочного” оставления поля боя лежала не в боевой готовности войск, а в потере уп-

равления и нерадивости начальников. Однако суровое наказание понес только один Репнин — его разжаловали в солдаты¹.

За действия, позорящие ратную честь в бою, расформировали 3 драгунских полка. Это стало в русской армии вплоть до 1918 года высшей мерой наказания для воинских коллективов.

Головчинское сражение было первым полевым сражением русской армии в Северной войне.

Головчино стало последней баталией Карла XII, в которой он победил. Боевая инициатива начала переходить к русской армии.

Возможно, здесь сказался приезд в армию 4 июля Петра. Первое, что он сделал, это приказал переместить корпус Боура из-под Пскова к Смоленску.

Тем временем шведская армия двинулась к югу на Могилев. 6 июля военный совет в Шклове решил Могилев отдать, а русской армии сосредоточиться у Горок и наблюдать за движением шведов — на Смоленск ли идут или на Украину?

Заняв Могилев, Карл XII простоял под его стенами почти месяц, поджидая подхода корпуса генерала Левенгаупта.

В начале августа король, не дождавшись Лепенгаупта, решил возобновить поход на Москву.

По наведенным через Днепр трем мостам королевская армия переправилась на левобережье и двинулась на юго-восток к городу Чернигову, демонстрируя наступление у Старого Быхова. Петр этому не поддался, угадав, что маршрут движения главных сил шведов лежал в обход позиции русских у Горок.

Встретив здесь русские войска (4 драгунских полка), Карл XII резко повернул на север и двинулся к Смоленску через Рославль. И этот маневр был разгадан — русская армия немедленно покинула стан у Горок и выдвинулась к Рославлю, преградив путь противнику на позиции у села Доброе. Когда король встал лагерем на берегу Черной Натопы, он выдвинул авангард на 3 километра вперед от главных сил.

Русская разведка донесла Петру о такой ошибке короля. Карл XII, поняв опасное расположение авангарда, хотел было произвести перегруппировку, но опоздал. Петр I его упредил, решив атаковать вражеский авангард.

Для удара в ночь на 30 августа он выделил отряд генерала М.М.Голицына — 8 пехотных батальонов. Кавалерийский отряд

¹ Был Петром I восстановлен в прежней должности и прежнем звании еще во время Северной войны.

генерала Г.Пфлуга (Флука) в 30 эскадронов двинулся в обход неприятеля для атаки с правого фланга.

Рано утром 30 августа Голицын переправился через Черную Натопу и атаковал Росса. После двухчасового ожесточенного боя шведы были опрокинуты и в беспорядке отступили.

То было первое поражение Карла XII после того, как он начал поход на Москву. Русские пехотинцы показали в деле высокую выучку и бесстрашие.

31 августа Петр I писал Ф.М.Апраксину: “Надежно вашей милости пишу, что я, как почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай Боже и впредь так!). И такова еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал”.

Приняв на себя бразды главнокомандующего, царь произвел перегруппировку войск, отойдя за реки Вихра и Городня, и занял здесь оборонительные позиции на границе России с Речью Посполитой. Главные силы сосредоточил у села Соболево.

Только 3 сентября Карл XII двинулся вслед за русской армией. Ему потребовалось восемь дней, чтобы достигнуть границы у деревни Стариши.

Русская армия отходя, то и дело тревожила шведов налетами конницы, заваливала дороги и, самое главное, оставляла перед неприятелем мертвую зону: деревни сжигались, хлеб, фураж и скот вывозились или уничтожались. Население укрывалось в лесах.

Перед тем шведский авангард снова попал под удар русских, когда двигался по дефиле у деревни Раевки. В жестоком бою шведы только убитыми потеряли более двух тысяч человек, в то время как русский отряд, которым командовал бригадир Полонский, потерял 375 человек убитыми и пропавшими без вести.

10 сентября Карл XII остановился на границе. Запасы провианта в армейских обозах подходили к концу — двигаться приходилось по опустошенной местности, где не оставалось ни продовольствия, ни фуража.

Хотя маршем на Стариши Карл XII вроде бы достигал стратегического успеха, отрезая русскую армию от Украины и обеспечивая себе соединение с Левенгауптом. Но это был мнимый успех.

Приближалась зима. Зачастили холодные дожди. Голод отнимал силы у солдат, и они открыто роптали. Среди наемников-саксонцев появились дезертиры.

Здесь, у Старишей, на границе с Россией король признался своим приближенным, что его одолевают сомнения: верно ли будет идти прямым путем на Москву. Карл собрал военный совет.

Король Швеции решил отложить поход на Москву и 14 сентября двинулся с армией на Украину, куда его давно звал изменивший Петру гетман Мазепа, обещая снабдить армию продовольствием и обеспечить ей отдых.

Королевская армия, оставив Стариши, двинулась почти в противоположном от Смоленска направлении — к городу Кричев. Карл XII выбросил вперед 4,5-тысячный авангард под командованием генерала Лагеркрона для захвата переправ через реку Сож.

Шведские войска, форсировав Сож, тремя походными колоннами втянулись в крупный лесной массив. Маршу мешали завалы из тысяч срубленных деревьев. Приходилось прорубать узкие просеки, а подчас и мостить гати.

Шведская армия, хотя и крайне медленно, но все же двигалась к югу. Когда она подошла к Почепу, то оказалось, что он был уже в руках русских. Не удалось ей овладеть и Мглином.

В штаб-квартире русской армии сведения о том, что корпус Левенгаупта подходит к Шклову, получили 13 сентября. А об отходе главных сил шведской армии из Старишей на юг — через день.

Теперь у Петра I сомнений не оставалось — Карл XII начал марш на Украину, отказавшись от прямого движения на Москву.

Царь немедленно организовал параллельное преследование шведской армии, выслав вперед 4-тысячный кавалерийский отряд под командованием генерала Н.Ю.Ифланта (Инфлянда).

15 сентября Петр собрал консилию. Она постановила:

1. Выслать против войск Левенгаупта “корволант” (летучий корпус) в составе драгунской кавалерии и посаженной на коней пехоты.

2. Оставить в районе Смоленска одну дивизию под командованием генерала Н.Г.Вердена, поскольку угроза поворота Карла XII снова на московское направление не отпадала.

3. Главным силам русской армии под командованием генерал-фельдмаршала Б.П.Шереметева (три пехотные дивизии и оставшаяся конница) выступить для преследования войск Карла XII.

Р.Х.Боуру с отрядом в 5000 драгун консилия определила действовать в тылу уходящей на юг вражеской армии, нападая на ее арьергарды.

Петр I взял на себя руководство действиями корволанта. Ему предстояло не допустить соединения Левенгаупта с главными силами шведской армии и разгромить его. В русской штаб-квартире предполагали, что силы Левенгаупта не превышают 8 тысяч человек.

Петр I еще не знал об измене Мазепы и оказывал ему доверие. Царь предложил гетману отправить отряд казаков в Речь Посполи-

тую для усиления войск сторонников Августа II в борьбе против Станислава Лещинского и генерала Крассова. Самому Мазепе приказал сосредоточить главные силы украинского казачества у Киева.

Таким образом, 15 сентября консилия ставила крест на движении шведских войск к Москве через Смоленск, оставляя им дорогу лишь на юг.

Украина превращалась в театр военных действий. Там, где мог появиться противник, города опоясывались укреплениями, в них ставились гарнизоны. Чтобы лишить шведов продовольствия, местное население обязывалось прятать хлеб и угонять скот.

Северная война приближалась к своей кульминации.

3. Сражение при Лесной

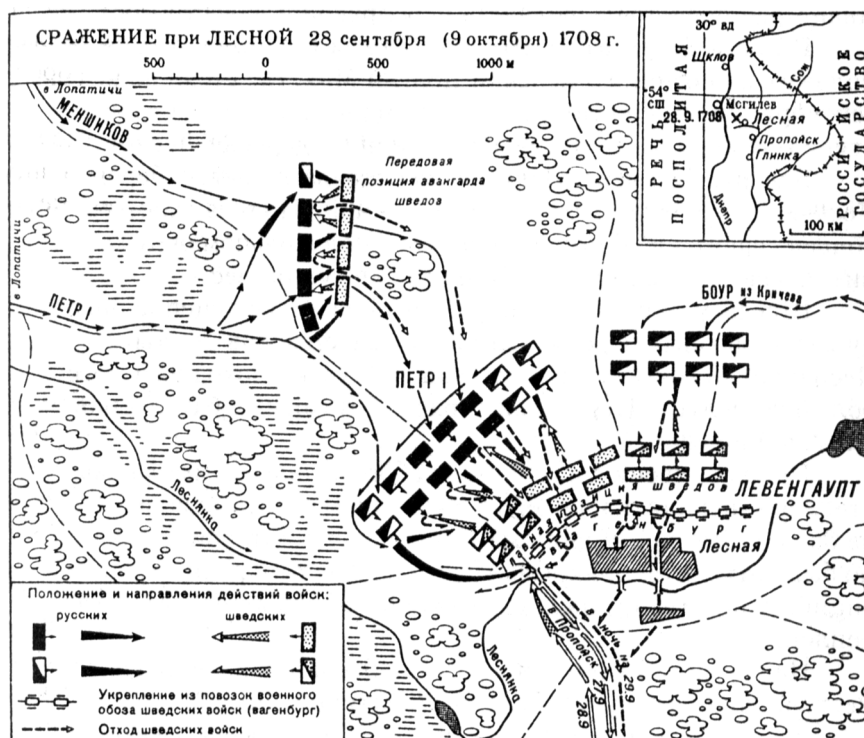
У Левенгаупта было 16 тысяч человек и 17 полевых орудий, так что русская штаб-квартира грубо ошиблась в оценке его сил. Лавина войск после переправы через Днепр у Шклова медленно стекала по раскисшим от осенних дождей дорогам к югу, в сторону Пропойска, за ней тянулся длинный-предлинный хвост — обоз в семь тысяч повозок с провиантом и боеприпасами.

Петр I взял в “корволант” 10 батальонов (3 полка) посаженной на коней пехоты — 4830 человек и 10 драгунских полков — 6975 человек, полевую артиллерию. Всего 11625 человек, не считая иррегулярной конницы. Шведский генерал пошел на хитрость: заслал в один из сторожевых русских отрядов в местечке Романово лазутчика, который сообщил, что корпус Левенгаупта еще находится за Днепром и направляется к Орше. Уловка удалась.

Петр повернул русские войска на северо-запад, к Орше, в то время как шведы шли на юго-восток. Однако уже через сутки обстановка прояснилась.

На поиск противника Петр выслал конный отряд Меншикова, который 23 сентября обнаружил шведские войска, колонны которых двигались к Пропойску, и вошел с ними в боевое соприкосновение. Вот тогда-то и выяснилось, что корпус Левенгаупта вдвое больше, чем считалось.

Сообщение об истинных силах неприятеля не смутило Петра. Он не отказался от решения нанести Левенгаупту поражение, но учитывая истинное соотношение сил, приказал отложить нанесение удара. Петр вызвал к “корволанту” драгунскую конницу генерала Р.Х.Боура. Тогда же Петр отдал приказ дивизии генерала Вердена идти из-под Смоленска на соединение с ним.

Сражение у деревни Лесной 28 сентября 1708 г.

26 сентября “консилия” военачальников “корволанта” решила не допускать шведов к форсированию реки Сож и атаковать их 28-го числа неподалеку от Пропойска. Петр выдвинул из состава сил Боура конный отряд в 700 драгун от Кричева к переправе через Сож у Пропойска.

Опытный Левенгаупт понял, что ему не избежать сражения с русскими войсками. Он незамедлительно отделил от себя огромный обоз, отправив больше половины повозок под прикрытием 3-тысячного авангардного отряда к Пропойску.

Левенгаупт знал уже 27 сентября от своей разведки, что мост че-

рез Сож уничтожен, а на его левом берегу стоит русская конница. Авангарду предстояло овладеть переправой и навести мост.

Главные же силы своего корпуса с оставшимся обозом он расположил на позиции у деревни Долгий Мох, где стоял до вечера 27 сентября. Затем Левенгаупт под прикрытием ночной темноты отступил на юг и встал на боевой позиции у деревни Лесной.

Белорусская деревушка Лесная стояла на левом берегу речки Леснянки с широкой болотистой поймой. Поляна размером чуть больше одного квадратного километра полукольцом окружала селение. С севера и запада она упиралась в густой лес.

Шведы у Лесной успели устроить из тысячи сцепленных между собой обозных повозок вагенбург, расположив его тылом к реке Леснянке. Левенгаупт вывел свои войска из походного лагеря на большую поляну. Передовой отряд в 6 пехотных батальонов встал на малой поляне.

При всех своих достоинствах оборона шведов имела два существенных недостатка, которые в конечном счете сказались на исходе боя под Лесной. Дорога на Пропойск, по которой только и можно было отходить, прикрывалась только левым флангом боевой позиции. А он, имея, пожалуй, важнейшее значение, был слабо укреплен.

На рассвете 27 сентября весь “корволант” переправился через Ресту и двинулся за шведами на Лопатицы и Лесную.

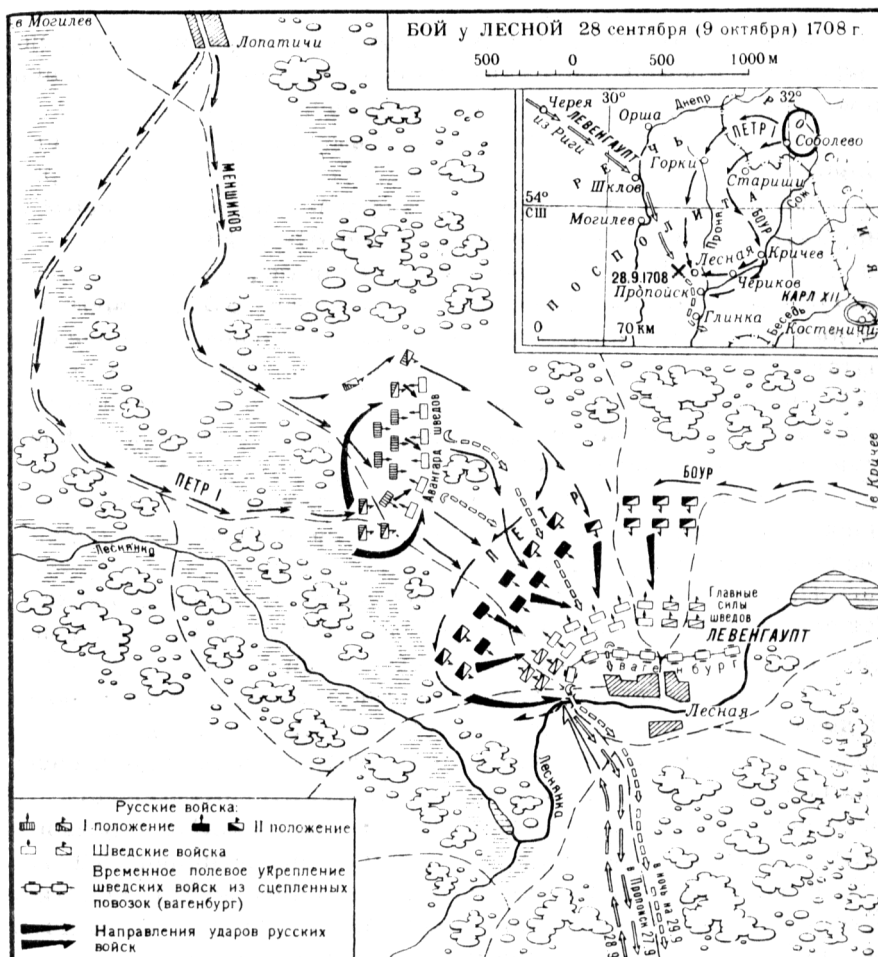
Вечером конная разведка донесла, что шведы уже встали на поляне у деревни Лесная. Петр решился на марш-бросок. Проводник из местных жителей ночью провел войска к деревне Лопатицы. Здесь выяснилось, что к шведскому стану можно подойти двумя узкими проселочными дорогами через болотистые леса.

Петр на ходу делит “корволант” на две походные колонны, в состав каждой включая все рода войск: пехоту, кавалерию и артиллерию.

Левую колонну он отдал под начало Меншикова. Она состояла из Ингерманландского полка пехоты в 6 драгунских полков и лейб-регимента Меншикова. В голову колонны Меншиков поставил Невский драгунский полк, за ним следовали ингерманландцы.

Правой колонне, командование которой взял на себя Петр, предстояло идти ближе к реке Леснянке. В ее состав входили 2 гвардейских полка — Преображенский и Семеновский, 1 батальон Астраханского пехотного полка, 3 полка драгун. В голове колонны шли семеновцы.

В каждой колонне, равной по силам, насчитывалось по 5—6 тысяч

Бои при Лесной

бойцов. Корволант имел всего 30 полевых орудий.

Так как Боур к 28 сентября не успел прийти к назначенному пункту, Петр I решил начать наступление на позиции шведов у Лесной, имея 11 тысяч человек против 16 тысяч у Левенгаупта.

Войска выступили на Лесную и около полудня подошли к большой поляне. Сначала на нее вышла колонна Меншикова.

Левенгаупт внезапно обрушил на перестраивавшуюся левую колонну русских удар своей пехоты. Шведов оказалось больше в два раза, и они стали охватывать левый фланг колонны. Завязался ожесточенный бой.

В разгар боя подоспела правая колонна. Петр, увидев, что склады-

вается опасная обстановка, выдвинул на поляну Семеновский полк, приказал спешиться и поддержать сражавшихся.

Однако шведы выдержали удар, выкатив батарею и открыв огонь.

Вступление в бой Семеновского полка, однако, свело почти на нет превосходство шведских батальонов. Вступавшие в бой полки огнем и штыками сдерживали вражеский натиск.

Вот как летописец изображает вступление в бой главных сил колонны Петра I: "... Преображенский и Семеновский полки, да батальон астраханский, которые уже гораздо вправо было отошли (для атаки шведского левого крыла. — Авт.), тотчас поворотились и прежде Семеновский полк во фронт, а Преображенский со флангу на неприятеля нападение учинили".

Противник очистил перелесок и оставил малую поляну. На плечах отступающих русские вышли на опушку большой поляны, где стояли избы деревни Лесной.

Петр I оставался тверд в решении атаковать Левенгаупта у Лесной, не дожидаясь появления на поле брани драгунской кавалерии Боура, которая, однако, была уже совсем близко.

Он вывел войска из перелеска и выстроил в две боевые линии. В первую выдвинул 8 пехотных батальонов с 2 кавалерийскими полками на каждом фланге. Во вторую линию поставил 6 драгунских полков — по 2 в трех группах. Между группами разместил по пехотному батальону. На фланги боевых линий выставил гренадерские роты. Тем самым он уплотнил линейный боевой порядок.

В час дня, когда хмурое осеннее небо чуть посветлело, Петр бросил войска в атаку. Шведы открыли сильный огонь из полевых орудий и под его прикрытием перешли в контратаку. Потом во вторую и третью. Бой гроыхал в течение трех часов и приносил успех то одной, то другой стороне. В конце концов силы шведов надломились.

Вражеские боевые линии попятлись к вагенбургу. Но с тыла на него насккивали казаки. Ружейные залпы батальонов гремели один за другим. Генерал М.М.Голицын говорил, что от падавших пуль не стало видно земли. Петр I, гордясь храбростью своего сподвижника, назвал его "сыном Отечества".

Царь и Меншиков носились на конях от полка к полку, вдохновляя солдат и офицеров. Неприятель, отстреливаясь отступил вплотную к вагенбургу. Затяжной кровавый бой обессиливал как шведов, так и русских. И вдруг наступило затишье.

Очевидец писал, почему это случилось и как: "...и на оном поле

всеми людьми по обе стороны в главный бой вступили, который несколько часов продолжался, где неприятеля в поля паки сбили ж, который ушел к своему обозу, а наши стали на боевом месте, где взято 8 пушек и несколько знамен; и понеже по обе стороны солдаты так устали, что более не возможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали”.

Неожиданная передышка оказалась к выгоде обеих сторон. Петр I ожидал подхода из Кричева драгунской конницы из восьми полков Боура, а Левенгаупт в свою очередь — свой авангард из Пропойска.

Драгунские полки Боура появились у Лесной к пяти часам дня. Конница устала, но было не до отдыха, и Петр поставил ее на левый фланг. Два драгунских полка он перевел на правый фланг, так что фланги русского войска обрели крепость. После этого царь отдал приказ возобновить атаку шведских позиций у Лесной. И сразу открыла огонь полевая артиллерия.

Главный удар Петр наносил по правому флангу противника, намереваясь захватить мост через речку Леснянку и овладеть дорогой на Пропойск. Осуществлялся смелый фланговый маневр, чтобы лишить шведов наивыгоднейшего пути отступления.

Летописец рассказывает: “...превеликий жестокий был бой и перво несколько залпов выпалили, а потом с байонетами и шпагами прямо на неприятеля пошли и помощью победодавца Бога неприятеля совсем с поля сбили и достальные пушки и обоз взяли и совершенную викторию получили, при котором окончании превеликая началась вьюга со снегом, и потом тотчас ночь наступила, и тако оставшийся неприятель случай к уходу получил, а наши, где кого та вьюга застала, тут и ночевали...”.

Русской пехоте и драгунской коннице удалось сбить левый фланг Левенгаупта. Сражавшиеся здесь шведы стали отходить к вагенбургу. Мост через Леснянку и дорога на Пропойск оказались в руках атаковавших. Но в это время к месту боя подоспел вражеский трехтысячный авангард. Русские не ожидали удара со стороны большака и были вынуждены оставить переправу.

Но это не спасло Левенгаупта. Его войска уже были не в состоянии вернуть ранее утраченные позиции. Левенгаупт укрыл свой сильно потрепанный корпус в вагенбурге и стал отстреливаться. Брать вагенбург — скопление нескольких тысяч повозок — значило понести немалые потери, и Петр не пошел на это. Завязалась орудийная дуэль.

К утру ожидался подход к “летучему корпусу” дивизии Вердена. Петр I, посоветовавшись со своими генералами, решил на заре возобно-

вить бой у Лесной.

Левенгаупт тоже совещался со своими генералами, решая, как же поступать дальше. Взяло верх его мнение не доводить дело до полного разгрома корпуса, отступить.

Отступление обернулось бегством. Левенгаупту пришлось бросить у Лесной весь огромный обоз с продовольствием, в котором так нуждалась армия Карла XII, всю артиллерию. А раненых и больных оставить в вагенбурге. Было брошено стадо скота в тысячу голов, которое гнали за войском.

Ночная темень прикрыла отход шведских войск по лесным тропам к Пропойску — к месту, где находилась другая половина обоза с припасами. К переправе на реке Сож разбитый корпус подошел, когда уже наступили утренние сумерки.

Но здесь шведов поджидала новая беда — русская конница накануне уничтожила мост через Сож и встала на противоположном берегу с намерением обстреливать неприятеля, коль он примется за восстановление моста. А без этого не могло быть и речи о спасении “пропойского” обоза.

Тогда Левенгаупт решил освободиться от него. Артиллерийские снаряды и порох сбросили в реку. Обозных лошадей взяли для передвижения пехоты. Оставив в Пропойске сильный арьергард для прикрытия отхода, Левенгаупт двинулся вниз по реке Сож в поисках переправы.

Как уходил и к чему пришел Левенгаупт, рассказывает летописец: “Когда сей жестокий бой уже в самую темную ночь скончался, и тогда остаток от шведского войска, которого он с три или четыре тысячи быти чает, под защищением темноты наскоро через речку, которая у них в тылу была, в совершенном смущении спаситися трудились...ни генералов, ни офицеров уже не слушались, и как кавалерия, так и инфантерия смешався бежали; и когда тако ночью бежав две мили даже до Пропойска, к реке Сож пришли и оную без мостов и бродов пред собою обрели, и тогда де их генерал Левенгаупт и генерал-майор Штакельберх, который картечем зело тяжко ранен, без писем с сею печальною (вестию) к королю послали и изустно оному донести повелели, что они на голову побиты и весьма себя за погибших считают, ибо не знают себе никакого убежища”.

Отход разбитого шведского корпуса был обнаружен русскими на рассвете 29 сентября. Петр I не замедлил повести преследование. Генерал Пфлуг со своими драгунами настиг оставленный в Пропойске шведский арьергард и разбил его наголову. Иррегулярная калмыцкая конница сидела на хвосте у отступавших шведов, беспокоя

их внезапными налетами и не давая отдыха.

После четырехмесячного движения из Лифляндии генерал Левенгаупт 30 сентября привел к королю лишь 6503 человека, напоминавших больше беглецов, чем кадровых солдат.

Победа под Лесной была впечатляющей. Потери шведов составили 8000 человек убитыми. В плен было взято 45 офицеров и 700 солдат. Многие из них оказались тяжело ранеными и больными — те, кого оставили в вагенбурге. Позже в плен попало еще 385 офицеров и солдат.

В качестве трофеев победителям достались вся вражеская артиллерия из 17 полевых орудий, 44 знамени и штандарта, армейский подвижной магазин из 7 тысяч обозных повозок с продовольствием, боеприпасами и значительной суммой денег.

Потери русских войск оказались тоже немалыми. Под Лесной победители потеряли 1111 человек погибшими и 2586 ранеными.

Этой победой Петр перехватил у шведского короля стратегическую инициативу в ведении Северной войны: теперь уже он диктовал Карлу XII свою волю и перестал уклоняться от генерального сражения. Хотя противник в общем-то оставался еще сильным.

Сам Петр I так оценивал сражение у деревни Лесной, поясняя, почему оно мать Полтавской битвы: “Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и по истинне она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оно младенца щастие принесла...”.

Сражение у Лесной дало уникальный пример успешных действий крупного подвижного соединения — “корволанта”. Конница, совместно с пехотой, посаженной на коней, искусно маневрирую, сблизилась с неприятелем и наголову разбила его.

Баталия, закончившаяся победой, показала еще раз окрепшее полководческое искусство Петра I.

4. Карл XII и Мазепа

Сообщение о поражении шведов под Лесной Карл XII получил 1 октября. Весть эту принесли в его штаб-квартиру заблудившиеся солдаты из разгромленного корпуса. Потрясенный этим событием, король еще оставался в Костеничах, что стояло вдоль дороги на Стародуб и Новгород-Северский, в ожидании прибытия Левенгаупта.

Разбитые войска его, голодные, вконец измученные, лишь 9 октября присоединились к отряду генерала Лагеркрона. И уже 10 октября Карл XII вывел свою армию из Костеничей двумя походными колоннами на Новгород-Северский, минуя Стародуб.

Тем не менее король еще не оставил намерения найти дорогу в Россию, на сей раз через Северскую землю.

Но, подойдя к Новгород-Северскому, Карл XII обнаружил, что город занят сильным русским гарнизоном, который вместе с вооруженными горожанами изготовился к обороне. К тому же оказался сильно укрепленным. Король штурмовать его не стал.

Так закончилась крахом еще одна попытка Карла XII углубиться в российские пределы. И во многом потому, что Петр I удачно вел параллельное преследование, все время прикрывая северо-восточнее московское направление. Усиленная конная разведка позволила ему не спускать глаз с походного движения шведов.

Из-под Горок Карл XII попытался было прорваться в Россию, обойдя русскую армию движением на Курск. Но путь ему и здесь преградили параллельно передвигавшиеся русские войска.

Неумолимо наступали холода, и это заставляло короля все чаще и чаще задумываться о зимних квартирах для своей армии. Вариант возвращения на зимовку в Польшу или, скажем, в Прибалтику отпадал — время уже ушло. Оставалось только движение к югу, тем более, что гетман Левобережной Украины И.С.Мазепа настойчиво звал его в свои владения.

Измена Мазепы потрясла царя, всецело доверявшего гетману. Еще в начале октября тот, казалось, “с неизглаженной радостью” пил за русскую победу у деревни Лесной.

Почему это случилось, шведский историк А.Стилле писал: “Хитрый Мазепа ... держался выжидательной политики до выяснения вопроса, кто одолеет в борьбе, но, когда Карл вошел в Северщину, гетману стало трудно продолжать ту же игру, а когда король из северной части Северщины пошел на юг, Мазепе пришлось определенно выбирать между той или другой стороной”.

История предательства Мазепы восходит еще к 1690 году, когда он в письме польскому королю Яну III выразил намерение вернуть Украину под власть Речи Посполитой.

...Мазепа до последнего хранил при себе намерение перебраться к шведскому королю. Объявил он об этом, когда переправился через Десну, да и то только ближним людям.

В штаб-квартиру Карла XII за плотно закрытой каретой изменника шло 40 возов с его имуществом в сопровождении 4 тысяч казаков.

Чем грозила России измена гетмана? Так как под его управлением находилось малороссийское казачество численностью в 40—50 тысяч человек — целая армия, — существовала опасность, что он приведет ее к Карлу XII, как собственнно и обещал сделать. Но этого не случилось. Опасаясь подозрений царя, он выслал по его требованию без всяких возражений почти все свои войска в Белоруссию и тем обезоружил себя. А перешел к Карлу всего с четырьмя тысячами сабель, то есть с теми, что у него оставались.

30 октября консилия в Погребках решила уничтожить гетманскую резиденцию в Батурине. Там Мазепа держал большие склады провианта, вооружения, боеприпасов и обещал передать их шведскому королю.

Петр возложил эту задачу на Меншикова. Тот уже 31 октября подступил к стенам Батурина. Здесь в крепком замке на холме за валами и рвами засело четыре полка сердюков при 70 пушках. Меншиков предложил коменданту города сдаться, но тот отказался это сделать.

Меншиков после двухчасового боя овладел гетманской ставкой.

Вывести огромные запасы провианта, боеприпасов и вооружения не было ни сил, ни времени. Меншиков их уничтожил, а гетманскую резиденцию предал огню. Разорение Батурина с его складами стало для шведов новым тяжелым ударом после катастрофы с обозом Левенгаупта.

Находясь в Глухове, Петр I издал манифест к народу Малороссии. Он увещевал украинский народ не верить “прелестным” универсалам (административно-политические акты. — Авт.), расходившимся из шведского лагеря от имени короля и гетмана-клятвопреступника.

10 ноября последовал второй манифест Петра I. В нем царь убеждал всех тех, которые “изменою вора Мазепы заведены в неприятельские руки”, возвратиться “от неприятеля короля шведского и от него вора изменника отлучиться и приходить без всякого опасения...”

В это время войска киевского губернатора Д.М.Голицына отсекали силы польского короля Станислава Лещинского от Заднепровья. Вскоре Голицын разгромил вторую мазепинскую базу — Белую Церковь.

Еще 7 ноября казачья старшина, созванная по указу Петра в Глухове, вручила гетманскую булаву стародубскому полковнику И.И.Скоропадскому.

Карл же медленно маневрировал по Украине в поисках мест расквартирования войск на зиму. По совету Мазепы 15 ноября выступил в район Ромны, Гадяч, чтобы здесь встать на зимние квартиры.

Петр I вел себя, как полководец, осторожно. Когда разведка установила, что противник встал на зимовку в районы Ромны, Гадяч, он принял решение блокировать район.

Главные силы русской армии под командованием Б.П.Шереметева он сосредоточил в районе Сумы, Лебедин, в то время как в район Смелы, Ольшаны выдвинул драгунов А.Д.Меншикова и полки генерала Л.Н.Аларта.

Шведская армия оказалась отрезанной с трех сторон. Открытой оставалась только линия Днепра, включая и Запорожье. Карла XII сильно тревожило то, что его армия попадала в “подкову”: русские летучие кавалерийские отряды появлялись то здесь, то там, нанося по ней внезапные короткие удары, выбивали людей. Но он и мысли не допускал об отходе.

В декабре 1708 г. консилия русских генералов задумала лишить шведскую армию продовольственных и фуражных магазинов, для чего провести нападение на Гадяч и Ромны, на район ее расквартирования.

Замысел предусматривал овладение Гадячем, где стояли три шведских полка. Это должно было заставить Карла XII бросить свою штаб-квартиру в Ромнах и с главными силами поспешить на выручку своего гадячского гарнизона. Тогда можно было бы овладеть и Ромнами.

Операцией руководил сам Петр I. Он двинулся с крупными силами к Веприку, который был как бы форпостом русской армии на гадячском направлении. К Ромнам выступила дивизия Аларта. Беспокоясь о судьбе запасов на зиму, сосредоточенных в Гадяче, король, как это Петр и предвидел, немедленно выступил из Ромен. Тридцатиградусный мороз затруднял движение, так что, когда Карл подошел к Гадячу, отряды русской конницы уже успели овладеть городским предместьем и сжечь магазины с продовольствием и фуражом.

Карл XII два дня простоял под Гадячем, ожидая нового нападения русской войск. Но они так и не появились здесь. Тем временем генерал Аларт занял Ромны и тоже уничтожил здесь немалые запасы провианта и фуража. После этого он отошел, оставив в городе крепкий гарнизон под начальством генерала П.П.Ласси.

В декабре 1708 года Мазепа, увидев, что его положение более чем шатко, решил переметнуться к Петру I. Приехавший от него

в русскую штаб-квартиру полковник Апостол сообщил, что Мазепа готов искупить вину и надеется получить прощение, выдав при удобном случае Карла головой. Предложение было принято, но на связь с Мазепой Петр не пошел.

Еще до того Петр пытался было вступить со шведами в переговоры, ставя умеренные условия: Ингрия с Петербургом и Нарва за уплату большой контрибуции. Однако Карл и слушать о мире не желал, он рвался помериться силами с Петром I и победить.

История уже вынесла свой вердикт: генеральной баталии быть. Зима 1708—1709 года выдалась морозной, устроила жестокое испытание обеим воюющим сторонам. На Украине перед Новым годом морозы доходили до минус 30 градусов. Холода погубили за зиму у них до трех тысяч человек.

Тем не менее в декабре Карл XII решил отбросить русские войска за реки Псел и Ворсклу, чтобы вырваться из кольца и открыть путь для наступления на Ахтырку и Белгород, а далее и на Москву. Он начал со штурма укрепленного городка Веприк, прикрывавшего ахтырское направление.

Веприк был четырехугольной крепостицей, но без бастионов, зато с валом и рвом, которые опоясывали городок. Гарнизон состоял из почти 1300 солдат, сотни драгун и нескольких сотен местных казаков. На вооружении имел всего три полковых пушки.

Карл XII привел войска к Веприку 22 декабря. Король пошел на штурм только утром 6 января 1709 года, стянув под крепостицу два пехотных, три кавалерийских полка, 20 пушек и мазепинских сердюков.

На ультиматум комендант крепости В.Ю.Фермор ответил отказом.

Началась атака Веприка.

Шведам удавалось несколько раз врываться в ров и даже представлять к валу штурмовые лестницы. Однако взобраться наверх по откосу, облитому водой, им оказалось не по силам.

В ночь с 5 на 6 января Карл XII решил повторить штурм города. Коменданту был отправлен ультиматум: либо сдача в плен, либо смерть при повторном приступе. Фермор, офицер-шотландец на русской службе, видимо, поддался малодушию и пошел на измену — сдал крепость.

Шведы разорили город, а затем сожгли его. Местных жителей отдали на расправу мазепинским сердюкам.

Отряды армии Карла XII в жестокую стужу бродили по заснеженным полям и лесам Украины, учиняя грабежи деревень и городов.

Но почти каждый населенный пункт шведам приходилось брать с боем, так как они натыкались на русские гарнизоны или на подоспевшую кавалерию Меншикова. После боя у Городни, где русская драгунская конница истребила два полка шведских драгун, Карл XII отвел армию на зимние квартиры в междуречье Псела и Ворсклы.

Весной 1709 года стала резко меняться обстановка в Польше.

Союз России с Сандомирской конфедерацией привел к освобождению многих польских земель от шведских войск. С конца апреля коронная армия конфедерации совместно с русским корпусом Гольца повела наступление против сил Станислава Лещинского, разбив у города Броды корпус бобруйского старосты Я.К.Сапеги. Тем не менее Карла не покидала надежда, что если он выманит русскую армию в открытое поле и даст сражение, то победит.

История же судила иначе.

Вопросы к главе III:

1. Перед новыми сражениями.
2. Почему “провалился” поход Карла XII на Россию?
3. Почему Петр I назвал победу русских войск под Лесной матерью Полтавской битвы?
4. Измена Мазепы и ее влияние на русско-шведскую войну.

Глава IV ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

1. Оборона Полтавы

Весной 1709 года Карлу XII минуло уже 27 лет, он по-прежнему свято верил, что его ведет по жизни счастливая звезда. Под его началом находилась верная ему, вымуштрованная, закаленная в боях 35-тысячная армия, а его генералы сполна владели военным искусством.

В это время обе русские армии соединялись, отрезая королю путь на северо-восток, в сторону Москвы. Значило это одно: быть генеральному сражению, которого король с нетерпением ждал и в успехе которого не сомневался. Но для этого надо было дать войскам, измотанным зимними маршами и боями, отдохнуть, главное же, пополнить запасы продовольствия и снаряжения.

Мазепа тогда указал королю на Полтаву, “крохотную” крепость, где Петр собрал большие провиантские магазины. Решение Карла XII было бесповоротным: идти на Полтаву и быстро овладеть ею. Уже 1 апреля шведские передовые отряды появились под стенами города. Полтава, действительно? как убедился Карл во время рекогносцировки, представляла собой городок, обнесенный всего-то одним земляным валом с деревянным палисадом.

Сила Полтавы, однако, заключалась не в этих преградах, а в стойком моральном духе ее защитников — что Карл вообще сбрасывал со счета, — хотя защитников было не так уж и много. Гарнизон крепости насчитывал около 4,3 тысячи солдат регулярных войск и до 2,5 тыс. казаков и местных жителей при 29 орудиях. Запасов продовольствия было достаточно, а вот боеприпасов мало.

Моральный дух защитников, не щадя своих сил, крепил комендант крепости полковник А.С.Келин. Он принадлежал к числу старых вояк, для которых верность воинскому долгу была превыше всего. К тому же слыл он хорошо владеющим воинским мастерством, страха не ведал, храбрости был отменной.

С 1 апреля день за днем Карл XII поднимал своих солдат и казаков Мазепы числом 1,5 тысячи и более в атаку на Полтаву и неизменно получал отпор, подчас натываясь на вылазки русских отрядов. А в ночь на 5 апреля сам повел войско на штурм. Подпустив шведов и казаков на расстояние ружейного выстрела, защитники

крепости “выдали” залп, а затем, не давая врагу опомниться, ударили в штыки. К рассвету противник снова — в который уже раз! — был отброшен от города.

В ходе ночного боя шведы потеряли лишь убитыми свыше 400 человек. Потери русских составили 62 человека убитыми и 91 человек был ранен.

Потерпев неудачу с ходу овладеть Полтавой, Карл XII перешел к осаде крепости по всем правилам инженерного искусства: в частности, шведы начали рыть подземные галереи.

К концу апреля под Полтавой Карл XII сосредоточил почти все главные силы своей армии. Карл XII мертвой хваткой вцепился в район Полтавы, очевидно, понимая, что овладение ею давало ему сильный опорный пункт на Левобережье, открывало дорогу, с одной стороны, на Харьков и Белгород и далее на Москву, а с другой — на Крым и Очаков.

Между тем с тыла над Карлом нависали по линии от Ахтырки до Миргорода войска Меншикова и Шереметева, но в генеральную баталию не ввязывались. Лишь угрожали неожиданными нападениями. Мысль об отходе королю, привыкшему побеждать, и в голову не приходила.

Однако положение полтавского гарнизона становилось все тяжелее и тяжелее; потери людей его обессиливали, гарнизон страдал от недостатка пороха, тогда как Карл XII гнал и гнал отряд за отрядом на приступ крепости.

Это сразу увидел Меншиков после того, как 2 мая его армия почти вплотную приблизилась к шведским войскам. Стало ясно: король не остановится ни перед чем в борьбе за овладение Полтавой. На военном совете было решено: дабы ослабить натиск неприятеля на Полтаву, атаковать занятые им селения Опошня и Будищи, отвлечь на себя силы Карла XII из-под города. Для этого Меншиков выделил три отряда под командованием генералов Беллинга, Шомбурга и Гольца с расчетом на действия в разных направлениях.

Диверсия, как была задумана, не удалась, хотя и притянула на себя немалые силы Карла. Но гарнизону Полтавы это мало помогло. Петром было велено “Полтавы не сдавать”.

После того как замысел “атаковать Будищи и Опошню” Меншикову не удался, он стал все чаще прибегать к действиям на коммуникациях противника, держа его тем самым в напряжении и ослабляя.

Действия конных отрядов Меншикова облегчались тем, что сочетались они с широко распространившимся партизанским движением. Современник-летописец так рисует картину партизанской

борьбы: "...малороссияне везде на квартирах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих... и от того иного войска шведского уменьшилося".

Карл XII был неумолимо жесток к мирному населению. Оно несло тяжелое бремя поборов, штрафов, телесных наказаний; при сопротивлении жители городков и деревень поголовно вырезались. Но это только подливало масла в полыхавший огонь партизанской борьбы. С невиданным мужеством защищало население города Стародуб, Мглин, Веприк, Пирятин, Зеньков, Недригайлов, Терны и многие, многие другие.

Тем временем два русских отряда, один под командованием генерала Г.С.Волконского, другой под началом полковника П.Я.Яковлева, как это еще ранее замышлялось Петром, уже двинулись в поход против Запорожской Сечи. Без особых усилий овладев Переволочной, Волконский и Яковлев, "воровских запорожцев и жителей вырубали, и иные, убоясь, разбежались и утонули в Ворскле, а Переволочну выжгли".

Быстро продвинувшись на юг, отряд полковника Яковлева 14 мая атаковал Запорожскую Сечь. Казаки, однако, отбили атаку. К вечеру к Сечи прискакали драгуны Волконского. И тут произошел случай, стоявший запорожцам жизни. Они приняли драгун за крымских татар, подхода которых ожидали, и выбежали гурьбой навстречу. Но были атакованы и рассеяны.

На плечах убежавших запорожцев русские солдаты ворвались в Сечь и после жаркого боя овладели ею. Все, кто в ней находился, были уничтожены, кроме зачинщиков — "знатнейших воров". А Сечь разорена, "дабы оное изменическое гнездо...выкоренить".

События под Полтавой стремительно нарастали. Петр I приказал Б.П.Шереметеву, командовавшему русскими войсками на Украине, идти из Хорола, где он стоял, к Полтаве. С 25 мая главные силы русской армии начали сосредоточение к р.Ворскле, где соединились с войсками Меншикова и встали лагерем.

Петру I было крайне важно сохранить за собой Полтаву, ибо она удерживала под своими стенами почти всю шведскую армию; а ему надо было еще время, чтобы, сойдясь с ней в поединке, одержать верх. 27 мая царь прислал защитникам крепости письма, в котором призвал гарнизон и население Полтавы держаться как можно дольше, те твердо обещали стоять насмерть.

Карла XII, однако, еще не оставляла надежда сломить упорство Полтавы, завладеть ею. 1 июня он устроил поджог крепостно-

го палисада в надежде, что пожар распространится на земляной вал, а далее перекинется в город. Немало осажденных бросилось тушить пожар. Но как раз этого Карлу XII и надо было: две шведские колонны численностью до трех тысяч человек, воспользовавшись отвлечением сил, двинулись на приступ. Первые ряды уже ворвались на вал. Под барабанную дробь над ним взметнулись шведские знамена. Но враг рано восторжествовал. Полковник Келин приказал прекратить тушение пожара и, собрав возле себя солдат, повел их в контратаку. Борьбу с огнем взяли на себя женщины и дети.

Шведам пришлось ретироваться. И это в восьмой раз! Тогда фельдмаршал Реншильд с благословения короля вознамерился

предложить коменданту Келину сдать крепость на любых, самых почетных условиях. Ответ коменданта не заставил себя долго ждать. Он гласил: “Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы через присланные письма, коих 7 имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тысяч человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет”.

В подтверждение этого полковник Келин провел ночью вылазку, которая даже по шведским данным стоила недешево: шведы потеряли до 200 человек убитыми и ранеными, 28 человек пленными и 4 пушки.

К этому времени Карл XII начал приходить к пониманию того, что многочисленные штурмы Полтавы малыми силами, неизменно кончавшиеся провалом, суть ошибочная тактика. Но тем сильнее он возжелал генерального сражения.

Оно было уже не за горами. 4 июня 1709 года в русскую армию, стоявшую под Полтавой, прибыл Петр I.

На военном совете, собранном в тот же день, было решено: изнурять противника и дальше частыми нападениями, задержать его еще на время под Полтавой. При этом воспрепятствовать отступлению в Польшу и начать готовиться к генеральному сражению.

Общая обстановка отвечала замыслу Петра. В то время как продолжающаяся война за “испанское наследство” связывала руки морским державам, препятствуя вмешательству в русско-шведский конфликт, дипломатии царя удалось предотвратить выступление Турции и ее вассала — крымского хана на стороне Швеции. А посланный в Польшу незадолго до полтавской баталии русский корпус под командованием генерала Гольца отвлек на себя войска Ста-

нислава Лещинского и шведского корпуса Крассау, так что они не смогли присоединиться к шведским войскам под Полтавой.

Желание Карла XII вступить в сражение в открытом поле стало теперь и желанием Петра. По его приказу новый гетман Украины И.И.Скоโรปадский занял все переправы на реках Псел и Хорол, перерезав тем самым наиболее вероятные пути отступления шведов. Царь твердо решил не выпускать противника с Украины.

Тем временем полтавский гарнизон так осмелел, что с 3 июня стал строить два редута под городом, как раз напротив шведского ретраншемента, с тем чтобы сорвать осадные работы неприятеля. Тот пытался помешать возведению редутов, но был отброшен.

Полоса местности до самой Переволочной оказалась полем действия русской кавалерии и казаков. 14 июня Скоропадский атаковал и разгромил шведский гарнизон в деревне Жуки. Тогда же отряд генерала К.Э.Ренне нанес поражение противнику у деревни Петровки. В тот же день отряд генерала Я.Х.Генскина (6 кавалерийских полков — 2,5 тысячи драгун и Астраханский пехотный полк) подошел к городу Старые Санжары. Его защищал сильный шведский гарнизон (до 3,5 тысячи человек) под командованием генерала Крууса. В плену у него томилось 1400 русских солдат. Старые Санжары генерал Генскин взял штурмом, не дав шведам перебить всех военнопленных. Правда, они успели убить 170 человек. Но узники, узнав об этом, бросились на охрану, несмотря на то, что были закованы в цепи. В ход пошли камни, колья, обрывки цепей. Охрана были уничтожена. Завладев ее оружием, обреченные на смерть пленные вырвались на свободу и ударили в тыл неприятелю. Бой за Старые Санжары громыхал не более трех часов. Шведский гарнизон был разгромлен.

16 июня новый военный совет принял безоговорочное решение дать Карлу XII генеральное сражение, после чего русская армия немедленно пошла на сближение с противником. Ей предстояло переправиться на правый берег Ворсклы.

Тут история еще раз “выдала” случай, который в общем-то мало значил, но стал знаменательным.

Король, несмотря на просьбы своих генералов, поехал посмотреть переправу, но наткнулся на казачий дозор. Тут он вскинул ружье и выстрелил. А в ответ получил град пуль, вспоровших ночную темноту. Одна из пуль угодила ему в пятку и прошла подмышку. Карлу пришлось слечь. Принужденный к бездействию, он пропустил момент переправы русских через Ворсклу...

Русский отряд ушел так же внезапно, как и появился. Для того чтобы обеспечить переправу, Петр выделил отвлекающий отряд под

командованием генерала Л.Н.Аларта. Рано утром 17 июня отряд подошел к р.Ворскла ниже Полтавы, спустил лодки и поплыл на тот берег. Шведы не сразу это заметили, и, когда подошли к месту переправы, русские были уже на правом берегу. Фельдмаршал К.Г.Реншильд стал было стягивать резервы, чтобы сбросить русских в реку, но получил известие о переходе через Ворсклу выше Полтавы, у деревни Петровки, второго русского отряда, намного больше первого. То был отряд генерала К.-Э.Ренне (3 пехотных и 12 драгунских полков). Без труда отбросив стоявший здесь слабый шведский отряд, русские войска сразу же приступили к сооружению укреплений из редутов, соединенных между собой траншеями). А 18 июня в район Петровки перебрался и отряд генерала Аларта и тут же подключился к возведению редутов.

По мысли Петра, здесь, на правом возвышенном берегу Ворсклы, в восьми километрах от Полтавы, между деревнями Петровка и Семеновка, должен был вырасти укрепленный лагерь.

19 июня тед-де-пон еще возводился, когда Петр I в сопровождении Меншикова, под охраной лейб-эскадрона, переправился на правый берег. Летнее солнце щедро заливало пойму Воросклы горячими лучами. Всадников заметили. Навстречу поскакали генералы Ренне и Аларт. В их сопровождении Петр подъехал к строящимся укреплениям. Скинув не только мундиры, но и рубахи, солдаты дружно копали землю. Работа кипела широким фронтом. Лагерь более чем наполовину “огораживали” естественные препятствия. Но было у него и одно уязвимое место: с северо-запада подступало широким коридором ровное поле, которое противник мог использовать для стремительной атаки.

Укрепленный лагерь был почти готов, когда 20 июня переправились через Ворсклу главные силы армии. Здесь к ним присоединились и казачьи полки гетмана Скоропадского. Карл XII попал в довольно трудное положение. Не овладев Полтавой, он оказался между двух огней: главными силами русских и полтавским гарнизоном. Он решил еще до генеральной баталии завладеть Полтавой, — двинуть войска на решительный приступ.

Шведская армия занимала диспозицию близ Полтавы, похожую на подкову. В деревне Жуки стоял генерал Гамильтон с 10 полками пехоты и конницы, в Решетиловке — генерал Крейц тоже с 10 полками, в Новых Санжарах — канцлер граф Пипер под прикрытием трех полков и, наконец, под Полтавой — сам Карл XII с 11 полками (6 пехотных, 4 кавалерийский и 1 казачий). А крепость не насчитывала и двух тысяч защитников, но при остававшихся на позициях свыше 50 орудий. Над Полтавой нависла смертельная угроза. Карл отошел к Воздвиженскому монастырю, северо-восточнее

Полтавы, а фельдмаршал Реншильд с кавалерией стал южнее города. Вскоре показались шведы, бежавшие к крепостному валу с лестницами в руках. Подпустив их на ружейный выстрел, защитники Полтавы открыли огонь. Но это не остановило противника, он шел напролом. Одна за другой накатывались на крепость волны затянутой в серую форму шведской пехоты. Пушки обороняющихся били почти в упор по густым боевым порядкам атакующих. Когда не хватало ядер, швыряли в неприятеля камни, горящие факелы, лили кипяток, расплавленный вар. Неимоверным напряжением усилий всех защитников крепости штурм удалось отбить.

В ночь на 22 июня Карл XII снова бросил свои войска на штурм. Ожесточенный бой разгорелся с новой силой и шел до рассвета. Лишь когда заалел восток, шведы отхлынули от крепостного вала. Но уже через несколько часов залпы шведской артиллерии возвестили о начале нового штурма. И вновь на пути врага встал заметно поредевший гарнизон крепости. Обладая подавляющим численным превосходством, противник теснил отважных защитников Полтавы. Шведский король, казалось, совершенно перестал щадить своих людей, вводя во бой все новые и новые батальона, но они натывались на яростный орудийный и ружейный огонь и откатывались. К вечеру 22 июня Карл XII отвел свои войска от крепости.

День 22 июня стал переломным к героической обороне Полтавы. Знаменитые шведские гренадеры, сокрушившие не одну европейскую армию, оказались бессильны перед героизмом и мужеством небольшого гарнизона. В отчаянной, неравной борьбе, продолжавшейся целых три месяца, четыре тысячи русских солдат, а под конец намного меньше, при поддержке населения города сковали под стенами Полтавы почти всю шведскую армию под водительством самого короля Карла XII, боевая слава которого как “непобедимого” полководца, гремела в те годы по всей Европе. А здесь поутихла.

Длительная оборона Полтавы стоила больших жертв. Потери русских (гарнизон и население) убитыми и ранеными составили около 3 тысяч человек. Шведы потеряли почти в два раза больше.

Так случилось, что позднее блеск Полтавской победы затмил славу защитников города. Но тогда их храбрость и стойкость Петр I оценил по достоинству. Он горячо поблагодарил их за подвиг и выразил уверенность, что оборона Полтавы займет почетное место в летописях боевой славы русского народа. Так оно и должно быть.

2. Перед сражением

Вечером 23 июня Карл XII получил неприятное сообщение, что к русским идут подкрепления. Он предложил фельдмаршалу Реншильду установить с Шереметевым день сражения. Таковы были в ту пору законы войны. Петр I наметил сражение на 29 июня. От Карла возражений не последовало. Оба фельдмаршала “утвердили за паролем военным” эту дату и условились, что до этого времени не будут вести боевых действий.

Последние части русской армии переправились на правый берег Ворсклы 24 июня.

В тот день Петр I, объезжая месторасположение войск, заметил, что с северо-западной стороны, откуда только и могли атаковать шведы, местность открыта. А шведским войскам, он знал, нельзя было отказать в тактическом мастерстве. Между тем всего в трех километрах ближе к Полтаве, севернее деревни Яковцы, простирались леса и перелески, то есть местность была пересеченной, закрытой.

В тот же день военный совет решил назначить этот район местом генеральной баталии. Было тут у Петра и еще одно немало важное соображение: знал он повадки Карла XII и не сомневался, что тот нарушит “рыцарское соглашение” о дне сражения. А перемещение баталии на новое место, если и не введет Карла в заблуждение, то, по крайней мере, вызовет недоумение.

Войскам пришлось возводить новый укрепленный лагерь, и они трудились не покладая рук до самого момента, как грянул полтавский бой.

Новый лагерь представлял собой большой прямоугольник, ограниченный с трех сторон земляными укреплениями. Четвертый (тыльной) стороной служил (Яковицкий) лес, примыкавший к реке Ворскле. Между двумя лесными массивами лежал перелесок шириной всего 1,5 км, через который шведы только и могли выйти к русскому лагерю. На северо-запад тянулся Будишинский лес.

Но самое важное состояло в том, что проход между двумя лесными массивами по приказу Петра I был перекрыт редутами. Всего было возведено 10 редутов: 6 — в линию поперек прохода и 4 — тоже в линию, но впереди, перпендикулярно к первым. По идее Петра эти четыре редута должны были “разрезать шведскую армию надвое”, правда, два из них так и не были закончены. Было важно, что редуты располагались друг от друга на дистанции ружейного выстрела (200 шагов) и, по существу, им предстояло стать передовой позицией русской армии.

Возведение редутов как нельзя лучше раскрывало замысел Петра: отдать в баталии инициативу шведской армии, но измотать ее, а затем нанести уничтожающий удар.

Утром 25 июня царь с пристрастием изучал шведский лагерь, а затем произвел смотр конницы. Все 24 кавалерийских полка поэскадронно выстроились на равнине перед лагерем. Их бравым видом царь остался доволен. Командование кавалерией он поручил А.Д.Меншикову, а помощниками к нему назначил генералов Р.Х.Бору и К.Э.Ренне. В тот же день Петру представил на смотр артиллерию — все 72 орудия — ее командующий генерал Я.В.Брюс.

Рано утром 26 июня, когда солнце только выглянуло из-за горизонта, Петр прибыл на смотр пехотных частей. Те, что должны были занять место в центре боевого порядка, поступали под командование Б.П.Шереметева, пехотные части левого крыла Петр отдал под командование Л.Н.Аларта, а правого крыла — князя М.М.Голицына.

Но назначенный смотр из-за непредвиденного происшествия пришлось отложить. Сразу же по прибытии царя Шереметев доложил ему о переходе ночью на сторону противника “немчина” — унтер-офицера Семеновского полка. Не вызывало сомнения, что перебежчик знает диспозицию русских войск и, возможно, замысел сражения. Нельзя было терять ни часа времени, и Петр на совещании военачальников распорядился немедленно внести изменения в диспозицию войск. Так как предатель, по всей вероятности, мог знать, что в сражении будет участвовать полк новобранцев, не обладавший еще боевой выучкой, но отличавшийся, однако, своей необычной формой одежды (серые мундиры), Петр высказал опасение, что главный удар враг нанесет именно по этому полку. Он приказал поменяться ему мундирами с испытанным в боях Новгородским пехотным полком.

В 1 час дня Петр произвел смотр пехотным частям и “расписал полки по дивизиям”. Командование 1-й пехотной дивизией царь взял на себя, а остальные “разделил по генералитету”.

Вслед за этим Петр проехал к гвардии. Он произнес перед гвардейскими полками речь: “Вам известно, — сказал царь, — что кичливый и прозорливый их (шведов. — *Авт.*) король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарре (Спарре. — *Авт.*) пожаловал уже губернатором Московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества...”.

Отвечал Петру I герой Нотебурга и Лесной генерал князь М.М.Голицын: “Великодержавный царь-государь! Ты видел труд и

верность нашу, когда целый день в огне стояли, шеренг не помешали и пяди места неприятелю не уступили... Уповаем таков ж иметь подвиг ныне, как и тогда!" Петр ответил: "Уповаю!" Довольный, он поскакал в дивизию Аларта, зная, что у него служат украинцы. И здесь он воззвал к чувству национальной чести. "Король Карл и самозванец Лещинский, — сказал он, — привлекли к воле своей изменника Мазепу, которые клятвами обязались между собою отторгнуть от России народы малороссийские и учинить княжество особое под властью его, изменника Мазепы, и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских, и Волынь, и все роды казацкие, которые на сей стороне Волги. "Прошу доброго вашего подвига, дабы неприятель не исполнил воли своей..."

А что же Карл XII? Что надо идти на генеральное сражение, ему было ясно: вот она, русская армия, встала лагерем лицом к нему на правом берегу Ворсклы, и от нее не уйти. Но тревожило, что с тыла угрожала непокоренная Полтава. Возможно, поэтому 25 июня король приказал Гилленкроку возобновить атаки на крепость. Генерал повиновался и приказал мазепинцам достроить апроши.

Король торопился начать генеральное сражение и вырвать у русских победу. Хотя, как ему сообщили, противник втрое превосходил его войска по своей численности, а запасов пороха, впустую затраченного на осаду Полтавы, оставалось не более чем на четыре орудия. "Ничего! — говорил он. — Русских можно разгромить и без пушек, а русский порох и весь их обоз захватить. Все найдем в запасах у москвитов!"

Собственно Карл XII положил начало гибели своей армии и шведского великодержавия в тот момент, когда начал покорение России силами, ни в малейшей пропорции не отвечавшими столь грандиозной задаче. Авантюристический характер этой затеи усугублялся допущением немалых стратегических ошибок, в частности, распылением сил на огромном пространстве, охватывавшем Прибалтику, Саксонию, Польшу, Украину. А это позволило Петру I, после сражения под Лесной, перехватить инициативу в ведении военных действий и, значит, диктовать Карлу свою волю.

Появление в ночь на 26 июня перебежчика, сообщившего о диспозиции русских войск, подтолкнуло Карла XII на решение немедленно атаковать русскую армию. Перебежчик не преминул поведать королю и о том, что в составе русской армии есть полк новобранцев в "мундирах простого серого сукна". Получив все эти сведения, Карл сразу же вызвал к себе генералов и объявил им, чтобы войска были готовы к сражению, которое он решил начать рано утром 27

июня.

Перед сражением Карл XII сам напутствовал войска. Сидеть верхом на коне он не мог, поэтому к деревянному креслу, на котором полусидел-полулежал король, прикрепили длинные переклады, драбанты брали их на плечи и медленно несли короля вдоль фронта выстроившихся полков. Карл призвал солдат храбро биться с русскими, вдохновил ветеранов, напомнил армии о ее былых победах, обещал богатую добычу. «Друзья! — закончил он свою речь. — Я с вами. Идите, куда ведет вас слава!» Он объявил, что вследствие ранения он не может руководить войсками лично и назначает главнокомандующим армией фельдмаршала Реншильда.

...В ночь на 27-е в царском шатре над столом склонились Петр, Шереметев, Меншиков, Брюс, Репнин, Голицын. Ярко горели свечи. Из близлежащего леса тянуло прохладой. Петр уточнял план сражения, согласовывал последние детали. Уже перевалило за полночь, когда царь отпустил генералов. Сам же он еще долго в глубоком раздумье расхаживал по просторному шатру. Одна мысль волновала царя больше других. Его беспокоило, как бы противник не раздумал вступить в сражение. Сомнения эти зародились после того, как Петру доложили, что шведский канцлер граф Пипер пытается убедить Карла XII отступить за Днепр: в противостоянии русским, — говорил он — есть риск. Правда, еще днем к царю доставили поляка-перебежчика, сообщившего, что шведы намереваются атаковать русскую армию в ночь на 27 июня. Но сомнения все же не исчезли. Тем не менее Петр привел армию в боевую готовность.

В тот день под Полтавой шведская армия насчитывала около 31 тысячи человек, на позициях стояло всего 4 орудия. Но из 31 тысячи человек шведов было лишь 19 тысяч. Остальных представляли иностранные наемники, мазепинцы и запорожцы. В генеральном сражении приняли участие, однако, лишь около 20 тысяч человек.

Шведским войскам противостояла русская армия числом в 42 тысячи человек и при 72 орудиях. За Петром I, таким образом, было обеспечено полуторное превосходство в людях и подавляющее в артиллерии.

Ночь на 27 июня русские войска проводили в укрепленном лагере (58 батальонов и 17 полков регулярной кавалерии). Два батальона Белгородского пехотного полка занимали редуты. К каждому редуту выдвигалось одно орудие. Кавалерия встала позади редутов. Казаки гетмана Скоропадского, стянутые в район Малые Будищи, Решетиловка, перехватывали пути отхода шведской армии за Днепр. На тот случай, если все же армии придется отступить, были сооружены переправы через р. Ворскла, прикрытые укрепления-

ми.

На памятном ночном совещании 27 июня Петр I поручил командование русской армией фельдмаршалу Б.П.Шереметеву.

3. И грянул бой...

На линии редутов

В 2 часа ночи 27 июня фельдмаршал Реншильд приказал войскам начать движение к русскому лагерю. Генерал А.Левенгаупт возразил ему, сославшись на то, что в темноте может произойти путаница. Но Реншильд приказал повиноваться.

Приближался рассвет. Подобно призракам из темноты выдвигались четыремя колоннами пехота, поодаль за нею цокала копытами кавалерия, “наплывая” в шести колоннах.

То была грозная сила. Но как только шведские войска выступили, разведка сразу же донесла об этом командующему русской кавалерией А.Д.Меншикову. Его полки быстро развернули боевой порядок за линией поперечных редутов. Реншильд приказал своей кавалерии атаковать редуты. В 3 часа припороенные кони со шведскими всадниками во весь опор устремились вперед, причем с такой “фурией”, что устоять, казалось Реншильду, было невозможно. Но к этому часу Меншиков успел вывести свою конницу за линию редутов, и она выдержала удар врага, а затем и отбросила шведов. Реншильд снова бросил кавалерийские полки в атаку, но огонь с продольных редутов и контрудар Меншикова заставили врага и на сей раз отойти. Однако это не охладило пыла противника. Реншильд вводит в бой почти всю свою кавалерию и в третий раз атакует редуты. На этот раз после упорного боя драгуны Меншикова были отеснены за поперечную линию редутов. Вражеская кавалерия попыталась было с ходу прорваться сквозь нее, но была встречена дружным ружейно-артиллерийским огнем с редутов и с тяжелыми потерями повернула вспять.

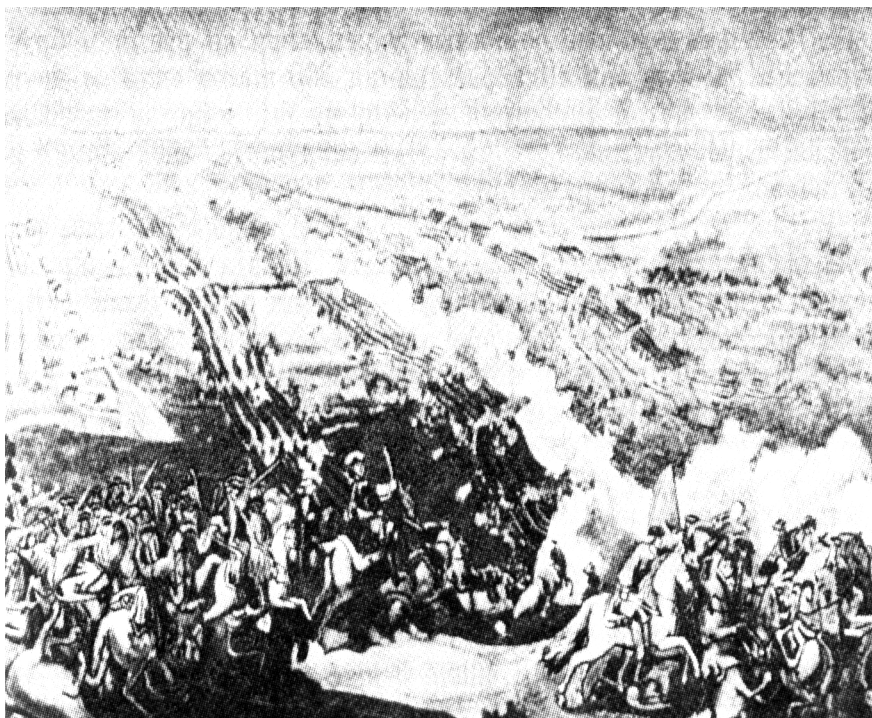
“Господин фельдмаршал, — обратился генерал Левенгаупт к Реншильду, — не пора ли строить пехоту в боевой порядок?” Возможно, он был прав, так как обстановка говорила: овладеть редутами с ходу кавалерии не удалось. Это увидел Карл XII и взял управление боем в свои руки, тем более что, заметил король, Реншильд растерялся и к тому же рассорился с Левенгауптом.

С ведома короля Реншильд бросил шведскую кавалерию против правого фланга русских, пытаясь обойти редуты. Тогда Меншиков по-

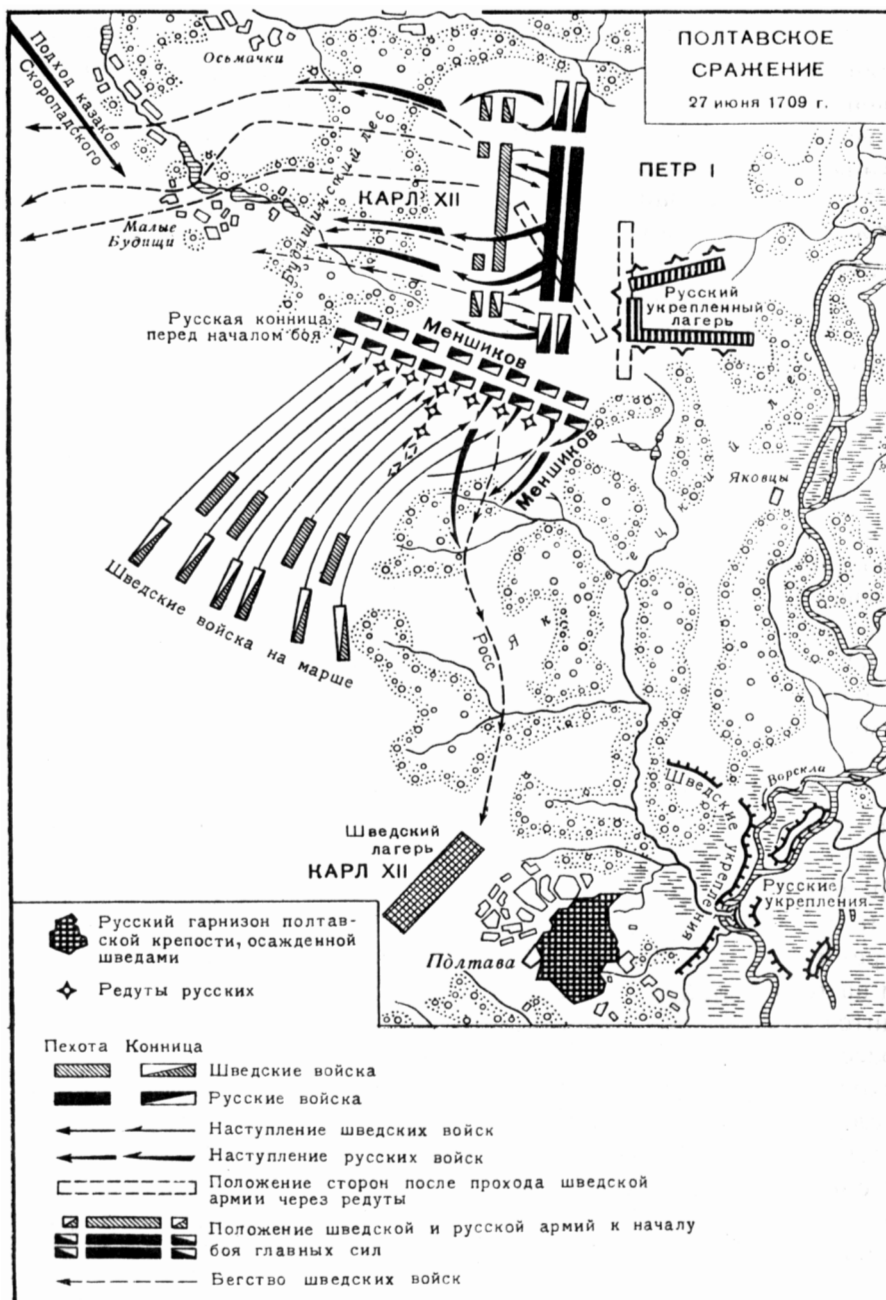
вел свою конницу наперерез неприятелю. В предрассветных сумерках завязался кровавый бой. В жестокой сабельной схватке вахмистр Нижегородского драгунского полка А.И.Антонов ударом палаша сразил наповал вражеского знаменосца и захватил шведское знамя. На выручку знамени бросилась целая группа шведов, но русский солдат от них отбил и сохранил свой трофей.

Высокую доблесть проявил сам Меншиков. В сабельной сече он потерял шляпу, под ним убили лошадь, но генерал пересел на другую и вновь повел конные полки в лихую атаку. Пренебрегая опасностью, Меншиков направил коня туда, где развевалось сразу несколько шведских знамен. Скакавший рядом с ним генерал Ренне был ранен. Вторая лошадь под Меншиковым пала замертво. Но он пересел на третью и снова рванулся вперед.

К 4 часам утра после упорного боя противник отступил. Русские драгуны захватили 14 шведских знамен и штандартов. Увлеченный

Победа под Полтавой 27 июня 1709 г.

Полтавское сражение

горячим боем, Меншиков, казалось, забыл о том, что по диспозиции сражение должно было произойти не на передовой позиции — на линии редутов, а перед укрепленным лагерем.

Узнав из донесения Меншикова об обстановке, Петр I около 5 часов утра, то есть перед самым восходом солнца, начал строить армию в боевой порядок. В батальонах, эскадронах, батареях командиры громким голосом зачитывали его знаменитый приказ: “Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайнего уже фортуны определения от оных же ожидает. Ниже бы их смущала слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти неоднократно сами же они показывали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очими, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею силный в бранех Господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние”.

Петр I понимал, что конница Меншикова не сможет длительное время противостоять всей шведской армии на линии редутов и еще в 4-м часу утра приказал ему отступить на соединение с главными силами. Но тот воспротивился было приказу, ответив царю, что потери у его конницы невелики (“упадок весьма малой”), в то время как у противника они намного больше. Меншиков сослался и на то, что отступить сейчас он не может, так как конница находится в соприкосновении с противником, от которого его отделяет расстояние “всего в 40 сажень”, и просил Петра I усилить его несколькими полками пехоты. Но то, что в горячке боя не “схватывал” умом Меншиков, то видел царь. Он вовсе не желал превращать навязанный ему на передовой позиции кавалерийский бой в “генеральную баталию” и никаких подкреплений Меншикову не дал. По замыслу Петра бой на линии редутов должен был стать лишь завязкой битвы.

Видимо, это понимал и Карл XII. Но после того, как его кавалерия трижды “убегала” от редутов, ему ничего не оставалось как ввести в дело пехоту. Петр I этот момент боя так описал в письме Ф.Ю.Ромодановскому: “Сего дни, на самом утре, жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая, хотя

А.Д. МЕНШИКОВ

по достоинству держалась, однако ж, принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю”.

Уступка, о которой тут говорил Петр, была совсем малой: под яростным натиском пехотных полков Левенгаупта русские оставили всего лишь два первых (недостроенных) редута. Вся же цепь укреплений удержалась.

Медленно, с тяжелыми потерями шведы продвигались к линии поперечных редутов, но в боевых порядках войск уже образовались разрывы. Более того, в ходе боя за продольные редуты оказались отсеченными значительные шведские силы. Две шведские колонны (пехотная генерал-майора Росса и кавалерийская генерал-майора Шлиппенбаха — всего 6

батальонов пехоты и 11 эскадронов конницы), наступавшие правее продольных редутов, попали под сильный ружейно-артиллерийский огонь русских и начали отход к северной опушке Яковицкого леса. В результате они намного оторвались от главных сил шведской армии. Заметив это, Карл XII немедленно двинул им на выручку кавалерию под командованием генерала А.Спарре. Но тот напоролся на встречный маневр Меншикова, конница которого распахнулась веером перед неприятелем и преградила ему путь. Колонны Росса и Шлиппенбаха оказались в западне.

Петр I сразу же уловил всю выгоду создавшейся обстановки. Он и словом не напомним Меншикову об отступлении, наоборот, приказал ему взять 5 драгунских полков и 5 батальонов пехоты, догнать, атаковать и уничтожить неприятеля. Командование всей оставшейся кавалерией (12 полков) Петр I поручил генералу Р.Х.Бору. Он распорядился отвести конницу за линию редутов и стать с ней на правом крыле.

Маневр на отход произошел настолько стремительно, что Карл XII даже принял его за вынужденное отступление и вообще истолковал как признак смятения и слабости врага. Недолго думая, около 5 часов утра он отдает приказ перейти в общее наступление. Но помчавшаяся было вперед шведская кавалерия сразу же попала под губительный огонь редутов. Неся большие потери от перекрестного ружей-

но-артиллерийского огня, она все же сумела прорваться между укреплениями и устремилась вслед за уходящей русской конницей. Однако здесь ее подстерегала неприятная неожиданность. Пыль, поднятая конницей Боура, скрыла от шведов русский лагерь, и они в пылу боя неожиданно оказались прямо перед жерлами русских пушек на расстоянии не более 60 метров. Артиллерийский огонь прозвучал для неприятеля подобно грому среди ясного неба и произвел страшные опустошения в рядах шведской кавалерии. Она смешалась и в панике побежала влево, к Будищинскому лесу. Левенгаупт послал свою пехоту на выручку, но и та попала под убийственный огонь русской артиллерии и кинулась вслед за конницей к тому же лесу.

В шестом часу утра у Будищинского леса, к северо-западу от русского укрепленного лагеря, сосредоточилась вся шведская армия. Окружавшие короля генералы и придворные заверяли его в том, что все идет хорошо и что с часу на час “его королевское величество одержит убедительную победу”, хотя это было не более чем иллюзией.

И вдруг среди этого ликования генерал Гилленкрок высказал опасение за судьбу колонн Росса и Шлиппенбаха. Карл ответил, что он уже распорядился послать на помощь им отряд генерала Спарре. Но через некоторое время появился сам Спарре и доложил, что не смог пробиться к Яковицкому лесу, куда отступили колонны Росса и Шлиппенбаха.

Отсеченные колонны эти, действительно, попали в отчаянное положение. Меншикову удалось их догнать и окружить. Предложение Меншикова сдаться Росс и Шлиппенбах отвергли и попытались было организовать круговую оборону. Недолго раздумывая, Меншиков атаковал неприятеля. В результате короткого, но крайне ожесточенного боя конница Шлиппенбаха была разгромлена, а сам он и те, кто уцелел, капитулировали.

Меншиков поручил разгром колонны Росса генералу С.Ренцелю, передав ему в подчинение все пехотные батальоны, а конницу повел на соединение с главными силами армии, как и приказывал ему Петр.

Как же повел себя Росс? Попав в кольцо окружения, хотя и неплотное, он прежде всего послал своего адъютанта к королю с просьбой о подкреплении. Но посланец, едва выехав из леса, был захвачен в плен, так что просьба эта до Карла XII не дошла. При этом, ожидая подкрепление, Росс не предпринимал ничего, чтобы выйти из окружения. Атакованный отрядом Ренцеля, он был разбит, но с частью сил ему удалось прорваться сквозь неплотное кольцо и укрыться в шведском лагере под Полтавой. Едва Росс это сделал, как к нему явился рус-

ский барабанщик с требованием Ренцеля немедленно сдаться. Ему дали на размышление полчаса. Когда этот срок истек, весь шведский гарнизон, включая и отряд Росса, под его командой вышел из лагеря и сложил оружие. Было около шести часов утра.

Завязка генерального сражения — бои на линии петровских редутов — сложилась явно в пользу русской армии.

Начиная баталию, Карл XII потерял 6 батальонов пехоты и 11 эскадронов конницы, да вдобавок гарнизон, оставленный в лагере под Полтавой. И это не считая потерь в борьбе за редуты. Король понимал, что наступательный порыв его кавалерии выдохся в борьбе за редуты. Но у Карла XII оставалась в руках еще немалая сила — пехота, которая была почти не тронута. И надежда его не покинула. В это утро, когда кончилась кошмарная борьба за редуты и еще не началась “генеральная баталия”, наступило затишье, но такое, какое бывает перед страшной бурей.

Около 6 часов утра русская армия начала выходить из ретраншемента и строиться в боевой порядок (“в ордер баталии”) на поляне, что зеленела среди редких кустарников впереди лагеря, фронтом на северо-запад. Один за другим батальоны, покидая лагерь, занимали свои места в боевой линии. Царь определил положение точными словами: “неприятель в конфузии находится”. Возникло даже опасение, что он попытается уклониться от решающего столкновения и отступить к Днепру. Такой вариант не устраивал Петра.

Построение русской армии шло на глазах у неприятеля, который стоял на расстоянии, всего-то чуть превышающем дальность пушечного выстрела. Чтобы не напугать противника своим превосходством в силах и тем самым не подтолкнуть его к отказу от сражения, Петр I приказал оставить кое-какие полки в лагере. На залитую солнцем поляну он вывел только 42 пехотных батальона. 6 полков оставил в лагере. Из них 9 батальонов Петр взял в общий резерв армии, а 3 батальона поставил близ Воздвиженского монастыря для взаимодействия с гарнизоном Полтавы.

Построение русской армии в боевой порядок заняло около трех часов (с 6 до 9 часов утра). И все это время противник даже и не пытался его нарушить. Тут, видимо, сказалось утомление отборных войск шведской армии — кавалерии, как следствие яростной борьбы за захват редутов. У нее уже не осталось сил как-то воспрепятствовать развертыванию русской армии.

В седьмом часу к главным силам присоединился Меншиков с шестью драгунскими полками. С подходом конницы боевая линия

русской армии резко удлинилась в сторону правого крыла. С тем, чтобы не отпугнуть шведов, Петр I приказал генералу Волконскому увести 6 драгунских полков (из 18, скопившихся на правом фланге) к стоявшему со своей конницей у Решетилówki гетману Скоропадскому. Решение Петра ослабить правое крыло вызвало возражение Б.П.Шереметева и А.И.Репнина. Отклоняя протест своих ближайших помощников, царь напомнил им: “Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божией и мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного числа...”

Вопреки шаблонам линейной тактики пехота была построена не в одну, а в две линии. В первой линии встали 24 батальона, во второй — 18. То были вторые батальоны полков. Двухлинейный боевой порядок имел то преимущество, что позволял маневрировать силами в ходе сражения, а при отражении удара противника он обретал более прочную устойчивость: в ходе же наступления позволял наращивать усилия из глубины.

Полевая артиллерия выдвинулась на огневые позиции в центре, впереди боевых порядков пехоты, а полковая — в интервалах между частями.

Таким образом, центр боевого порядка русской армии заняли пехота и артиллерия, а фланги — конница. Петр I уточнил: командование центром остается за фельдмаршалом Б.П.Шереметевым, правый фланг берет под начало генерал Р.Х.Боур, левый фланг — генерал А.Д.Меншиков, артиллерию — генерал Я.В.Брюс. То были полководцы, на которых Петр мог положиться, испытанные в боях, не раз смотревшие смерти в глаза и искусные в управлении войсками.

Не дремал и противник. Карл XII спустя два часа после сосредоточения армии у Будищенского леса уже строил ее в боевой порядок. Но с наступлением медлил. Он все еще надеялся, как на чудо, что вот-вот подойдут колонны Росса и Шлиппенбаха. Кроме того, ожидал присоединения к армии двух батальонов пехоты, оставленных в лагере, а также запорожцев и мазепинцев.

Тогда он еще не знал, что все эти силы разгромлены или же рассеяны Меншиковым и Ренцелем. Чуда не произошло. Карл XII, конечно, понимал, что фронт русской армии широк и, следовательно, есть опасность охвата его войск с флангов. Поэтому он строил свою пехоту в одну линию, растягивая ее по фронту. Во второй линии остались только 3 батальона — один в центре и по одному — на флангах. Кавалерия развернулась в две линии. Сидя в качалке, которую везли две лошади, в окружении личных гвардейцев (драбантов) король объезжал

свои войска.

Все расчеты Карла строились на стремительности атаки и силе штыкового удара, в мастерстве нанесения которого шведская армия не имела себе равных. Первоначальный удар и должен был, по его мнению, решить исход битвы. Нарастивать усилия возможности у него попросту не было. Как и ожидал Петр I, главный удар противника был направлен в центр русского боевого порядка, туда, где находился “молодой” полк.

Генеральное сражение

Около 9 часов утра обе армии, уже развернутые, притихшие, как бы затаив дыхание, стояли друг против друга. Между ними лежала, сверкая на солнце густой сочной травой, поляна, которой суждено было спустя минуту-другую обогреться кровью. Тишину нарушали отрывистые команды, ржание коней, бряцание оружия. День обещал быть душным и жарким. На небе не виднелось ни облачка.

Когда 6 драгунских полков вышли из линии кавалерии Боура и стали уходить в тыл, разведка заметила движение в логовине, где поодаль стояла шведская армия. И тут же все услышали, как там запели трубы, загрели барабаны, увидели затрепетавшие на ветру знамена и штандарты. Полки, оцетинившись штыками, колыхнулись и стройными рядами двинулись вперед. Было ровно 9 часов утра. Карл XII остался среди своих солдат. Его качалка поплыла впереди правого фланга пехоты.

Петр тотчас же выехал вперед перед фронтом своих полков и громовым голосом произнес слова: “За Отечество принять смерть весьма похвально, а страх смерти в бою вещь, всякой хулы достойна!” Он отдал приказ идти вперед, навстречу врагу, и первым поскакал в атаку. Рядом с ним на рысях мчал Шереметев, за ним почти весь генералитет.

Проехав несколько десятков метров, Петр остановил коня и сказал, обращаясь к Шереметеву: “Господин фельдмаршал! Вручаю тебе мою армию, изволь командовать и ожидать приближения неприятеля на сем месте”. Вслед за этим царь повернул коня и помчался к своей дивизии (в то время Петр I имел чин полковника).

Две живые стены надвигались одна на другую. Когда между войсками оставалось чуть более 70 метров, первая линия русской пехоты дала ружейный залп. Однако шведы как шли, так и продолжали идти, словно на параде, несмотря на большие потери. Прогрели еще ружейные залпы. Лишь после них противник остановился и ответил зал-

пом. В рядах русских появилось немало убитых и раненых. Как только шеренги шведов приблизились на расстояние до 50 метров, ударила русская артиллерия. Первые же ее выстрелы опустошили колонны противника.

Но им все же удалось выдержать убийственный огонь русской артиллерии, и они ударили в штыки. Предатель, находившийся вблизи короля, указал ему на “молодой” полк, одетый в серые мундиры. Карл XII воспрял духом. Он приказал двум батальонам своей гвардии, сомкнув строй на ширину одного батальона, смять противника. Но когда два шведских гвардейских батальона бегом кинулись в штыковой бой с русскими, одетыми в серые мундиры, то неожиданно для себя встретили с их стороны поразительную стойкость. Натиск шведской гвардии принял закаленный в боях 1-й батальон Новгородского пехотного полка, переодетый в эти самые серые мундиры. Завязался яростный рукопашный бой. Уже через несколько минут из-за страшной тесноты пользоваться штыками стало невозможно. В ход пошли сначала приклады и тесаки, а затем и кулаки.

Атаквала русских и конница правого крыла шведов, и уже по всему фронту завязался ожесточенный бой. Кое-где шведам удалось потеснить русских. Шведскому королю уже казалось, что еще одно, последнее усилие — и судьба битвы будет решена. Но как раз этого последнего усилия шведам и не хватило, тем более что таранный удар врага не проломил нигде фронта русских. Яростного наступательного прорыва шведам хватило не более чем на полчаса. Лучшие полки королевской армии, а также гвардия от ружейно-артиллерийского огня во время сближения, а затем в штыковом бою потеряли более половины своего состава, в том числе многих офицеров.

Пушечное ядро ударило в качалку короля, он упал на землю и потерял сознание. Подбежавшие драбанты подняли и уложили его на импровизированные носилки из скрещенных пик. Мгновенно распространившийся среди шведов слух о гибели короля вызвал смятение в их рядах, но он вскоре рассеялся: Карл XII не пострадал.

...Неприятель буквально “на штыках” прошел сквозь 1-й батальон Новгородского полка. Доблестный батальон полег почти весь. Царь, не мешкая, взял под команду 2-й батальон Новгородского полка и сам повел их в контратаку. Штыковой удар новгородцев был стремителен. Произошла жестокая рукопашная схватка. Шведская гвардия, казалось, уже добывшая успех, была ошелоmlена. Противник дрогнул и начал шагом отходить, устилая поле боя телами павших.

Одна вражеская пуля пробила шляпу царя, другая застряла в седле, а третья — ударила в большой медный крест на груди. Но Петр не получил и царапины.

В то время как угроза прорыва центра русской армии сошла на нет, шведские войска на своих флангах да и в центре все еще ломались вперед. Но далеко не так напористо, как вначале, так что Карл XII почувствовал: надежда сокрушить русских первым ударом улетучивается.

Ослабление ударов шведов заметил и Петр, и Шереметев. Наступала пора коннице охватывать фланги шведской армии: Меншикову слева, Боуру справа. Второй раз за первый час баталии в жестокой кавалерийской сече сошлись русские и шведские конные полки. Вздрыбились обезумевшие, храпящие кони, тяжело загудела под тысячами конских копыт земля. Вначале наметился успех на левом фланге, где рубился с неприятелем Меншиков (шесть драгунских полков). Потеснив шведов, он отсек вражескую кавалерию от пехоты, так что пехотные полки оказались под угрозой удара с фланга.

Шереметев сразу же это увидел и расценил сей момент, как начало перелома в сражении. Дрогнул и стал медленно отходить под натиском пехотных полков и конницы Меншикова весь правый фланг неприятеля. И Шереметев с ведома Петра отдал приказ на ввод в сражение второй линии армии. Русские войска перешли в общую атаку по всему фронту. Будто волна за волной, шеренга за шеренгой надвигались на уже расстроенные шведские полки, навязывая штыковой бой. Натиска русской армии шведские войска не смогли выдержать. Отдельные полки и подразделения противника начали отход, кое-какие из них уже бежали с поля боя к лесу.

И вот, наконец, вся некогда непобедимая шведская армия обратилась с бегство. Карл XII пытался остановить свои бегущие войска. Он кричал в бессильной ярости: «Шведы! Шведы!» Но его никто уже не слушал. Охваченные паникой, шведские войска толпой бежали к лесу, видимо, надеясь найти под его сенью спасение. Тем временем русские полки рассекали те шведские войска, которые еще держались. Один за другим были перебиты все 24 гвардейца, сменявшиеся у носилок короля, пока не удалось, наконец, посадить его на лошадь и вывезти из страшной свалки.

Хотя Карл и не покидал поле боя, но распоряжался мало. И, видимо, и столько из-за того, что ослабел от раны, а сколько из-за того, что увидел: спустя не более чем полчаса его армия утратила инициативу и волю ей навязывают русские.

Русских солдат нельзя было ничем удержать. Они настигали толпы бегущих и на поляне, и в лесу. Кто из шведов не успевал вовремя бросить оружие и дать знать, что он сдается в плен, тут же уничтожался. Опасность погибнуть для бегущих к своему лагерю шведов (они еще не знали о его взятии русскими) усиливалась тем, что на их пути стояли русские редуты. Из них на беглецов сыпались пули, ядра и картечь.

Канцлер граф К.Пипер бросился бежать в шведский лагерь в числе первых — сжечь все письма и бумаги, хранившиеся в кабинете короля. Но вместо этого угодил в плен. В “плёну” оказался и сам кабинет со всеми документами и казной.

В одиннадцатом часу, как помечено в “Журнале Петра Великого”, “вся неприятельская линия была сбита с места и до лесу прогнана”. Выбитый из лесу противник бросился по кратчайшей дороге к Днепру. Но здесь наткнулся на драгунов князя Волконского и казаков гетмана Скоропадского. Тогда масса людей хлынула на дорогу, которая вела к Полтаве. Однако и тут расстроенное шведское войско наткнулось на русский отряд генерала С.Ренцеля.

К 11 часам длившаяся всего два часа Полтавская баталия закончилась полным разгромом армии шведского короля. Русская кавалерия кинулась было преследовать разбежавшихся шведов. Но, свидетельствует очевидец, “в погоне же за бегущим неприятелем гнала наша кавалерия болши полуторы мили, пока лошади утомились и иттить не могли”. Это дало возможность уцелевшим войскам шведской армии отступить к Переволочне, где можно было переправиться через Днепр.

По распоряжению царя Шереметев днем построил в огромное каре всю русскую армию. С правого фланга верхом на коне выехал Петр I. Медленно продвигаясь вдоль застывших в строю полков, он проехал на средину каре, обнажил шпагу и преклонил ее перед воинами. В наступившей тишине раздался его громкий, взволнованный голос: “Здравствуйте, сыны Отечества, чады мои возлюбленные! ... без вас государству, как телу без души, жить невозможно... Храбрые дела ваши никогда не будут забвенны у потомства!” Здесь же, на поле боя, был устроен торжественный обед для всей армии.

В третьем часу дня в шатер Петра I привели пленных шведских военачальников. Перед этим Меншиков объявил им, “чтоб шпаги его царскому величеству, яко победителю приносили”. Первым вошел канцлер граф Пипер. Встав на колени и склонив голову, он вынул свою шпагу и протянул русскому царю. Петр повелел принять ее генералу князю А.Д.-Меншикову. Тому же ритуалу пришлось подчиниться фельдмаршалу К.Реншильду и генералам. Петр I принял пленников милостиво, даже

вернул им шпаги, а затем не без иронии произнес: “Вчера брат мой Карл просил вас в сей день на обед в шатер мой, и хотя он не сдержал своего слова, но мы сие выполним, и поэтому прошу вас со мной отобедать”. За обедом и был произнесен им знаменитый тост за здоровье “учителей” в ратном деле. “Кто же эти учителя?” — осведомился Реншильд. — “Вы, господа шведы”, — пояснил Петр. — “Хорошо же, ваше величество, отблагодарили своих учителей!” — с горькой иронией ответил шведский фельдмаршал.

На другой день, 28 июня 1709 года, русская армия вступила в освобожденную от осады Полтаву. Гарнизон крепости выстроился у главных ворот. Петр I подъехал к Келину, выслушал его рапорт, а затем расцеловал отважного коменданта и сказал во всеуслышание: “Надежда на тебя не обманула меня!” Царь наградил полковника А.С.Келина своим золотым портретом, украшенным алмазами, и произвел в генерал-майоры, минуя чин бригадира.

В тот же день состоялась скорбная церемония погребения павших на поле битвы. Были вырыты две братские могилы для русских воинов и одна для шведов. Войска, замерев, стояли в строю.

В сражении под Полтавой шведская армия потеряла около 9,3 тысячи человек убитыми и свыше 2,8 тысячи человек пленными. В плен попали канцлер Швеции граф Пипер, фельдмаршал Реншильд и 5 генералов (Шлиппенбах, Росс, Гамильтон, Штакельберг и принц Вюртембергский). Кроме того, 2—3 тысячи шведов, разбежавшихся по лесам, вскоре были перебиты местными жителями. Русские потери составили 1345 человек убитыми (в том числе 40 офицеров) и 3290 человек ранеными (в том числе 76 офицеров).

Эти цифры говорят сами за себя.

Преследование

Вечером 27 июня Петр I вниз по Ворскле к Переволочне послал 10 драгунских полков генерала Р.Х.Боура и 10 батальонов гвардии под началом генерала М.М.Голицына. Так русская армия начала преследование уцелевших войск неприятеля. Чтобы его ускорить, гвардейскую пехоту посадили на лошадей. Общее командование обоими отрядами Петр I поручил Меншикову. 30 июня к Переволочне выступил и сам царь с 6 драгунскими и 2 пехотными полками. Гетману Скоропадскому он приказал уничтожить все переправы через Днепр.

Подавленный всем случившимся, Карл XII самоустранился от руководства отступлением своей некогда могущественной армии. 28 июня он прибыл в Кобеляки. А в это время у селения Кобеляки

наспех собранное шведское войско попыталось было задержать русскую кавалерию, но не выдержало лихой кавалерийской атаки, отступило.

Шведские войска были деморализованы. Стоявшие в Старых и Новых Санжарах 4 шведских кавалерийских полка и 300 казаков-мазепинцев сдались в плен русским, как только те приблизились к этим населенным пунктам.

Далеко опередив свою армию, шведский король к вечеру 29 июня примчался в Переволочну. Здесь возник вопрос — как быть дальше? Пока обсуждался вопрос, как же быть, к Переволочне в ночь на 30 июня стали подходить передовые части бежавших из-под Полтавы войск. А перед рассветом уже вся шведская армия, или, точнее, то, что от нее осталось, собралась у Днепра. Приведший ее генерал-майор Крейц, осмотрев берег, убедился: переправы через Днепр нет. Он принял было решение сразу же идти к Ворскле, но утомленные изнурительным бегством солдаты отказались повиноваться.

Карлу XII оставался один выход: бежать, и, как он решил, бежать за Днепр, под покровительство султана Турции. Передав командование уцелевшим войском генералу Левенгаупту, Карл с конвоем и свитой еще до рассвета переправился через реку. Сотни шведов и казаков-мазепинцев, бросившихся через реку вплавь, утонули в ее волнах.

Спасшиеся двинулись двумя нестройными колоннами: одна — за Карлом, другая — за Мазепой. Лишь удалившись на несколько километров от берега, обе колонны, общей численностью до 2 тысяч человек, соединились и быстро пошли по выжженной июньским солнцем безводной и безлюдной степи к Очакову, подальше от русских.

Спустя три часа после бегства Карла XII за Днепр, к Переволочне подошел головной отряд 9-тысячного корпуса Меншикова. Понимая, что сил для немедленной атаки противника у него маловато, он направил Петру I просьбу о подкреплении, а сам тем временем решил попытаться взять шведов на испуг. Он спешил свою кавалерию и построил ее вместе с пехотой, а коноводам приказал расположиться в отдалении, чтобы шведы приняли их за многочисленную конницу. Дабы создать видимость подхода к Переволочне главных русских сил, Меншиков распорядился бить в барабаны, шуметь как можно сильнее, показываться на холмах конным и пешим...

Наступило утро 30 июня. К шведскому аванпосту приблизился русский парламентар в сопровождении барабанщика и передал швед-

скому командующему ультиматум Меншикова о немедленной капитуляции. В случае отказа он угрожал шведам беспощадным истреблением. Парламентер ждал немедленного ответа. Левенгаупт сразу же собрал всех командиров и потребовал от них ответа на вопрос: смогут ли они поднять своих солдат на новое сражение? Смысл ответа сводился примерно к одному — люди сражаться едва ли будут.

Левенгаупту ничего не оставалось, как подчиниться обстоятельствам. В Переволочне сдались в плен 16,3 тысячи человек (из них 14 тысяч шведских солдат). Победителям здесь достались 28 пушек, 127 знамен и штандартов, войсковая казна и канцелярия, а также тот обоз, что сумел уйти из-под Полтавы. Капитуляцию противника принял генерал Боур. Здесь же, в Переволочне, вместе со шведами сдались в плен свыше 200 казаков-мазепинцев.

Беспримерная капитуляция под Переволочной 30 июня 1709 года всей уцелевшей шведской армии были не менее позорна, чем разгром под Полтавой. “И тако Божией милостью, — сообщает “Журнал Петра Великого”, — вся неприятельская, столь в свете славная армия, которая бытием в Саксонии не малой страх в Европе причинила, к государю российскому в руки досталась”.

Петр I прискакал под Переволочную в полдень 30 июня. Узнав, что Карл XII и Мазепа бежали за Днепр, он распорядился немедленно начать преследование. В погоню были брошены два отряда: генерала князя А.Г.Волконского и бригадира Г.И.Кропотова. Генералу Г.Гольцу, оставшемуся с сильным отрядом на Полыни, Петр I подтвердил приказ не допустить Карла XII в Польшу на соединение с войсками Станислава Лещинского.

Карл и Мазепа, не останавливаясь, мчались день и ночь по степному простору к турецкой крепости Очаков. Русская конница шла за ними по пятам. Был момент, когда драгунам показалось, что шведский король у них в руках. Они увидели в степи почти на линии горизонта большую группу шведов. Догнав их, конница бригадира Кропотова атаковала противника и уничтожила его. Однако ни Карла, ни Мазепы здесь не нашла. Оказалось, они ускакали с другим отрядом. Это позволило Карлу и Мазепе переправиться на турецкий берег.

С берегов Черного моря Г.И.Кропотов повернул в Галицию. Неподалеку от Черновиц он перехватил шведский отряд под командованием генерала А.Гилленкрока. Окруженные шведы сдались, не оказав сопротивления. В плен попало более 500 человек. То был последний отряд вторгшейся в Россию шведской армии. От нее осталось лишь меньше сотни человек — охрана Карла XII и Мазепы.

Они добрались до турецкой крепости Бендеры и осели в ней.

Здесь спустя два месяца Мазепа умер.

Петр I щедро наградил всех участников славной Полтавской баталии сразу же после капитуляции шведской армии у Переволочны. Все солдаты получили учрежденные по этому случаю серебряные медали и годовой денежный оклад. Офицеры — золотые медали, а особо отличившиеся — золотые царские портреты. Генералы Я.В.Брюс, А.И.Репнин, С.Ренцель, Л.Н.Аларт, Р.Х.Боур, И.Я.Гинтер и другие удостоились ордена Андрея Первозванного или золотого царского портрета, украшенного алмазами. Генерал-лейтенант К.-Э.Ренне был произведен в полного генерала, генерал-майор князь В.В.Долгорукий — в генерал-лейтенанта, а герой Полтавы генерал-аншеф светлейший князь А.Д.Меншиков получил чин генерал-фельдмаршала.

Сподвижники Петра I, представители старых боярских родов — генерал-фельдмаршал граф Б.П.Шереметев, генералы князь А.И.Репнин, князь М.М.Голицын, князь В.В.Долгорукий, генерал Р.Х.Боур были пожалованы обширными поместьями (“великими деревнями”). Главный же герой Полтавской битвы — царь Петр I по прошению всех генералов и офицеров принял чин генерал-лейтенанта армии и “шаутбенахта” (вице-адмирала) флота.

...21 декабря 1709 года толпы народа выбрались на улицы и площади Москвы поглядеть на шествие победителей и побежденных. Его открывал гвардейский Семеновский полк. За ним шли пленные шведские офицеры, за которыми несли трофейные знамена и штандарты, везли захваченные в боях шведские пушки, взятые в сражениях при Лесной и под Полтавой. Тем самым Петр I хотел выделить особое значение этих двух решающих побед — “матери” (Лесной) и ее “дочери” (Полтавы). Замыкала первую колонну рота гвардейского Преображенского полка. За ней следовала вторая группа пленных офицеров, дальше опять трофейная артиллерия, знамена, штандарты, генерал-адъютанты и придворные шведского короля. За ними несли королевские носилки, везли королевскую канцелярию (захваченную под Полтавой). Потом шагали пленные гвардейцы Карла XII, а за ними генералы — Гамильтон, Штакельберг, Росс, Круус, Крейц и Шлиппенбах. Поодаль шли канцлер шведского королевства граф Пипер, генерал-фельдмаршал граф Реншильд и генерал-лейтенант граф Левенгаупт. За пленными шведскими военачальниками верхом на коне ехал Петр I, а за ним шел гвардейский Преображенский полк во главе с генерал-фельдмаршалом князем А.Д.Меншиковым и генерал-лейтенантом князем В.В.Долгоруким.

Перед долго считавшейся непобедимой шведской армией трепетали одни великие державы (вроде Австрии и Пруссии), заискивали другие (вроде Англии и Франции), она завоевала Польшу, разгромила Данию, раздавила Саксонию, шла покорять Россию. И вот теперь здесь, в Москве, в этот короткий зимний день как бы состоялись ее похороны при безмолвном изумлении русских народных масс.

Полтавская победа вписана золотыми буквами в историю России. Полтавская виктория «была, — как говорил русский историк С.М.Соловьев, — одним из величайших всемирно-исторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно, посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и перед народами Запада явилось новое, обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшиеся до сих пор непобедимыми. При громе Полтавской победы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ, но и не один народ: при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее себе достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни».

Это так. Но у Полтавской виктории были последствия, которые ярко проявились уже в то время.

Переломив ход Северной войны, она утвердила все начинания Петра I на Балтийском побережье. Сам он теперь признал, что «положен прочный камень в основание Санкт-Петербурга» и со дня Полтавы считал его столицей государства. И хотя Северная война полыхала еще долгих 12 лет, Швеция уже не могла оправиться от поражения, навсегда утратив престиж великой военной державы. Ей стало не по силам тягаться с Россией. Теперь у нее оставались лишь два корпуса: один в Финляндии (15-тысячный корпус генерала Любекера) и другой в Польше (8-тысячный корпус генерала Красау). Новую же большую армию Карл XII создать был уже не в состоянии. К тому же «небывалая виктория» (выражение Петра I) открывала возможность восстановить Северный союз.

Все это помогло Петру I сохранить мир с Турцией. Турецкий султан, хотя и принял Карла XII, однако заверил царя, что мира он не нарушит.

Стала искать сближения с Россией Франция, предложив ей, в частности, свое посредничество в заключении мира со Швецией и выдвинув Россию как арбитра в войне за «испанское наследство».

Морские державы (Англия, Голландия) были встревожены Полтавской победой Петра I. Теперь Англия, строившая ранее свои

расчеты на взаимном истощении России и Швеции в Северной войне, считала желательным вступление в союз с Россией.

Эхо Полтавской виктории таким образом прокатилось почти по всей Европе.

Это должно было заставить Карла XII подумать о мире. И действительно, вслед за Полтавским сражением, но еще до пленения шведских войск под Переволочной, король предложил заключить мир на условиях, которые Петр I предлагал ему накануне Полтавы (оставление за Россией Ингрии с Санкт-Петербургом, а также Нарвы). Однако эти условия после разгрома шведской армии Петр I не принял. Он сообщил, что готов заключить мир, но кроме Ингрии требовал отдать России территорию Карелии с Выборгом.

Так завязался новый узел войны со Швецией.

Полтавская битва сказала новое слово в русском военном искусстве, и прежде всего в стратегии. Исходным пунктом ее стал учет реального состояния сил обеих сторон, который заставил Петра I вначале уклоняться от генерального сражения, ибо, как говорил он, “лучше здоровое наступление, нежели безмерный газард (риск)”. Постепенно истощая и ослабляя противника, признававшего только наступление, он наращивал свои стратегические преимущества (успех под Лесной, разгром Запорожской Сечи, оборона Полтавы), а затем одним решительным ударом нанес врагу поражение.

Новой и потому неожиданной для шведов явилась тактика русских войск. Впервые они применили на поле боя сомкнутые земляные укрепления — редуты или так называемую передовую позицию, — которые затруднили маневр шведской армии и привели в беспорядок ее оперативное построение.

По-новому Петр I построил и боевой порядок русских войск. Он получил гораздо большую глубину и потому давал свободу маневра. Это расходилось с принятыми правилами линейной тактики.

Разошлось с ней и то, что Петру I удалось навязать шведской армии сражение на закрытой местности.

Полтавская битва, таким образом, оставила в истории ярчайшие свидетельства преимуществ стратегии и тактики русской армии, обогативших общее развитие военного искусства.

Вопросы к главе IV:

1. В чем, на ваш взгляд, состоит значение обороны Полтавы?
2. Какую тактику применял Петр I в битве под Полтавой и чем она ознаменовалась?
3. Силы сторон перед Полтавской битвой и их соотношение: какое это имело значение?
4. Какие основные моменты битвы под Полтавой Вам запомнились?
5. Как определял Петр I значение Полтавской победы?

Глава V

«...ИМЕТЬ ОЧИ И МЫСЛИ В ОБЕ СТОРОНЫ РОССИИ»

1. Виктории в Лифляндии и Эстляндии

Эхо Полтавской победы еще катилось по России и по всей Западной Европе, радуя одних сильных мира сего и огорчая других, а Петр I был уже одержим новыми замыслами, и почти все они связывались с Балтийским театром военных действий. Ибо знал: здесь оставались еще довольно крупные силы шведов и, только разгромив их, можно было считать Швецию побежденной.

Первые, еще смутные мысли о том, как вести военные действия дальше, были высказаны Петром уже 9 июля в письме генералу-адмиралу Ф.М.Апраксину (тот оставался за него в Петербурге). Вот что более всего его занимало: “И при том прилагаем, — писал Петр, — что время еще сего лета довольно осталось для атаки неприятельских городов. А понеже к Выборгу не чаю, что сею осенью за постотою и протчими неудобства (о чем сам ты известен) возможно какой промысел учинить, но разве зимою, и того ради мы за благо изобрели Ревель осадить и с помощью Божию доставить... Також, когда к вам полки придут (которые завтра отсель рушатся), извольте тщание приложить Корелу достать”.

12 июля эти соображения Петр вынес на консилию, собранную им в украинском селении Решетиловке. Консилия приняла их с редким единодушием, но уточнила: главной задачей считать занятие Риги и изгнание шведов из всей Прибалтики и не упустить при этом разгрома шведских войск, убравшихся из Польши и Лифляндии в Померанию (корпус Крассау). Это означало, что войска Швеции на суше были бы сокрушены, и ознаменовало бы крах шведской империи.

Поначалу события пошли так, как и решила консилия”. Уже 13 июля фельдмаршал Шереметев с пехотой и конницей общей численностью до 40 тысяч человек двинулся из-под Полтавы, получив задачу взять Ригу и очистить восточные прибалтийские провинции от шведов. Тогда как получивший чин фельдмаршала светлейший князь Меншиков с силами поменьше пошел в Польшу.

Обстановка сулила русским войскам успех. Еще 8 июля царь послал Августу II письмо, в котором призвал его начать действия против Станислава Лещинского и обещал уже к середине июля выдвинуть русские войска в Польшу "для совершения наших общих интересов". Август II последовал совету Петра и, не мешкая, вступил на территорию Речи Посполитой с 14-тысячным войском. Станиславу пришлось вслед за шведским корпусом генерала Крассау бежать в Померанию, в которую, кстати говоря, стекались и уцелевшие после Полтавской баталии разрозненные шведские войска.

В октябре Петр встретился в Торуне с Августом. Ни тот, ни другой не забыли Альтранштадт. Присутствующий при встрече посол Б.И. Куракин писал: "...сия бытность обоих потентатов вельми удивила, какою низостью и почтением и без всякой отмовки во всем послушностью был король Август к царскому величеству так, яко бы поданному".

9 октября 1709 года в Торуне Петр и Август подписали договор, согласно которому царь обещал Августу вернуть польский трон, а тот должен был начать борьбу с противниками России в Польше. В секретной статье говорилось, что Августу будет передана Лифляндия, а Россия могла "сверх прежде сего завоеванных мест, провинцию Эстляндскую удержати...". Это противоречило договору 1699 года, но отвечало новой обстановке.

Спустя два дня, 11 октября, русский посол В.Л. Долгорукий заключил договор с Данией, согласно которому она обязалась наступать на шведов со стороны Норвегии, а также высадить десант в Сконию, тогда как Россия брала на себя обязательство открыть военные действия против Швеции со стороны Финляндии и в Польше. Так за считанные дни воскрес Северный Союз, направленный против Карла XII, в составе России, Польши, Саксонии и Дании.

Петру, однако, этого было мало, и он добился в том же октябре на свидании с королем Пруссии Фридрихом I его обещания не пропускать шведские войска из Померании в Польшу через свою территорию. Петр же обещал Фридриху город Эльбинг, дав слово очистить его от шведского гарнизона.

Стремился царь привлечь на свою сторону и ганноверского курфюрста Георга-Людвига, наследника английского престола. Тот пошел на сближение с Россией, но вступил в договорные отношения с ней лишь 22 июня 1710 года и разорвал союзный договор со Швецией. Курфюрст обязался оказывать Северному Союзу содействие в войне со Швецией; Петр обещал ему солидный кусок шведской империи — города Бремен и Верден.

Когда известие о Полтавской баталии докатилось до Константи-

нополя, турецкий султан, которого вообще-то не покидала мысль о войне с Россией ради возвращения Азовского побережья, и который до того даже не допускал к себе русского посла П.А.Толстого, резко изменил к нему отношение. Султан лично принял Толстого и заверил его, что если Россия не нарушит мира, то и он его не нарушит. А в январе 1710 года ратифицировал новый договор с Россией, подтвердив тот старый, который он утверждал в 1700 году. Султан даже пошел на уступки, взяв обязательство выпроводить Карла XII из своих владений. Петр радовался этому. «Теперь уже в одну сторону очи и мысли имеем», — так отозвался он на известия из Константинополя.

Швеция, таким образом, попадала в труднейшую военно-политическую ситуацию. Россия же, наоборот, стараниями Петра получила максимум благоприятных обстоятельств для ведения военных действий.

Тем временем Шереметев медленно двигался по территории разоренной шведами Речи Посполитой в сторону Риги. Марш затрудняли дожди, грязь, бездорожье. Это заставило фельдмаршала 5 октября, когда войска подошли к крепости Динабург (Двинск), переправить на левый берег Западной Двины нечто вроде корволанта — четыре драгунских полка и донских казаков атамана М.Лобанова под общим командованием генерал-поручика Р.Х.Боура с тем, чтобы быстрее подойти к Риге. Чуть раньше он послал в Курляндию три драгунских полка под командой генерал-майора А.Г.Волконского для обсервации (разведки).

Боур и Волконский привели свои полки, один в Лифляндию, другой в Курляндию, уже 15 октября и тут же пошли к Риге. А 27 октября к городу подошел с главными силами и Шереметев. Он сразу же взял Ригу в железное кольцо окружения.

Город-крепость раскинулся на левом берегу Западной Двины. Его защищал гарнизон (13400 человек с 563 пушками, 66 мортирами и 12 гаубицами) под командованием генерала Н.Штремберга, укрытый за мощными стенами.

Взять Ригу можно было только имея сильную артиллерию и крепкие духом войска.

Шереметев начал осаду с того, что занял оставленный противником форт Кобершанц и не замедлил выдвинуть артиллерийские орудия. Под их огонь попал весь город и двинский фарватер. Фельдмаршал в 7 км выше Риги навел мост и построил предмостное укрепление. Укрепления с артиллерийскими батареями возвел между крепостью Динамюнде (Усть-Двинск) и Ригой. А чтобы прервать сообщение Риги с Ревелем, выдвинул в Новый Млын два драгунских полка и 300 казаков. Город, таким образом, отрезался от морского побере-

жья, на которое, как считал Шереметев, противник мог высадить десант, и лишился главной коммуникации на суше.

10 ноября под Ригу приехал Петр. После рекогносцировки, в ходе которой он убедился в том, что Шереметев ведет приготовления к осаде умело, хотя и медленно, решил: быть бомбардировке города. Она началась еще затемно 14 ноября с того, что Петр сам произвел первые три выстрела. Не без гордости он сообщал Апраксину: “Сегодня в пятом часу по полуночи началось бомбардирование Риги, и первые три бомбы своими руками в город отправлены”.

Сотни бомб обрушились на рижские укрепления, выбивая камни из городских стен и мостовых, круша строения. На это Штремберг отвечал огнем всех своих орудий.

Неотвратимо наступала зима с ее метелями и морозами, и Петр отказался от штурма Риги. Уезжая 15 ноября в Петербург, он оставил Шереметеву приказ: “Чтоб кроме тесной блокады сего города фронтальною атакою не добывать ради сего, первое. Что время было поздно, другое, что гарнизон в нем был великий, а крепость зело сильную имеет оборону, третье, что опасности от шведов никакой не было и сикурсу (десанта) ждать было невозможно”.

Шереметев посчитал возможным для “тесной блокады” Риги оставить под ее стенами сводный отряд численностью всего в 6 тысяч человек, но расположив его на обоих берегах Западной Двины, где вставала русская артиллерия. Сам же в декабре уехал в Москву, отведя главные силы на зимние квартиры в Лифляндии, Курляндии и Литве.

День за днем всю зиму на город, сверля морозный воздух и громохая, летели ядра. От строений, в которые попадали снаряды, оставались одни развалины. Но город держался, отвечая на огонь русских огнем своих батарей.

Повеяло теплом, и 11 марта под Ригу вернулся Шереметев. Теплые дни позволили ему быстро закончить возведение огневых позиций на берегах Западной Двины. Здесь ему удалось выставить тридцать две 8-, 12- и 18-фунтовые пушки. Огонь по городу усилился.

Петр в Петербурге, что ни день получая донесения фельдмаршала, знал, как идет осада Риги. Его больше всего беспокоила возможность высадки шведского десанта со стороны Динамюнде. Для предотвращения сего случая он прислал к Шереметеву светлейшего князя Меншикова с указом “от прихода неприятельских кораблей к Риге большую обсервацию иметь, и что принадлежит к пресечению не-

приятельской коммуникации устроить”.

Что же конкретно приказывал Петр сделать? А вот что: “для препятия неприятельских судов” перегородить Западную Двину “бревнами с цепями и сделать несколько прамов и на них поставить пушки”.

Оба фельдмаршала точно последовали духу и букве царского указа.

Возле урочища Гофемберг в двух километрах ниже Риги по течению Западной Двины было возведено еще одно укрепление, названное Александершанц по имени Меншикова; через Западную Двину был перекинут свайный мост, а перед ним протянулись связанные цепями бревна. Ниже форта Кобершанц поднялись редуты. Построенные на случай шведского десанта все эти фортификационные сооружения крепко защитили войска.

Когда к 29 апреля Шереметев собрал у Риги все войска, то диспозиция их приняла вид причудливо очерченной окружности, центром которой и был этот город-крепость.

На обоих берегах Западной Двины у Александершанца и нового свайного моста встала дивизия Меншикова, выше Риги заняла позицию дивизия Репнина, а напротив города — дивизия Аларта.

Петля окружения все туже сжимала город. 10 мая генерал-поручик Я.В.Брюс привел к Риге осадную артиллерию. Вот-вот должна была начаться усиленная бомбардировка города, а затем войскам предстояло пойти на штурм.

Но пришел день 14 мая, когда, до того проявлявшая себя вспышками, занялась пожаром среди русских войск эпидемия чумы, занесенной, по-видимому, из осажденного города. Там, в стане врага, она унесла в могилу 60 тысяч горожан и солдат. Здесь, в русской армии, под ее косу попали почти 10 тысяч человек.

Шереметев засомневался, начинать ли штурм? На собранной им консилиии было решено до штурма дело не доводить, но усилить блокаду, чтобы вынудить город к сдаче. А для того овладеть предместьем Риги и установить как можно ближе к ней мортирные батареи.

Двум отрядам общей численностью в 2400 человек предстояло нанести удары: одному — под командованием бригадира Штафа по правому флангу шведской обороны, другому — под командованием полковника П.П.Ласси по левому флангу и захватить предместье Риги.

Этот замысел русские войска выполнили с блеском.

Тем временем Петр не уставал напоминать Шереметеву об опасности высадки шведского десанта, прямо указывая где — у Динамюнде или Перново (Пярну).

Действительно, как раз в это время у Динамюнде сосредоточивалась шведская эскадра в 24 вымпела с явным намерением высадить десант. Но она при приближении к берегу попала под огонь русских батарей с обоих берегов Западной Двины. Судам пришлось отойти к Динамюнде.

А это значило, что рижский гарнизон так и не получил подкреплений. Положение его стало безнадежным, тем более что Шереметев начал усиленную бомбардировку городских укреплений. За 10 дней, с 14 по 24 июня, на город упало около 3400 бомб, производя страшные опустошения и пожары.

Теперь Штремберг сам запросил перемирия, выразив тем самым готовность к переговорам о сдаче Риги, но перемирия на слишком большой срок — на 10 дней. За этим усматривался очевидный расчет — выиграть время. Шереметев дал ему двое суток. Штрембергу на это пришлось согласиться. К уступчивости его подвигла не только жесточайшая бомбардировка Риги, но и давление рижского магистрата вкупе с духовенством и лифляндским рыцарством.

4 июля 1710 года представитель Штремберга подписал акт о капитуляции гарнизона и города. Всего осталось от гарнизона 5132 человека, и все они сдались в плен, из них 2905 человек были больны. Как трофеи русской армии достались 561 пушка, 66 мортир, 7 гаубиц.

По условиям капитуляции шведский гарнизон мог покинуть город. Но Шереметев решил задержать часть шведских солдат и офицеров как военнопленных с тем, чтобы, как это было тогда заведено, обменять их на русских, попавших в плен в 1700 году под Нарвой. Тогда же, 4 июля, в Ригу ввел свои полки Репнин, а спустя неделю в город торжественно въехал Шереметев.

Так с виктории началось завоевание Восточной Прибалтики. Петр отозвался о ней так: «Оная малым лучше Полтавы», то есть не менее значима, чем победа под Полтавой.

Шереметев не мешкал. Крепость Динамюнде стояла на острове близ устья Западной Двины и запирала выход в море.

Шереметев рассчитывал провести операцию малыми силами, отрядив на нее всего 2 тысячи пехотинцев, небольшое число драгун, 2 мортиры и 3 пушки под общим командованием генерал-майора Брука. Правда, шведскому флоту удалось высадить в Динамюнде подкрепление в 700 человек. Но из них чума половину унесла в

мир иной. Бруку предстояло блокировать крепость и, установив артиллерию, послать коменданту крепости письмо с предложением о сдаче.

8 августа Штакельберг пошел на переговоры. В тот же день он сдал Динамюнде. Отряду русских войск досталось 198 пушек, 14 мортир и 13 гаубиц.

13 июля Петр I приказал Шереметеву овладеть другой крепостью на лифляндском побережье — Пернау.

Как и хотел Петр, дело пошло быстро. Уже 22 июля Боур блокировал Пернау со всех сторон, причем “от моря ход” был “взят под прицел” артиллерией.

14 августа крепость капитулировала. Шведский гарнизон бежал из нее, оставив 183 пушки, 14 мортир, 4 гаубицы.

Чуть позже русские войска высадились на острове Эзель и овладели расположенной на нем крепостью, причем “без всякого сопротивления от неприятеля”.

Петр вел наступление русских войск в Лифляндии вдоль побережья, решая, казалось, одну стратегическую задачу: овладеть стоявшими на нем шведскими крепостями, “тесно” их блокируя. Но в действительности тут выполнялось и нечто другое. Боевые действия вдоль побережья лишали шведский флот возможности без возмездия подойти к берегу и помочь осажденным гарнизонам.

Еще в декабре Петр приказал коменданту Нарвы полковнику В.Н.Зотову взять Ревель, выступив с тремя драгунскими полками. Петр хорошо понимал: овладеть Ревелем значит лишить шведов последней возможности сообщаться с метрополией и перебрасывать войска в Прибалтику.

Ревель, расположенный на южном берегу Финского залива, был сильной крепостью, имел гарнизон в 4500 человек. Чтобы перерезать его коммуникации, сил у полковника Зотова оказалось мало. В августе 1710 года его полки, медленно передвигаясь по Эстляндии, подошли к Ревелю. А это значило: город лишился не только пресной воды, но и мельниц, стоявших на канале. В него перестала поступать мука.

С 11 августа начались вспышки чумы.

А спустя три дня по приказу Петра к Ревелю подошел отряд из шести пехотных полков и одного пехотного батальона под командованием бригадира Иваницкого. Он занял высоту близ моря. Ход с него в город был заперт, что шведский флот потерял возможность высаживать здесь десанты.

Город теперь оказывался в тисках блокады с моря и суши. В том же августе Петр стянул под Ревель конницу генерала А.Г.Волконского, и

из-под Пернау Боур привел свои драгунские полки, блокада города стала весьма и весьма тесной, и он был обречен.

Тем временем вспышки чумы переросли в эпидемию. У гарнизона Ревеля оставался один выход — сдатьсь.

29 сентября Ревель капитулировал. Его гарнизону Петр дал право переправиться в Швецию.

Успех летней кампании 1710 года был ошеломляющий. Петр с радостью писал: “И тако Лифляндия и Эстляндия весьма от неприятеля очищена, и единым словом изрещи, что неприятель на левой стороне сего Восточного моря не топию городов, но ниже степени земли не имеет”.

По этому случаю в Петербурге три дня звонили в колокола, стреляли из пушек.

2. Поход на Выборг

Когда 15 ноября 1709 года Петр из-под Риги уезжал в Петербург, у него уже созрел замысел похода русских войск на Выборг. А в начале декабря он уже послал генерал-адмиралу Ф.М.Апраксину собственноручно написанный план похода. Петр предполагал создать в Петербурге осадный корпус под командованием Апраксина, вменив ему в обязанность в марте 1710 года совершить переход по льду Финского залива к Выборгу и внезапно осадить его. Флоту же предстояло, как только позволит ледовая обстановка, доставить осадному корпусу подкрепления, артиллерию и продовольствие.

Что же двигало Петром, замыслившим новый поход? В первую очередь — это стремление обезопасить Петербург и Кроншлот. Шведская граница проходила неподалеку от Выборга, этого города-крепости, расположенного на Карельском перешейке. От него исходила постоянная угроза нападения шведских войск и флота на град Петра. Овладеть Выборгом значило снять эту угрозу. Помимо того, считал Петр, это открывало бы шлагбаум в Финляндию и в самую Швецию. И отвечало бы недавно заключенному союзному договору с Данией. Там Петр дал согласие развернуть наступление в Финляндии и взять “крепкой город”, под которым подразумевался Выборг.

4 февраля 1710 года Петр сообщал датскому правительству: “Блокада Выборга еще по сей зиме и вступление в Финлант учинено будет”.

Выборг был сильнейшей крепостью у шведов, к тому же труднодоступной. С моря ее защищал флот.

Комендант Выборга полковник М.Стиернстрале имел под своим началом гарнизон численностью до четырех тысяч человек при 141 пушке, 8 мортирах и 2 гаубицах.

Генерал-адмирал Ф.М.Апраксин, сформировав осадный корпус, и уже к 15 марта перебросил его из Петербурга на остров Котлин. Корпус насчитывал тринадцать тысяч человек, 24 пушки и 4 мортиры.

В тот же день Петр произвел смотр корпуса и остался доволен. А 16 марта Апраксин повел войско на Выборг, как Петр и замыслил, по льду Финского залива.

Зима задерживалась. Еще стояли очень холодные дни. Лед Финского залива оставался крепким.

Апраксин рассчитывал появиться у стен Выборга неожиданно с северо-западной, слабо защищенной его стороны, для чего выдвинул вперед авангард под командованием бригадира Г.П.Чернышева. Тот за пять дней в стужу, при сильных северных ветрах прошел более 150 верст и утром 21 марта развернул авангард в боевой порядок у стен Выборга и с ходу атаковал предместье Хиетала.

Удар русских войск оказался полной неожиданностью для шведов. Застигнутые врасплох, стоявшие здесь два шведских полка, отступили в крепость. Бригадир Чернышев подвел свои полки вплотную к городу.

Спустя сутки к Выборгу подошли главные силы русских войск: пехотные части под командованием генерал-майора Я.В.Брюса и генерал-майора Ф.Беркгольца.

Город-крепость блокировался с моря и попадал под натиск русских войск с двух сторон, а главное же, он оказывался отрезанным от Финляндии, где на зимних квартирах стоял шведский отряд генерала Любекера.

Не прошло и десяти дней со времени выхода авангарда бригадира Чернышева к Выборгу, как первые бомбы, упали на крепость. Противник ответил сильным артиллерийским огнем. Завязалась артиллерийская дуэль.

5 апреля Апраксин сообщал Петру I: "Шанцами к неприятельским крепостям приближались ближе фузейной стрельбы и трудим бомбами, сколько можем, а пушки наши нам мало помогают, понеже зело мало и легки; когда мы начнем стрелять, то неприятель противу одной из десяти стреляет".

То, что у Апраксина пушек мало и они легки, Петр знал и без него. Стоило Неве очиститься ото льда, как 25 апреля Балтийский флот

в составе 250 судов с осадной артиллерией, боеприпасами, провиантом, фуражом и людским пополнением вышел из Петербурга и взял курс на Кроншлот.

Петру пришлось пережить драматические события.

Не успели суда отойти от Кроншлота и двадцати верст, как им повстречались возвращавшиеся из разведки шнявы. Сообщение их командиров было неутешительным: между Березовыми островами и материком лед еще стоит. До Березовых островов дойти Петру не удалось. 1 мая он бросил якорь возле урочища Куромы, у северного берега Финского залива в шести км от островов. Вслед за Петром к урочищу Куромы привел свои галеры и провиантские суда контр-адмирал И.Ф.Боцис. Пришлось и ему здесь бросить якорь.

Спустя пять дней, выждав у Красной Горки, когда фарватер очистится ото льда, вице-адмирал Крюйс вывел суда и корабельный флот.

Драматические события разыгрались тогда, когда в ночь на 6 мая произошла подвижка льда, да такая мощная, что галеры и провиантские суда “разделило от кораблей льдом” и стало сносить в море. А они везли свыше пяти тысяч человек пополнения, в числе которого были два батальона Преображенского и Семеновского полков и, что не менее встревожило Петра, все продовольствие.

Быстрый на разрешение любых трудностей, волевой, смелый Петр на совещании у вице-адмирала Крюйса предложил “кораблями лед разбить, а разбив, стать на якорь; а галерам и провиантским судам первому за корабль, а другим друг за другом цепляться”.

8 мая Петр сам повел к Выборгу первый отряд галер и провиантских судов, вырвавшихся из ледового плена. Уже вечером того дня они встали в 12 верстах от города. Петр распорядился немедленно установить на побережье корабельные орудия и закрыть здесь пролив, затопив несколько судов. Петр обманул коменданта крепости: чтобы подойти так близко к Выборгу, на русских кораблях были подняты шведские флаги, а матросы переодеты в шведскую форму.

Развязка драматических событий, таким образом, оказалась благополучной. Численность осадного корпуса составила 18 тысяч человек, флот доставил ему 80 пушек, 28 мортир и 190 ручных mortиров.

У Петра не осталось и тени сомнения в успехе, и он 14 мая с корабельным и транспортным флотом отплыл в Кроншлот.

А что же шведский флот? Он упустил прорыв русских кораблей в Выборгский залив, появившись у Березовых островов только 18 мая (19 судов). Но и теперь командующий шведским флотом адмирал Г.Ват-

ранг хотел, да не мог помочь Выборгскому гарнизону: из-за низкой осадки шведские корабли не проходили через шхеры к Выборгу, а фарватер пролива Тронгзунд был закрыт.

Тем временем генерал-адмирал Апраксин сосредоточивал к западной стороне более половины всех войск, 72 пушки, 18 мортир и 140 малых мортирок.

К концу мая он закончил все приготовления к штурму и по заведенному обычаю послал в крепость парламента с предложением гарнизону сдаться, “не дожидаясь жестокова штурма и кровопролития”. Комендант крепости полковник Стиернстрале, однако, отверг предложение. Это развязало руки Апраксину, и 1 июня он начал бомбардировку Выборга сразу с двух направлений — западного и восточного. Она длилась до 6 июня; сотни бомб упали на крепость, вызвав многочисленные разрушения и пожары.

9 июня комендант крепости прислал к Апраксину двух штаб-офицеров с предложением начать переговоры о сдаче Выборга. 13 июня гарнизон Выборга капитулировал.

Утром 14 июня в город вошел Преображенский полк, предводительствуемый подоспевшим Петром I. Русским войскам досталась вся артиллерия — 2 гаубицы, 8 мортир и 141 пушка.

Здесь, в Выборге, Петр I поставил задачу генерал-майору Я.В.Брюсу овладеть Кексгольмом (древнерусский город Корела), Брюс получил части осадного корпуса и двинулся “добывать” еще одну шведскую крепость. Осада ее была тяжелой. Лишь 8 сентября город сдался.

Это закрепляло викторию под Выборгом. После овладения Выборгом Петр I говорил: “И тако чрез взятие сего города Санкт-Петербургу конечное безопасение получено”.

3. На берегах Прута

Петр I рассчитывал как можно полнее использовать выгодную ситуацию, сложившуюся на Балтике. В голове его созрел замысел высадить с датских кораблей русский корпус в Сконе — территории на Скандинавском полуострове, принадлежащей Дании и отошедшей в XVII веке Швеции. Но размышлял царь и “о добром мире” со Швецией, благо что он мог теперь выторговать выгодные для России условия.

Однако, замышляя те или иные дела на Балтике, он был вынужден все чаще и чаще оглядываться на юг, в сторону Турции. Оттуда одно за другим шли тревожные известия. Обосновавшийся под Бендерами Карл

XII то и дело подстрекал турецкого султана к выступлению против России, пугая его все возрастающей мощью северного соседа. Сразу же по прибытии в турецкие владения он послал к нему своего секретаря Нейгебауера с письмом. Шведский король писал: “Обращаем внимание вашего императорского величества на то, что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию...”

Турецкий султан тогда не внял голосу Карла XII. Более того, 3 января 1710 года он пошел на возобновление Константинопольского мирного договора с Россией, заключенного 3 июля 1700 года на 30 лет, и согласился препроводить в Швецию Карла XII. До турецких границ его должен был сопровождать отряд турецких войск, далее через польскую территорию — русский отряд. Мазепа к тому времени умер, и вопрос о его высылке отпал, а казаков, которые были у Мазепы, турки обязались изгнать из своих владений.

Петр радовался этому. 7 января он писал адмиралтейскому советнику А.В.Кикину: “... Турки не только что прежний мир весьма крепко подтвердили, что и карая шведского без обороны своей высылают”.

Но вскоре эту радость снова сменила тревога. Новый визирь Нуман-Кепрюлю-паша стоял на стороне Швеции и с враждой относился к России. Он заявил русскому послу П.А.Толстому: “Порта намерена отпустить короля шведского из Бендер вскоре и с ним послать ратей довольно ко охранению его через Польшу до Померании, и может да быть, что будет оных ратей с королем швецким тысяч с сорок”.

Было ясно, что препровождение Карла XII через Польшу с охраной численностью в целую армию означало бы не что иное, как агрессию против союзного государства, и Петру I не оставалось бы ничего, кроме как вступить в войну с Турцией, что ему делать крайне не хотелось. Вот почему 17 июля Петр I отправил грамоту султану Ахмеду III, в которой предупреждал его, что намерение послать для сопровождения Карла XII через Польшу 40-тысячное войско “заявный разрыв мира принято будет”.

Султан не ответил на обращение Петра I.

Турецкие власти вели себя все более и более враждебно. Курьеры, доставившие царскую грамоту, были задержаны на границе, а затем посажены в тюрьму. Сменивший Нумана-Кепрюлю-пашу на посту визиря Балгаджи-Мегмет-паша был настроен по отношению к России еще более неприязненно. При нем военные приготовления пошли пол-

ным ходом. К Бендерам он стянул войска численностью в 10 тысяч человек, сильную артиллерию.

Хотя обо всем этом Петру I было известно из донесений разведки, он 18 октября отправил вторую грамоту Ахмету III с пожеланием немедленно удалить Карла XII из Турции. В противном случае, писал он, “принуждены будем и мы в свое безопастие войска наши к границам приблизить и всякое воинское приготовление чинить”.

Однако и на сей раз султан не ответил. Это говорило об одном: Турция накануне объявления войны России.

Петру это стало ясно, когда он получил донесение П.А.Толстого, датированное 14 ноября 1710 года с изложением тайно добытого стратегического плана турок. Посол писал: “Объявляя войну Порте царю и вступая в Польшу (соединиться) с королем шведским, который будет искать соединения с войсками своими на Померании под командою... Красова, но соединясь с теми, король шведский вступит в Саксонию, а турки с частью поляков останутца против московских в Польше, но Польша вся будет принуждена Лещинского признать”.

Посол был близок к истине.

Для ведения войны турецкие власти выделили армию численностью в 118400 человек — вместе с войском крымского хана эта численность поднималась до 200 тысяч человек. 20 ноября Османская империя разорвала мирные отношения с Россией и объявила ей войну. Русский посол П.А.Толстой был заточен в тюрьму.

Что же подтолкнуло турецкого султана на объявление войны России? Разумеется, тут сказались настойчивые старания Карла XII втравить Турцию в вооруженную борьбу с северным соседом. Он не уставал страшить султана тем, что Петр, нанеся Швеции поражение под Полтавой и в Прибалтике, не замедлит овладеть Крымом и затем поведет свои войска на Константинополь.

Но все это не дало бы результатов, если бы в самой Турции не было сильно стремление вернуть Азов и земли, утраченные по Константинопольскому мирному договору.

То, что Турция вступила в Северную войну на стороне Карла XII, круто изменило военно-политическую обстановку и осложнило военное положение России. Ей предстояла теперь изнурительная борьба на два фронта, чего больше всего опасался Петр I. Он попытался было избежать этого, 6 января 1711 года еще раз обратившись с грамотой к турецкому султану, где снова предложил восстановить мир. И снова султан ответил на обращение молчанием.

Последнее письмо П.А.Толстого подтолкнуло Петра I начать сосредоточение войск на новом театре военных действий с учетом стратегического плана турок. Б.П.Шереметеву было приказано немедленно перебросить из Прибалтики дивизию под командованием А.И.Репнина и дивизию Л.Н.Аларта общим числом в 22 полка под Минск и Слуцк. Дальше Шереметев должен был повести войска на юг, в сторону Молдавии. Командующий русскими войсками в Польше генерал-лейтенант М.М.Голицын обязывался немедленно выдвинуть войска, усиливаемые двумя полками, к молдавской границе, в район Каменец-Подольского. Задача: в случае, если «турки и татары станут провожать короля швецкого через Польшу... учинить над ними поиск и их разбить».

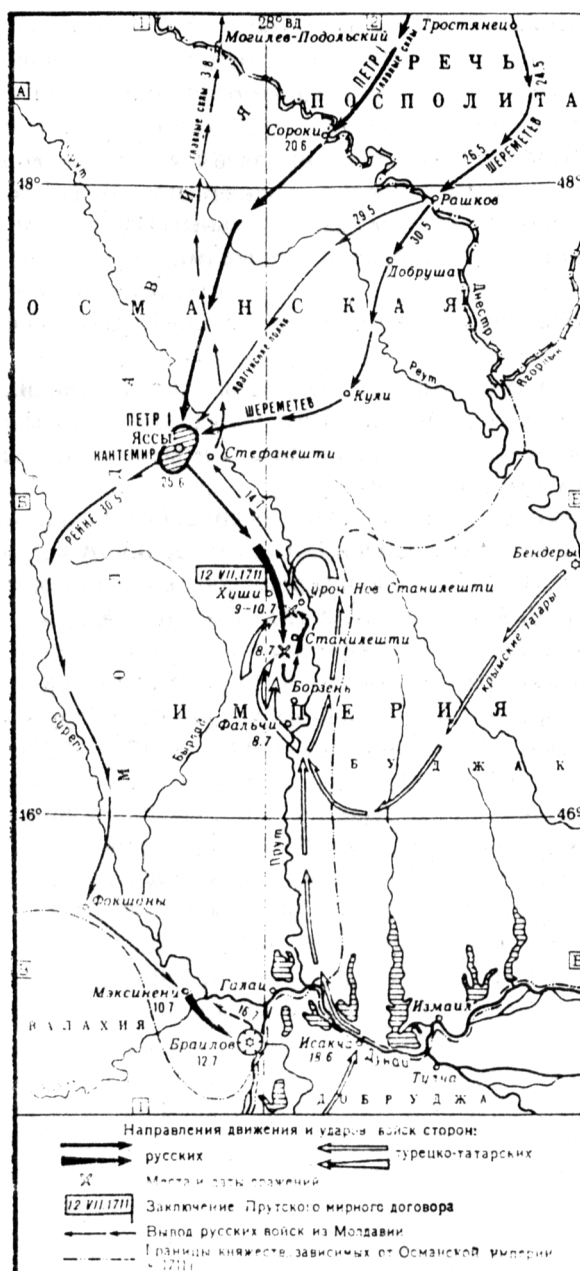
Помимо того, в Польшу, ближе к ее северо-западной границе, перебрасывались драгунские полки бригадира П.И.Яковлева численностью до 6 тысяч человек и генерал-лейтенанта Р.Х.Боура — 8—10 тысяч человек с тем, чтобы прикрыть главные силы, сосредотачиваемые на юге.

На киевского губернатора Д.М.Голицына и гетмана И.И.Скоропадского Петр I возложил оборону Украины. Помимо того, на ее территорию было указано выдвинуться И.И.Бутурлину с частью гарнизонных полков, дабы обезвредить татар на опасном крымском направлении. Генерал-адмиралу Ф.М.Апраксину с частью войск и флотом Петр I приказал оборонять Азов. Между районами сосредоточения войск Бутурлина и Апраксина на старинных путях татарских набегов царь выдвигал: к Путивлю — отряд детей боярских, а к Изюму и Харькову — слободские полки. Казанский губернатор П.М.Апраксин с частью русских войск и отрядом калмыков был назначен для действий против кубанских татар.

Вместо Б.П.Шереметева командование войсками в Лифляндии, пополняемыми передвинутыми частями из Эстляндии, принял А.Д.Меншиков.

Таким образом, первые же распоряжения Петра I привели в движение почти всю русскую армию.

1 января 1711 года созванная Петром I консилия приняла стратегический план ведения войны с Турцией, главная идея которого заключалась в том, чтобы, заслонившись на юге силами регулярных войск и иррегулярных формирований от удара татар со стороны Крыма, главными силами развернуть наступление в направлении на Дунай и воспрепятствовать турецким войскам занять Молдавию как исходный плацдарм для вторжения в Польшу.

Прутский поход Петра I

Еще в конце 1709 года Петр I заключил союз с валашским господарем К.Бранковяну, который обязался в случае войны с Турцией перейти на сторону России, поднять против турок движение сербов и болгар, выставить вспомогательный корпус в 30 тысяч человек и снабжать русское войско припасами.

Но в момент открытия военных действий тот изменил условиям союза и, более того, выдал военный план России турецкому визирю.

Совсем иначе сложились отношения с Молдавией. Находясь 13 апреля 1711 года в Луцке, Петр I выдал диплом молдавскому господарю Д.Кантемиру о принятии его в вечное российское подданство со всем его княжеством.

Еще в мае 1710 года в Москве российского подданства просил посланец от австрийских сербов Богдан Попович. А когда началась турецкая война, около 20 тысяч сербов собралось присоединиться к русским, но Бранковяну не пропустил их через Дунай.

Соотношение сил складывалось в пользу турецкой армии. Те войска, которые Шереметев вел на юг, насчитывали около 40 тысяч человек, то есть уступали турецким не менее чем в 4 раза. В то время турецкая армия оставалась иррегулярной с преобладанием конницы, вооруженной холодным оружием.

Петр это видел и потому требовал применения новой тактики, отличной от той, которая оправдала себя в боях с регулярными шведскими войсками. Он наставлял своих генералов “учить драгун и солдат огнем, а палашам покой дать, ибо с турками зело тако не надлежит воевать, как со шведами”.

Военные действия начались с того, что крымский хан Давлет-Гирей в начале января 1711 года вторгся в пределы Левобережной Украины и, сломив сопротивление слабых гарнизонов, разорил Бахмут, Змиев, Мерефу, а к концу месяца достиг района Харькова. Однако, получив известие, что к Харькову поспешно стягиваются русские и украинские части, Давлет-Гирей начал отход в Крым.

Другое татарское войско под командованием калги-Султана — брата хана, к которому присоединился отряд поляков численностью в 3 тысячи человек, сторонников Станислава Лещинского, и запорожские казаки под начальством Ф.Орлика, ворвалось на Правобережную Украину. Калге-Султану удалось дойти до Белой Церкви, где стоял гарнизон из 500 русских солдат. 26 марта он овладел нижним городом, но замок, в который отошли русские солдаты, взять не смог и отступил.

Тогда же на Украину вторгся воевода И.Потоцкий с семиты-

сячным отрядом. Но он попал под удар следовавших встречным путем драгунских полков под командованием М.М.Голицына и был наголову разбит: у него уцелело всего 2 тысячи человек. Голицын освободил при этом до 10 тысяч пленных русских и украинцев.

С набегами татар и поляков — сторонников Лещинского было покончено.

Петр I настойчиво напоминал Б.П.Шереметеву “не умедлить” движения, не позже 15 мая приблизиться к Днестру.

Когда все его надежды на улаживание конфликта пропали, а Шереметев уже покинул с войсками Лифляндию, он 22 февраля обнародовал манифест с объявлением войны Турции. Манифест был зачитан в присутствии царя и знати в Успенском соборе. После молебна Петр — полковник Преображенского полка, — обнажив шпагу, сам повел полк по запруженным народом улицам. В тот же день оба гвардейских полка — Преображенский и Семеновский — отправились на соединение с войсками Шереметева.

Несмотря на приказы Петра, тот двигался медленно. Он выступил из Риги 11 февраля 1711 года, а прибыл в Луцк только 9 апреля. Сильно мешала маршу наступившая распутица: лошади утонули в грязи, люди, шагая по ней, выбивались из сил.

Царь выехал из Москвы к армии 6 марта. В тот день произошло хотя и незначительное, но еще одно событие, оставившее след в истории. Народу было объявлено, что у царя появилась законная супруга Екатерина Алексеевна.

Сочетаться браком с безвестной пленницей, не далее как еще в 1702 году бывшей прислугой пастора Глюка в захудалом Мариенбурге, пренебрегая невестами боярского рода — это было вызовом боярским представлениям. Но это было в характере Петра. К тому же он искренне привязался к Екатерине.

Царь имел свидание с Шереметевым в Луцке, после которого в течение 12 и 13 апреля проходила созванная Шереметевым консилия. На ней было решено не позднее 20 мая сосредоточить войска близ молдавской границы в районе города Броцлау. Чтобы упредить появление турок на Дунае, Шереметев оставлял пехотные полки (главные силы) под началом генерала А.А.Вейде на Днестре, а сам с корволантом в 13 драгунских полков и двумя пехотными полками, посаженными на коней (всего 14—15 тысяч человек) должен был быстро идти в Молдавию.

Шереметев с конницей двигался из Луцка на Дубно, Острог, Заславль и Любар и 7 мая прошел Немиров. У Днестра близ Рашкова он появился только 27 мая.

Параллельно ему к Днестру, в сторону населенного пункта Сороки, медленно продвигал пехотные полки генерал Вейде. В это время молдавский господарь Д. Кантемир явился в лагерь к Шереметеву и обнародовал манифест с призывом к молдаванам подняться на восстание против турецкого ига. Спустя две недели 17 полковников и 76 ротных командиров — молдаван были приняты на русскую службу. Но людей привели они мало, всего 5—6 тысяч.

Наступал поворотный пункт в завязывавшейся Прутской баталии. Как оказалось, в то время как Шереметев только вышел к

Днестру, турецкие войска уже подошли к Дунаю и навели мосты через него. Великий визирь, однако, медлил с переправой, напуганный слухами о большой численности русских войск и переходе молдаван на их сторону.

Между тем Кантемир сообщил Шереметеву, что визирь сосредоточил у Дуная весьма значительные силы. Насчитывалось их до 40 тысяч человек.

8 июня Шереметев собрал консилию, которая решила “без знатного числа пехоты к Дунаю не ходить”, а повернуть к Яссам и, медленно продвигаясь вниз по Пруту в направлении Фальчи, дожидаться, когда кавалерию догонят пехотные полки.

Это было отступлением от указаний Петра идти к Дунаю, упреждая турок в захвате переправ на реке. Он с гневом писал Шереметеву: “Ежели бы по указу чинили, то, конечно, прежде турок к Дунаю бы были, ибо от Днестра до Дуная только 10 или по нужде 13 дней ходу”. Царь, однако, не отказался от идеи двинуть конницу к этой реке, даже если через нее великий визирь уже переправится, только задачи теперь вынашивал иные.

Когда 12 июня Петр I прибыл к главным силам своей армии, генерал Вейде только что вывел пехотные полки к Днестру в район селения Сороки и разбил здесь лагерь.

Спустя два дня Петр собрал консилию. И хотя сведения о местонахождении турецких войск и тем более о замыслах великого визиря оставались не ясными, на ней победила точка зрения сторонников решительных наступательных действий. Они, как и царь, надеялись, что получают продовольствие от дунайских княжеств и там же пополнят малочисленную русскую армию людьми из числа восставших против турецкого господства. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

После того как Петр I с главными силами пошел от Сорок к Яссам, близ урочища Цецор при Пруте Шереметев наконец-то дождался соединения с пехотой.

Теперь вся русская армия оказалась в сборе. На ее сосредоточение таким образом ушло почти три месяца.

Но армия оказалась лицом к лицу перед непреодолимыми трудностями. Обнаружилось, что провианта в Молдавии “готового нет и вскоре взять негде”.

К тому же данные о неприятеле оставались неопределенными. В Яссах, в ставке Петра, полагали, что великий визирь еще находится на Дунае, тогда как еще 18 июня он эту реку перешел, причем соединился на левом берегу Прута с подошедшим войском крымского хана Давлет-Гирея численностью в 70 тысяч человек и быстро приближался к Яссам.

Ко всему этому марш от Днестра к Яссам и далее к Пруту изнурил войска. Им пришлось идти по голой пустыне под палящими лучами солнца в адскую жару.

28 июня Петр I в сердцах собрал еще одну консилию. Он решил направить в рейд 7-тысячный корволант под командой генерала К.Э.Ренне к нижнему течению Дуная с задачей захватить расположенные вдоль реки Серет и на Дунае продовольственные магазины турок, овладеть опорным пунктом неприятеля — крепостью Браилов, а затем, перейдя Дунай, уничтожить мост через эту реку. Таким образом, корволант перерезал бы коммуникации турецких войск и поставил бы их в трудное положение.

Тем временем русские войска 29 июня навели два моста через Прут и потянулись на правый берег реки. Движение вдоль Прута проходило крайне медленно. Путь от переправ на Пруте до населенного пункта Станилешти в 85—90 верст занял десять дней (с 29 июня по 9 июля).

Еще в конце июня — начале июля Петр I выслал навстречу турецким войскам генерала Януса фон Эбершtedта со всей кавалерией, дабы не допустить неприятеля к форсированию Прута, а построенные мосты уничтожить. Выдвинувшись вперед, фон Эбершtedт утром 7 июля обнаружил, что турки уже успели переправить на правый берег Прута до 3000 янычар. Но вместо того, чтобы атаковать переправившихся — не так-то много их и было — и воспрепятствовать форсированию, уничтожив мосты, он счел за лучшее отступить, не получив на то приказа Петра I. Поспешный отход фон Эбершtedта позволил великому визирю 8 июля перебросить свои главные силы на правый берег Прута. Теперь корволант генерала Ренне оказался отрезанным от русской армии, а сама она в районе поселения Станилешти попадала под угрозу окружения.

Это расстроило все тактические расчеты Петра I. Он решил на Дунай не идти, а, наоборот, «ретироваться от неприятеля».

В ночь с 8 на 9 июля, когда корпус генерала А.И.Репнина только подошел к селению Станилешти и сосредоточились все три корпуса русской армии, войска возвратились на ясскую дорогу.

Подошедшим ближе турецким конным разъездам не стоило труда заметить отход, и великий визирь бросил русским войскам вдогонку конницу. Поставленные Петром I в аррьергард гвардейский Преображенский полк и бомбардирская рота шесть часов отбивалась от яростных наскоков конных турок и татар.

Близилась кульминация Прутской баталии. Силы сторон были далеко неравны. В то время как великий визирь Баталджи-паша подвел к урочищу Новые Станилешти войска численностью 120 тысяч турок и 70 тысяч татар, имея 440 орудий, Петр противопоставил им 38 тысяч русских, 5 тысяч молдаван при 114 орудиях. Но чаша весов могла склониться как в пользу русских, так и турок: все зависело от искусства командования и боевого духа войск.

Не сомневаясь, что великий визирь будет брать армию в кольцо, Шереметев построил ее боевой порядок в виде неправильного треугольника, основанием которого стал Прут, а вершина и две другие стороны — здесь войска вытянулись в линию — были обращены к противнику. Внутри треугольника поставил на позиции артиллерию. Тут же расположил оставшуюся конницу и обоз. А на вершине развернул дивизию генерала Л.Н.Аларта.

Справа боевой порядок упирался в болото, так что Шереметев защитился с этой стороны только рогатками, а слева отгородился еще и линией окопов.

Великий визирь, выдвинув передовые войска к урочищу, действительно окружил русскую армию с трех сторон, а с четвертой стороны — от Прута, на его противоположенном берегу, где поднимались высоты, выставил артиллерию. 9 июля за три часа до заката солнца, не дождавшись подхода всех сил, он бросил в атаку до 20 тысяч янычар, построенных в боевой порядок «клином». Острие атаки пришлось на дивизию генерала Аларта.

Вот как описывает сражение 9 июля советник турецкой армии польский генерал Понятовский: «Янычары... продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая по своему обычаю к богу многократными криками «алла», «алла», они бросились на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охла-

дил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению.

Три часа подряд, пока не зашло солнце, одна за другой накатывались атаки янычар на дивизию генерала Аларта, расположенную выступом, но, встреченные ружейным залповым огнем и огнем артиллерии, затухали.

Исход сражения 9 июля решила русская артиллерия. Она состояла из “полка артиллерии” (53 орудия) и из легких трех- и двухфунтовых орудий по два—три орудия на полк. Ее огонь в упор надломил боевой дух янычар, и они вышли из повиновения, заявив, что “наступать не хотят и против огня московского стоять не могут”.

Вечером 9 июля вслед за тем, как после последней атаки янычары под гулкие разрывы бомб и стоны раненных вдруг повернули и побежали к своим позициям, наступила та высшая точка кипения баталии, когда, казалось, Петр I мог одержать победу — брось он свои полки преследовать неприятеля. Но на сей риск он не пошел.

Он объяснил это так: “...И ежели бы за ними хотя мало следовали, то б полную викторию получить могли, но сего не могли учинить, для того что обоза окопать не было время, а ежели б не окопав итить на них, то б конница их ворваться могла, и все б могли потерять пропитание, которога и так мало было”.

Утром 10 июля великий визирь хотел было бросить янычар в новую атаку, но они, упавшие духом, отказались даже подняться.

Тогда он выдвинул вплотную к русскому лагерю свыше трехсот орудий и те начали обстрел русских позиций. Открыли огонь и турецкие орудия с противоположенного берега, отрезав дорогу русским к воде.

Хотя на действия турецкой артиллерии русские орудия и отвечали сильной стрельбой, но их было меньше почти в четыре раза.

Армия оказывалась, казалось, в безнадежном положении. Ее плотно обложили со всех сторон вчетверо превосходящие силы противника, она, стоявшая “во фронт”, фактически подверглась расстрелу более чем тремя сотнями турецких орудий. К тому же и боевые запасы подходили к концу.

Петр I с тяжелым сердцем вспоминал: “И правда, никогда как и почал служить, в такой дисперации (отчаянном положении. — Авт.) не были (понеже не имели конницы и провианту)”.

В ночь на 10 июля Петр I собрал консилию. На ней возобладало было мнение атаковать ночью неприятеля. Но царь отверг это.

Когда с утра 10 июля турецкая артиллерия обрушила на рус-

ский лагерь град артиллерийского огня, Петр I снова созвал консилию. Она решила предложить великому визирю перемирие, а в случае отказа все же атаковать турецкие войска всеми силами.

Ранним утром, еще до того как загромыкала артиллерия, Шереметев с согласия Петра I отправил трубача унтер-офицера Шепелева с письмом к великому визирю. Шереметев предлагал “сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя, который может быть ко обеих стран пользе и на добрых кондициях. Буде же к тому склонности не учините, то мы готовы и к другому, и бог взыщет что кровопролитие на том, кто тому причина, и надеемся, что бог поможет в том нежелающему”.

Шел час за часом, а ответа все не было. Визирь колебался: его тревожило, что янычары понесли большие потери и не поднимаются в атаку. Конницу же пускать на русские рогатки было более чем рискованно. К тому же он, видимо, уже знал о стремительном продвижении корволанта генерала Ренне к реке Серет и вдоль берега вниз по течению вплоть до Фокшан и Браилова. Русский корволант таким образом перерезал тыловые коммуникации турецких войск и угрожал ударом с тыла.

Шереметеву пришлось послать к великому визирю второго парламентаря — говорить, “чтоб скоряя дали отповедь короткою, хотят ли миру или нет, ибо более ждать не можем”.

Петр созвал новую консилию. На ней он решил, что если визирь не согласится на перемирие, то надлежало “сжечь и уничтожить обозы, соорудить из немногих повозок вагенбург и поместить в нем волохов и казаков, усилив их несколькими тысячами человек пехоты. С армией же... атаковать неприятеля” и прорываться вдоль Прута на север.

О том, что последовало за этим, Петр I писал: “...Когда и на ту посылку отповедь (ответ. — *Авт.*) замешкалась, тогда велели полкам выступать. И когда сие учинилось и наши несколько десятков сажен выступили, тогда от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют...”

В тот же день 10 июля в турецком лагере появился вице-канцлер П.П.Шафиров. Этому, однако, предшествовало событие, которое, видимо решило дело. Когда Петр I повелел полкам выступать, а сам ушел отдыхать в палатку, Екатерина, сама или с чьего-то совета, провела совещание с генералитетом, который ей доказал самоубийственность намерения прорываться вдоль Прута на север. Царица не без страха вошла в палатку к Петру и убедила его, — он всегда был ей послушен — послать новое письмо визирю. К письму, тайно

от царя, она приложила свои драгоценности и деньги.

Так или иначе, визирь встретил Шафирова без свойственных ему проявлений высокомерия, чего посланец Петра I ожидал.

Петр, по всей видимости, понимал то действительно крайне тяжелое положение, в котором оказалась русская армия, и потому, отправляя вице-канцлера в турецкий лагерь, дал ему весьма многозначительные “пункты”: “1. Туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямитца, позволить отдать; 2. Буде же о шведах станет говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием Лифляндов. А буде на одном на том не может довольствоватца, но и протчия помалу уступать, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иные провинции. А буде возможно, то лутче б не именовать, но на волю салтанскую положить; 3. О Лещинском буде станет говорить, позволить на то; 4. В протчем, что возможно, салтана всячески удовольствоваться, чтоб для того за шведа не зело старался”.

Царь, таким образом, поступался многим, даже очень многим.

Более того, 11 июля еще до подписания договора о мире, гонец доставил Шафирову новое предписание Петра с поистине отчаянным указанием: “того ради все чини по своему разсуждению, как тебя бог наставит, и ежели подлинно будут говорить о миру, то стафь с ними на все, чего похотят, кроме шклафства (сдачи в плен, рабства. — *Авт.*)”.

К счастью, до этого дело не дошло, тем более, что великий визирь под впечатлением того, что его янычары вышли из повиновения, а русский корволант осуществляет рейд в глубоком тылу, сам желал поскорее закончить войну. При первой же встрече с вице-канцлером Шафировым он выставил предварительные условия, куда более умеренные, чем те, на которые шел Петр I: вернуть Азов, разорить крепости Таганрог, Каменный Затон и Сакмару, выдать Дмитрия Кантемира и еще одного союзника Петра I — Савву Рагузинского, возместить не полученную с Молдавии дань, упразднить русское посольство в Константинополе, отдать всю артиллерию и снаряжение, не вмешиваться в польские дела, не препятствовать проезду шведского короля на родину. На это Шафиров, как и положено искусному дипломату, ответил, что на таких условиях “господин фельтмаршал миру отнюдь не учинит”. Торг закончился тем, что великий визирь во многом уступил. П.П.Шафиров и сын фельдмаршала Б.П.Шереметева полковник Астраханского полка М.Б.Шереметев отправились в Стамбул как заложники — гаранты соблюдения Россией

условий мира.

Что же это были за условия? Россия возвращала Турции Азов в таком состоянии, “в каком оный из его салтанова величества владения взят” в 1696 году. Вновь построенные города — Таганрог, Каменный Затон — подлежали разорению. Россия признавала покровительство султана над Запорожской Сечью и брала обязательства не вмешиваться в польские дела, обеспечить безопасный проезд Карла XII в Швецию.

На этих условиях в полдень 12 июля между Россией и Турцией был подписан мирный трактат: с русской стороны — вице-канцлером П.П.Шафировым и “для лучшего почтения” произведенным в генерал-майоры М.Б.Шереметевым, с турецкой — великим визирем Баталджи-пашой.

В тот день корволант генерала Ренне, которому и в голову не приходила мысль о сем событии, миновав Фокшаны, атаковал Браилов. Турецкий гарнизон, отрезанный от Дуная и окруженный, сдался на условии выхода из окружения, и русские заняли замок. Генерал Ренне послал царю об этом подробное донесение, а сам стал выдвигаться к Исаки с тем, чтобы разрушить здесь, как было приказано Петром, мост через Дунай. Но депеша была перехвачена турецким разъездом и попала к визирю. Петр узнал о взятии Браилова тогда, когда после заключения мира уже вывел свои войска из кольца окружения близ урочища Станилешти и двигался к Днестру. Победа генерала Ренне была уже не нужна, и он приказал ему идти на соединение с главными силами.

Подписанный 12 июля мирный трактат с Турцией был, пожалуй, одним из самых тяжелых мирных соглашений, на которые Россия была вынуждена идти в XVIII веке. Наиболее тяжелым условием трактата было возвращение Турции Приазовья. Теперь шли притом все намерения Петра I освоить этот район, построить город-порт, проложить канал Волга—Дон, нужно было уничтожить флот и своей рукой закрыть то “южное окно”.

Но все познается в сравнении. Простое сопоставление условий мирного трактата с теми, которые Петр I пункт за пунктом собственноручно написал П.П.Шарифову, когда тот должен был ехать в турецкий лагерь на переговоры, говорило, что условия мира оказались действительно умеренными. Среди них не было ни одного, которое бы учитывало интересы Швеции, если не считать статьи трактата о безопасном проезде Карла XII на родину.

Тогда же Петр I написал своим послам В.Л.Долгорукому в Копенгаген и Г.Ф.Долгорукому в Варшаву письма с разъяснением замысла Прутского похода и оценкой “вечного мира” с Турцией. Он уведомлял,

что “сей мир к великой пользе нашим союзникам, ибо мы со всею армиею призна и будем, как возможно скоро, часть доброго войска послать к Померании...”.

Прутский поход, таким образом, не поддается однозначной оценке. По своей военной сути его исход нельзя назвать поражением: Петру I удалось уберечь армию от разгрома, пусть и дорогой ценой; но это давало ему теперь возможность “иметь очи и мысли в одну сторону” — заветного балтийского побережья.

Петр I уже вынашивал новый стратегический замысел — скорее закончить войну со Швецией.

4. В Померании и Голштинии

Еще 30 мая 1711 года, то есть в то время, когда фельдмаршал Б.П.Шереметев вывел свой авангард к Днестру, в Ярославле (Западная Украина) Петр заключил соглашение о кампании в Померании с польским королем Августом II. Здесь стоял отошедший из Польши после Полтавской баталии 18-тысячный шведский корпус под командованием генерала Крассау, угрожавший внезапным ударом стянутым в район Каменец-Подольского войскам генерал-лейтенанта М.М.Голицына и всей русской армии, выходящей к Днестру как раз в тот момент, когда, возможно, как считал Петр I, “турки и татары станут провожать короля шведского через Польшу...”

Петр I волей неподвластных ему обстоятельств получивший борьбу на два фронта, по тому соглашению должен был ввести в Померанию, кроме 6-ти тысячного войска, оставшегося в Польше, еще отряд в 8—10 тысяч человек. Август II обязался выставить 10 тысяч конницы, а также польские и литовский отряды. Тогда же к померанской экспедиции должна была присоединиться и Дания.

Северный союз снова приходил в движение против общего врага. 3 августа 1711 года в Гааге морские державы, все еще втянутые в борьбу за “испанское наследство”, сняли, хотя и нехотя, свои возражения против действий Северного союза в Померании, взамен того, что Дания и Саксония не отзовут своих войск, нанятых на службу Великим союзом.

Поначалу события развивались, как и задумал Петр, быстро— уже в начале августа датская армия (18 тысяч пехоты и 9 тысяч кавалерии) с запада вошла в Померанию, выделив 5-тысячный отряд кавалерии для осады Висмара. Главные же силы двинулись к сильной крепости Штральзунду. Тогда же начали движение к этой крепости объединенные русско-саксонские войска под командованием Августа II

(10 тысяч саксонской кавалерии и 6 тысяч русской пехоты). Сосредоточение союзных войск под Штральзундом шло медленно. Им удалось соединиться здесь лишь к 6 сентября.

Хотя эту крепость они сразу и обложили, осада затянулась, не оказалось осадной артиллерии. Датский флот, везший осадные орудия, попал в шторм и ему пришлось вернуться. Между тем шведским судам удалось перебросить в Померанию еще 6-тысячный корпус.

Так что намеченный план действий союзных войск лопнул.

Правда, осаждавшим Штральзунд и Висмар союзным войскам удалось выманить из крепостей шведов и захватить в плен свыше двух тысяч солдат и офицеров. Городов же взять не смогли. На этом и закончилась кампания 1711 года.

31 марта 1712 года после длительных согласований, военачальникам союзных войск удалось выработать новый стратегический план военных действий. Его главная идея заключалась в том, чтобы, заняв остров Рюген десантом, принудить к сдаче отрезанный с моря и блокированный с суши Штральзунд. Десант должна была защищать от шведского флота датская эскадра. При этом в одно и то же время русским войскам и флоту предстояло произвести диверсию в Финляндии с тем, чтобы отвлечь на себя шведские силы и тем обеспечить действия в Померании.

У Петра I были другие соображения: “дабы лучше коммуникацию с Полшею иметь” надо осадить сперва Штеттин, где гарнизону всего 3 тысячи человек, а Висмор при этом блокировать датским флотом. А уж затем осадить Штральзунд и захватить остров Риген, выбросив на него десант с кораблей датского флота.

Когда 17 августа в Вольгасте военачальники собрались на военный совет, то они в общем-то не пошли на “ломку” старого стратегического плана, но и не выступили против того, чтобы русские осадили Штеттин своими силами. Датский король при этом “смиловатился”, пообещав выделить русским войскам осадные орудия.

Русская армия в составе трех корпусов Р.Х.Боура, А.И.Репнина и Л.Н.Аларта под общим командованием А.Д.Меншикова сосредоточилась в Померании.

Для диверсии в Финляндию Петр выделил корпус (56 тысяч человек) под началом генерала-адмирала Ф.М.Апраксина.

В это время Петра I не оставляла тревога о юге. Не минуло и полгода, как был заключен Прутский мир, а султан по наущению Карла XII на исходе 1711 года решился на объявление войны России под тем предлогом, что царь задерживает разорение Азова и вмешивается в польские дела.

Конфликт удалось уладить, но угроза безопасности южным

границам осталась. Вот почему Петру I пришлось оставить на Украине большую русскую армию (79 тысяч человек) под командованием Б.П.Шереметева.

Здесь, в Померании, Швеция держала до 22 тысяч человек, разбросанных по крепостям, в то время как союзники стянули около 85 тысяч, из них саксонцев было 10 тысяч, а датчан — 27. Превосходство явно оказывалось на стороне союзных сил, но это мало о чем говорило: шведские войска прочно сидели в крепостях, а шведский флот в море оставался грозной силой и угрожал что ни день высадкой десанта.

Когда в июне 1712 года Петр I приехал в Померанию, то Штральзунд оставался блокированным и принудить его к сдаче не удалось. Дважды датский флот пытался высаживать десант русско-польско-саксонских войск на остров Рюген, чтобы отрезать Штральзунд от моря, но шведский флот не давал этого сделать. Меншиков с войсками не мог вести осады Штеттина, так как датский король и не подумал прислать ему обещанной осадной артиллерии.

Успех сопутствовал лишь датским войскам, которые смогли захватить крепости со слабыми гарнизонами — Штаде, Бремен и Верден, а вот крепость посильнее, Висмар, им взять не удалось.

Положение войск союзников в сентябре и вовсе подошло к критической точке, когда датский флот, стоявший перед Рюгеном (17 линейных кораблей и 5 фрегатов) пропустил к острову флот шведов, который высадил на Рюген корпус из 10 тысяч человек пехоты и 1800 кавалерии под командованием М.Стенбока.

Осаждавшим Штральзунд польско-саксонским войскам ничего не оставалось, как отказаться от его осады и перейти к блокаде, отойдя на линию реки Пеены. Русские же полки отодвинулись к реке Одеру, под Штеттин.

Пока шли все эти передвижения, Стенбок замыслил переломить ход событий. Спустя месяц, в конце октября он собрал в кулак главные силы (10600 человек пехоты и 6600 кавалерии) и, оставив в Штральзунде гарнизон всего в 2 тысячи человек, неожиданно двинулся к соседней немецкой провинции Макленбург.

Датским войскам пришлось снять осаду Висмара и отступить к Траве.

К концу ноября противостояние двух сторон достигло кульминации, и Петру I было неясно, за кем останется верх, тем более что ему стали известны закулисные переговоры Августа II со шведами. Тот в случае отказа Станислава Лещинского от польской короны обещал поправить союз с Россией.

Вел тогда за спиной Петра переговоры о мире и Фредерик IV, видимо, потеряв надежду на успех в войне со Швецией. Северному союзу снова угрожал полный распад.

Англии удалось навязать переговоры между Россией и Турцией, на которых турки требовали вывода русских войск из Померании. На что, конечно, Петр I согласиться не мог.

Дело шло к новой войне с Турцией.

Султан, однако, столкнулся с твердой позицией царя, опорой которой служил Прутский мир. К тому же султан знал, что на Украине стоит почти 80-тысячная армия фельдмаршала Б.П.Шереметева. Начать военные действия он не посмел.

Более того, султан пожелал выслать наконец-то из пределов своей страны Карла XII.

Летом 1713 года Петр I пошел на подписание с Турцией так называемого Андрианопольского мирного договора, условия которого в основном совпадали с пунктами договора 1711 года. Это царю было крайне нужно, так как он тогда разворачивал военные действия в Финляндии.

Тем временем Стенбок вошел в Голштинию и встал здесь лагерем.

4 декабря, как только кончился срок перемирия, Стенбок (19 батальонов и 48 эскадронов) открыл военные действия.

Датский король Фредерик IV со своими и саксонскими войсками (29 батальонов и 79 эскадронов) ввязался в бой у Гадебуша, не ожидая подхода русских войск. Очевидно понадеялся почти на двойное превосходство сил над противником и желая “один славу одержать”.

В кровопролитном бою шведы осилили датчан и саксонцев, и те поспешно отступили, потеряв 2 тыс. человек и всю артиллерию.

Петр I с горечью писал генерал-адмиралу Ф.М.Апраксину: “...господа датчане, имея резвость не по разуму, которых... просили, чтоб не вступать в бой, пока мы не будем, со всею пехотою к ним, и прошли мы уже за четыре мили: но они не дождався нас в бой вступили и баталию потеряли”.

Петр сурово осудил военные действия в Померании в 1712 году, заявив: “Кампания пропала даром”.

Но свет в конце туннеля все же брезжил: у объединенных союзных войск оставалось подавляющее превосходство в силах. Стенбоку, который уступал неприятелю не менее чем в десять раз, ничего не оставалось, как отходить. К концу января Стенбок отвел свои войска к населенному пункту Эйдерштед (за Гамбург), в то время как русская

армия достигла Гузума и встала здесь лагерем напротив неприятеля.

Занятая Стенбоком позиция была сильна тем, что почти примыкала к морю и была окружена каналами и болотами.

Как датский король Фредерик IV, так и командующий саксонскими войсками Флемминг, посчитали позицию шведских войск действительно неприступной и отказались от боя. Петр же выступал за то, чтобы атаковать неприятеля.

Слово у него с делом не расходилось. Он сам повел в наступление русскую пехоту к местечку Швабстеду, от которого лежала дамба к Фридрихштату, а кавалерийские эскадроны под командой А.Д.Меншикова пустил по другой дамбе. И тут шведские войска, завидев наступающих русских, бросились наутек, не приняв боя. Стенбока от разгрома спасло то, что бежавшую наутек от русских шведскую армию голштинский герцог впустил в крепость Тоннинген.

Русские, а теперь и датско-саксонские войска осадили Тоннинген с суши и моря. Город захватила эпидемия, которая унесла более 4 тысяч человек. Стенбок, наконец, увидел бессмысленность сопротивления и 4 мая подписал капитуляцию, согласно которой сдался в плен со всем своим войском (11485 человек), оружием и знаменами.

В июне на военном совете в Ванцбеке было решено русско-саксонскими войсками осадить Штральзунд и захватить остров Рюген, а Штеттин взять русскими войсками с привлечением саксонской артиллерии.

Дальше события развивались подобно бурному потоку. Уже 4 июля русско-саксонские войска (17 тысяч человек) десантировались на остров Рюген и захватили его, а заодно и Штральзунд.

Недолго противостоял 5-ти тысячный гарнизон Штеттина атакам русских войск (24 тысячи человек) под командованием А.Д.Меншикова. С прибытием саксонской артиллерии (70 пушек, 2 гаубицы и 30 мортир) после первых же бомбардировок 18 сентября гарнизон сдался.

Как Петр I и хотел, Штеттин немедленно был передан в секвестр Пруссии, так что она волей-неволей становилась на сторону Северного союза. Когда в июне 1714 года между Россией и Пруссией был подписан договор, Штеттин навсегда отходил во владения Пруссии, а за Россией, как Пруссия признала, оставалась Ингрия, Карелия с городами Выборгом и Нарвой, Эстляндия с Ревелем.

С падением Штеттина военные действия в Померании прекра-

тились. Стратегический замысел Петра I в жизнь воплотился: эти действия принесли уничтожение всех шведских сил в Померании и Голштинии. При этом Петру I удалось наперекор обстоятельствам сохранить Северный союз.

5. В Финляндии

Когда Петр в марте 1713 года покидал Голштинию, оставив осаду Тоннингена на попечение А.Д.Меншикова, и ехал в Петербург с новым стратегическим замыслом, реализация которого, как он считал, покончила бы со шведскими силами на суше и на море окончательно и бесповоротно. Замысел касался похода в Финляндию, в который он намеревался, наученный горьким опытом взаимодействия с союзниками, двинуть только русские войска: на союзников, писал он, “мало надежды”.

Петр знал, что он встретится со сложным театром войны. Русским войскам предстояло развивать действия на пересеченной лесисто-болотистой местности. Наиболее удобным было направление вдоль побережья от Выборга к Гельсингфорсу и далее к Або: сухопутные войска, наступая, могли взаимодействовать с галерным флотом. Петр I и остановился на этом направлении как на главном.

Когда в августе 1712 года русские войска в Померании блокировали Штеттин, а русско-польско-саксонские части окружили Штральзунд, датские же — Висмар, здесь, в Финляндии, русский отряд под командованием генерал-адмирала Ф.М.Апраксина (12700 человек пехоты и 5383 конницы) двигался из-под Выборга в сторону Гельсингфорса, тесня шведские войска генерала Либекера (до 15 тысяч человек). Тот, не принимая боя, отступил на сильно укрепленные позиции за рекой Кюменью.

Как же выглядел новый замысел Петра?

Русским сухопутным войскам числом до 5 тысяч человек предстояло совместно с галерным и корабельным флотом наступать от Выборга к Гельсингфорсу вдоль побережья Финского залива. Галерный флот должен был высадить десант у Гельсингфорса и овладеть этой очень сильной крепостью ударами с моря и суши. Было намечено захватить и Або. Корабельному флоту выпало все это время прикрывать действия галерного флота с левого фланга, то есть со стороны Финского залива.

Таким образом, сердцевину нового стратегического плана составляли совместные действия сухопутных войск и галерного флота. То было новое слово в теории и практики военного дела.

В конце апреля русский галерный флот в составе 204 судов с

десантом в 16050 человек сосредоточился под Кроншлотом, где его уже поджидал корабельный флот (4 линейных корабля, 2 фрегата, 1 бомбардирский корабль и 2 шнявы). 2 мая весь галерный флот с десантом под общим командованием генерал-адмирала Ф.М.Апраксина двинулся вдоль берегов Финляндии к Гельсингфорсу. Командование авангардом десанта Петр I взял себе.

Следование каравана галерных судов прикрывал корабельный флот, крейсируя около Березовых островов.

Генерал-адмирал Апраксин сосредоточил армаду галерного флота и высадил десант у Гельсингфорса уже к 10 мая. После первых же бомбардировок шведы отступили к Борго на соединение с генералом Либекером (15 тысяч человек пехоты).

Шведские войска оказывались южнее, то есть в тылу у русско-го галерного флота и десанта в Гельсингфорсе. Ничего хорошего царь в этом не видел.

Ситуация подсказывала решение: Гельсингфорс оставить, но идти на Борго и разгромить или на худой конец отбросить от него шведские войска.

Генерал-адмирал Апраксин быстро отводил русский галерный флот к Борго и спустя три дня высадил близ него на берег авангард. Либекер не принял боя и отошел к деревне Мензала, на новую укрепленную позицию.

Командующие шведскими сухопутными силами (Армфельд, Либекер), по-видимому чувствуя превосходство русской армии, избегали сражений, оставляя побережье, и уходили под защиту укрепленных позиций. Русский корабельный флот в три раза уступал шведскому по числу кораблей и орудий. Вот почему Петр I делал главную ставку на мелкосидящий гребной галерный флот, который взаимодействовал на глазах шведских кораблей с идущей вдоль берега пехотой, и эти корабли с глубокой осадкой практически ничего противопоставить “хитрому” маневру русских не могли.

Как же дальше развивались события? Ситуация позволяла русской армии и русскому флоту вновь захватить Гельсингфорс, уничтожив на его рейде шведскую эскадру Лиллье, далее идти к Або и овладеть им.

12 мая, когда русская армия и галерный флот появились на рейде Гельсингфорса, неприятель, имея значительные силы — более 23 кораблей, тем не менее без боя оставил город.

Заняв Гельсингфорс, русские войска лишили шведский флот его последней базы в Финском заливе. Господство здесь с учетом того, что за русским флотом оставались Выборг и Ревель, перешло к флоту России. А это открывало простор для развития наступления в Финлян-

дии.

И действительно, уже 17 августа сухопутные войска числом 10—12 тысяч человек под командой М.М.Голицина двинулись вдоль берега, в то время галерная эскадра И.Ф.Боциса — 29 скамповей с десантом — пошла шхерами к Або. А спустя десять дней Голицын в жестоком бою разбил арьергард Либекера под Або и занял город. Однако эскадра Лиллье у Твереминде преградила путь галерам Боциса. Генерал-адмиралу Апраксину ничего не оставалось, как отвести войска и гребной флот к Гельсингфорсу, оставив Або.

Сокрушение сухопутной мощи Швеции давалось с большим трудом.

Когда в конце сентября русские войска под командованием Ф.М.Апраксина числом 14—16 тысяч человек в грязь и холод после 120—верстного марша крутой дугой охватили Тавастгус, К.Армфельд прибег к излюбленному маневру — оставил крепость и отошел от Тавастгуса на 4 мили.

В конце сентября Армфельд, отойдя еще дальше — на позицию вдоль реки Пелкина, между озерами Маллас-Веси и Пелькяне-Веси, решил дать бой здесь подходившим русским войскам. Позиция (II тысяч человек) фактически была недоступна с фронта и крепко защищена с флангов.

Генерал-адмирал Апраксин поступил как военачальник весьма разумно: еще в темное время 6 октября он перебросил на плотках через озеро Маллас-Веси десантный отряд численностью в 6 тысяч человек под командованием генерал-лейтенанта М.М.Голицына в тыл противнику, чего Армфельд никак не ожидал. Не успел он перебросить навстречу конницу, как Апраксин начал демонстративную атаку с фронта через реку Пелкина. Конница А.Г.Волконского, хотя и с немалыми потерями, перешла реку вброд и накинулась на правый фланг шведских войск, тогда как пехотные полки А.М.Головина и Я.В.Брюса (4 тысячи человек) ударили в центр позиции неприятеля.

Три часа длился кровавый бой по всему фронту и в тылу. Поле боя было усеяно телами убитых и раненых. Шведы потеряли 577 человек убитыми и 233 пленными, и лишь после этого обратились в бегство. Немало потеряли и русские: 673 человека убитыми и ранеными.

Генерал Армфельд отвел потрепанные шведские войска на позиции под город Ваза. Русские же войска (15 тысяч человек) стали на зимние квартиры в Бьернеборге, в 120 км к северу от Або.

Собственно, на этом и закончилась кампания 1713 года.

Она не прошла даром. Генерал-адмиралу Апраксину со своим войском и галерным флотом удалось завладеть южной Финляндией и побережьем Ботнического залива и тем самым создать угрозу вторжения в Швецию. Однако сухопутная мощь неприятеля еще не была сокрушена, а главное, он оставался более сильным на море.

В то время шведский флот насчитывал до 30 линейных кораблей, имел две эскадры. Одной эскадре приходилось защищать коммуникации в южной акватории Балтийского моря от нападения датского флота, другая, числом кораблей побольше, под командой адмирала Г.Ватранга крейсировала у берегов Финляндии, действуя против русских морских сил.

В конце апреля адмирал Ватранг отвел свою эскадру (17 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, 2 бригантины, 1 брандер, 6 галер) на позицию у мыса Гангут. Тогда же шведский галерный флот (11 галер, шхерботы) под командованием контр-адмирала Г.А.Таубе встал у острова Аланд. Они, таким образом, прикрыли Швецию со стороны моря.

К этому времени и Россия имела немалый корабельный флот: 17 линейных кораблей, 4 фрегата и 5 шняв с общим числом орудий — 902.

Еще больше судов Россия имела в составе галерного флота: 186 с 870 орудиями.

На консилие с участием Петра I было определено избрать направлением совместного удара флота и сухопутных сил все тот же Або и аландские шхеры. Выведя галерный флот вдоль финляндского побережья к Або, генерал-адмирал Апраксин должен был высадить десант и захватить город. В это время отряду под командованием М.М.Голицына предстояло разбить шведские войска К.Армфельда.

Генерал-адмиралу Апраксину далее вменялось, базируясь на Або, идти к Аландским островам, от которых до Стокгольма было всего 15 миль.

Петр же с корабельным флотом должен был прикрыть переход галерного флота от Кроншлота до финских шхер, а затем сосредоточиться в Ревеле, препятствуя проникновению шведского флота в Финский залив.

События в общем-то развивались так, как им и было “предписано”, но с одним крайне важным отклонением.

М.М.Голицын выступил на Вазу 7 февраля, а к 16 февраля, несмотря на бездорожье и жестокие морозы, он привел свой отряд (5588 человек пехоты и 2907 конницы) к деревне Лаппола. Шведские войска были уже построены в две линии: в центре — пехота, на флангах — кон-

ница. Армфельд вот уж три дня как ждал русских войск. Голицын противопоставил шведам нечто “непривычное”. Он разместил свою пехоту в две линии развернутых батальонов. Позади нее в две линии колоннами встала кавалерия. Артиллерию же он вдвинул на фланги. “Непривычным” для шведов здесь оказались прежде всего большая глубина боевого порядка, и то, что боевой порядок русских исключал возможность его охвата.

И действительно, Армфельду, несмотря на почти двойное превосходство в силах, пробить “двойной” русский боевой порядок не удалось. А его конница не выдержала русского огня, отступила. Голицын не замедлил воспользоваться этим. Он бросил свои пехотные полки в обход обоих флангов шведов. Русская кавалерия кинулась преследовать покидавшего поле боя противника. Шведские войска были разбиты наголову. Они потеряли 421 человека убитыми и 1047 ранеными.

Через два дня М.М.Голицын завладел Вазой, а разбитую шведскую армию Армфельд увел далеко на север Финляндии.

Победа русских войск при Лапполе фактически означала конец самому существованию шведских сухопутных сил на территории Финляндии. Здесь в руках у шведов оставалась лишь крепость Нейшлот с гарнизоном силой 561 человек при 31 орудии. Петр считал необходимым покончить и с ней. Не выдержав натиска русских войск, гарнизон капитулировал.

Тем временем стратегический замысел Петра обретал плоть и кровь в боевых действиях на море.

1 июня генерал-адмирал Апраксин вывел из Кроншлота свой гребной флот (99 судов с 15-тысячным десантом) и пошел к Гельсингфорсу, устанавливая взаимодействие с войском генерал-лейтенанта Голицына. Уже 11 июня Апраксин привел свой галерный флот в Гельсингфорс и выгрузил здесь подкрепление и провиант для Голицына. Корабельный же флот Петр повел в Ревель, чтобы притянуть на себя шведскую эскадру.

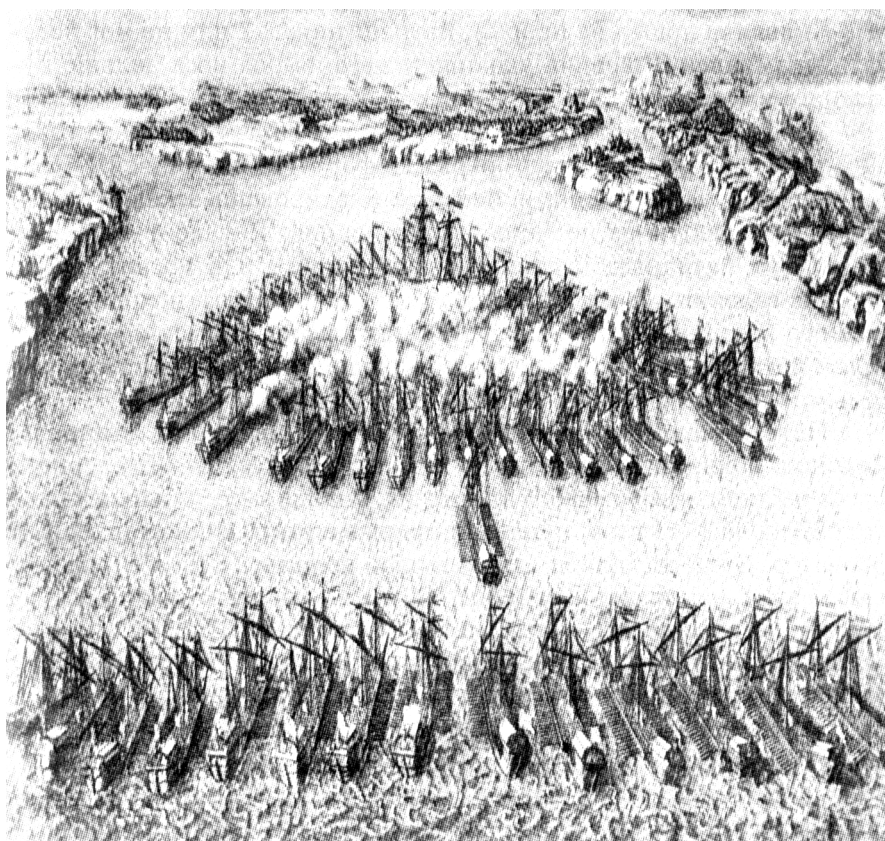
Казалось, все шло, как по расписанию, и 21 июня Апраксин, как было приказано, тронулся со своими галерами вдоль побережья к Або. Но оказалось, здесь ему свободного пути не было: у мыса Гангут, мимо которого следовали корабли Апраксина, на позиции стояла бригада Ватранга.

Апраксину было от чего прийти в отчаяние; ему представлялось, что обойти шведские корабли с моря, приняв бой, нечего было и думать: при хорошем ветре, обладая более быстрым ходом и сильной артиллерией, они передавили бы легкие и хрупкие русские галеры.

Обо всем этом Апраксин немедленно доложил Петру.

Петр провел рекогносцировку района и увидел: мыс Гангут обозначал оконечность полуострова, выдвинутого далеко в море, на полуострове узкий, всего в 1170 сажень, перешеек. Родилось решение устроить здесь “переволоку” из бревен, перетащить по ней несколько легких галер на западную сторону и “тем бы неприятеля привести в конфузию, что удержать неприятель никак не мог”. Это задумывалось Петром как диверсия, с тем чтобы ввести неприятеля в заблуждение о действительных его намерениях.

Шведское морское командование не сумело разгадать “переволоку” как диверсии и раздробило свои силы, облегчив русскому галерному флоту прорыв мимо гангутского флота, обойдя Ватранга мористее.

Гангутский морской бой 27 июля 1714 г.

Корабельная эскадра вице-адмирала Лиллье (8 линейных кораблей, 2 бомбардирских корабля) шла на юго-восток для блокирования Тверминне, а затем и атаки русского галерного флота. Контр-адмирал Эреншельд (1 фрегат, 6 галер и 3 шхербота) выдвинулся к северо-западному концу “переволоки” воспретить переброску войск через нее. У Гангутского мыса Ватранг оставил 7 линейных кораблей и 2 фрегата.

Корабли эти стояли, казалось, очень близко от берега и когда 26 июля в 8 часов утра при полном штиле, парализовавшем эти парусные суда, авангард (20 скамповей) под командой капитана М.Х.Змаевича пошел на прорыв, Ватранг ничего с ним не мог поделать: скамповей Змаевича уходили у него из-под носа дальше пушечного выстрела.

Вслед за авангардом провел мимо мыса Гангут при еще стоявшем штиле свой сторожевой отряд Лефорт (15 скамповей). Прорвавшиеся суда Змаевича и Лефорта блокировали эскадру Эреншильда, вставшую на позицию в узком заливе Рилакс-фьерд.

И тут Ватранг допустил роковую ошибку. Он посчитал, что русский галерный флот и дальше будет прорываться, обходя мористее его эскадру. Он приказал Лиллье присоединиться к главным силам и оттянул свой левый фланг дальше от берега, обнажив тем самым шхерный фарватер вблизи мыса Гангут.

Петр немедленно заметил оплошность шведского адмирала. Подошла ночь, когда он выдвинул все оставшиеся силы галерного флота на линию сторожевого охранения, и лишь забрезжило, в 4 часа утра 27 июля 1714 года, пошел на прорыв в открывшийся шхерный фарватер. Суда двигались кильватерной колонной тремя отрядами: в авангарде — генерал А.А.Вейде, за ним — кордебаталия Ф.М.Апраксина, в арьергарде — генерал М.М.Голицын. Шведы открыли ожесточенный огонь. Но, как вспоминал Ватранг, “к нашему величайшему огорчению, и эта масса галер прошла мимо нас...”.

Заблокированный отряд Эреншельда оказался перед неминуемой катастрофой. Шведский адмирал, однако, не спустил флага. Эреншильд уповал на решающее преимущество в артиллерии — 116 пушек против 23, но людей у него было намного меньше — всего 941 человек.

Петр разделил авангард на три группы: в центре в одну линию встало 11 скамповей бригадира Лефорта и капитана Дежимона, на флангах построились уступом вперед, в две линии, 6 скамповей.

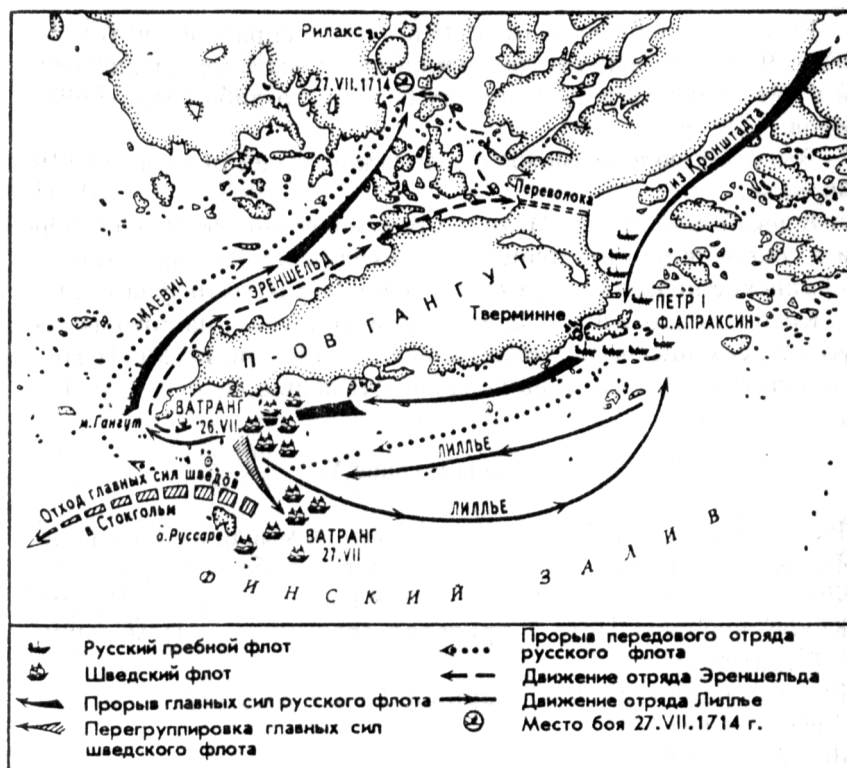
После того, как Эреншельд отказался сдаться, днем 27 июля Петр I под прикрытием артиллерийского огня двинул во фронтальную атаку галеры с десантом на борту, чтобы взять шведские суда

на abordаж. Шведские корабли ответили яростным перекрестным огнем из первой и второй линий, который по своей силе намного превосходил огонь русских орудий. Раздосадованный Петр I бросил их во вторую фронтальную атаку — и она не удалась. Шел третий час кровавого столкновения, когда Петр I решил изменить направление атаки — ударить по флангам.

Это стоило большой крови, но принесло успех. Начальники отрядов скамповей перешли на шлюпки и, выведя их вперед, обнажили шпаги, как если бы это начинался бой на суше.

Подойдя к шведским судам вплотную, скамповей одна за другой сваливались на abordаж.

После трехчасового боя капитаны шведских судов спустили

Гангутский бой

сине-желтые флаги.

Шведы потеряли 361 человек убитыми и 350 ранеными, потери русских ограничились 468 человеками. Победителям достались все 10 шведских судов.

Победа при мысе Гангут знаменательна тем, что по праву поставила Россию в ряд крупных морских держав.

В Швеции известие о событиях под мысом Гангут вызвало смятение.

Русский галерный флот от Гангута переправился в Або, куда прибыл 9 августа. Спустя два дня он двинулся к Аландским островам и в течение 10 дней занял их без какого-либо сопротивления шведов.

Это открывало возможность высаживать десанты на шведское побережье.

В декабре 1714 года Петру I стало известно, что Карл XII верхом в сопровождении четырех спутников через Венгрию, Австрию и германские княжества внезапно приехал в Штральзунд.

Крепость переживала один штурм за другим, на который шли прусские, саксонские и датские войска 13 декабря 1715 г. Штральзунд пал. Карл XII ушел на корабле в Швецию.

Вопросы к главе V:

1. Что означает мысль Петра I "...иметь очи и мысли в обе стороны"?
2. Что, на Ваш взгляд, давали России новые победы в Прибалтике?
3. Как верно оценить действия русских войск на берегах Прута?
4. Какое значение Петр I придавал сражениям в Померании и Голштинии?
5. Почему распадался Северный Союз государств и снова восстановился?
6. Морской бой у мыса Гангут: замысел и ход боя.
7. Русский флот: его создание и состав.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЕ СРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1. Борьба продолжается

5 августа 1716 года Петр I поднял свой штандарт на корабле “Ингерманландия” при грохоте салюта со всех судов четырех эскадр Англии, Голландии, Дании и России. В полдень по сигналу Петра I корабли снялись с якорей и пошли в Балтийское море — сначала англичане, потом голландцы, датчане и, наконец, новые хозяева Балтийского моря — русские.

Командовать эскадрами четырех держав Петра I упросили взять на себя адмиралы соединенного флота, как опытнейшего командира, и это осталось для него навсегда радостным событием. В честь сего события он даже повелел выбить особую медаль, на одной стороне которой красовался бюст Петра, а на другой — Нептун на колеснице с русским штандартом и тремя союзными флагами; здесь была и надпись: “Владычествует четыремя. При Борнхольме”.

Петр замыслил крупное дело — вторжение в южную Швецию (Сканию).

К 1716 году обстановка благоприятствовала этому. Русская армия овладела не только провинциями на восточном побережье Балтики Ингрией, Эстляндией и Лифляндией, она изгнала шведов из Финляндии, заняла Курляндию, стояла в бывшей шведской Померании и Дании. Стала весьма широкой антишведская коалиция. В нее входили помимо первоначальных участников — Дании и Саксонии — еще Польша, Пруссия, Ганновер. В апреле 1716 года к ней фактически присоединилось герцогство Мекленбург.

Швеция попадала в безнадежное положение. Однако Карл XII, видимо, не сознавал этого. Он противопоставил стратегии Петра I на Балтийском море морской разбой, при котором шведские корабли захватывали торговые суда любой державы, если они шли в порты восточной Балтики. Это грозило прекращением балтийской торговли, что означало бы нечто вроде торговой блокады России, но что прямо задевало интересы морских держав — Англии и Голландии. Это заставило морские державы искать соглашения с Россией и ее союзниками о совместных действиях против шведского флота. В

августе 1716 года Петр I принял командование объединенным флотом, в который вошли помимо русских английские, голландские и датские корабли.

В кампанию 1716 года Петр I ставил задачу галерному флоту (командующий генерал-адмирал Ф.М. Апраксин) под прикрытием объединенного флота четырех держав (России, Англии, Голландии и Дании) высадить десант из русских и датских войск на территорию Южной Швеции со стороны островов Аландского архипелага. Датскому флоту предстояло осуществить перевозку десантных войск к Копенгагену. Но всему этому не суждено было произойти. Датский флот затянул перевозку войск до осени, дав таким образом Карлу XII возможность возвести укрепления на южном побережье Швеции и перебросить на него войска. На собранной Петром I консилиии было решено отказать от вторжения в Швецию в 1716 году, перенеся его на весну или лето 1717 года.

Это повлекло за собой зимовку русских войск в Дании и Мекленбурге, что породило тревогу у Англии, Дании и Ганновера, испугавшихся того, как бы Петр I не закрепился на датской и ганноверской земле. Дело дошло до того, что английский король Георг I, опасавшийся за свои фамильные ганноверские владения, отдал приказ командующему английской эскадрой адмиралу Д. Норрису, стоявшему на рейде у Копенгагена, напасть на русские войска и флот и заставить их уйти из Дании и Мекленбурга. Но так как этот приказ поступил из ганноверской канцелярии Георга I, Норрис отказался его выполнить. Начиная с 1717 г Англия сосредоточила все усилия на раскол Северного союза и изоляцию России. В какой-то мере ей удалось этого добиться. Ни Дания, ни Ганновер не желали заключить с Россией соглашений о военных действиях против Швеции в 1717 году.

Северный союз снова распался.

России грозила изоляция. Стремясь не допустить этого, Петр I решил пойти на сближение с Францией, тем более что она сама была готова сблизиться с Россией, надеясь заручиться ее поддержкой в борьбе против исконного врага — Австрии.

15 августа 1717 года в Амстердаме между Россией, Францией и Пруссией был заключен союзный договор.

Главное, что предусматривал договор, — это взаимные обязательства России, Франции и Пруссии “способствовать своими усилиями поддержанию общественного спокойствия...” Из этого следовало, что Россия помимо прусских получала и французские гарантии завоеваний, сделанных ею в ходе Северной войны.

Для России важно было и то, что одна секретная статья договора предусматривала посредничество Франции в заключении мира со Швецией и что Франция обязалась после истечения срока своего договора со Швецией (апрель 1718 г.) не возобновлять его и больше не помогать Швеции ни денежными субсидиями, ни военными силами. Таким образом, Амстердамский договор “отнимал” у Швеции союзника, а Россия его приобретала. Договор подтолкнул Карла XII на решение начать прямые переговоры с Россией о мире.

Петру I удалось вывести Россию из-под угрозы военно-политической изоляции после того, как распался Северный союз, заключив союзный договор с Францией. Принуждение Швеции к миру стало делом рук дипломатов.

2. На Аландском конгрессе

В сентябре 1717 года русский посол в Голландии В.И. Куракин по велению Петра I встретился с голштинским министром бароном Георгом Генрихом Герцем, который, занимая сей высокий пост, находился еще и на службе у Карла XII. Речь зашла о месте и церемониалах переговоров. Карл XII предложил вести переговоры на Аландских островах.

Наступил новый 1718 год, когда русские уполномоченные А.И.Остерман и Я.В.Брюс выехали в Або — поближе к месту переговоров. Местом конгресса, на который выносились переговоры, стал остров Сундшер Аландского архипелага.

Русские уполномоченные имели на руках одобренные Петром I “генеральные кондиции к миру”. Согласно им Остерману и Брюсу предстояло отстаивать на конгрессе условия договора к наибольшей выгоде для России. “Генеральные кондиции к миру” предписывали: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг остаются в вечном владении России; Финляндия будет уступлена Швеции, граница должна проходить от Выборга по реке Кюмень к Нейшлоту до старой российской границы.

Послу Б.И. Куракину удалось узнать, что Георг I обещал Швеции “корабли и деньги и прежние алиансы (союзы, — Авт.), учиненные Англией, возобновить”, но взамен требовал отказаться от притязаний короля на города Верден и Бремен.

Но “выгодные” английские предложения повисали в воздухе.

Чего же добивался Карл XII на Аландском конгрессе? Лишь в июне 1718 года, когда он поставил крест на предложениях Георга I, русским уполномоченным стали более или менее ясны шведские

условия. В том месяце Герц сообщил Остерману, что “эквивалент”, который Швеция желает получить за территории, завоеванные Россией, должен образоваться из датских земель, причем русская сторона обязывалась помочь Швеции войсками в войне с Данией. Кроме того, Швеция хотела бы вернуть Бремен и Верден и добиться от Ганновера (то есть Герга I, — Авт.) компенсации за то, что он захватил эти города и удерживал.

Петр I согласился на оказание помощи Швеции в возвращении Вердена и Бремена, но решительно отказался пойти войной на Данию: это означало бы, как он ясно видел, втягивание России в новую бойню на европейском континенте.

Переговоры затягивались и конца им не было видно, так что Петру I пришлось “для устрашения неприятеля, дабы тем его скорее склонить к миру” дать инструкцию о приведении в готовность галерного флота начать движение от “мыса Гангут к шведским берегам”.

Но галерам начать движение не довелось. В августе проект договора со Швецией русским уполномоченным удалось согласовать, и Петр I одобрил его.

Стороны договорились, что за Россией остаются Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и небольшая территория Карелии с Выборгом. Большая же часть Карелии и завоеванная русскими войсками Финляндия подлежали возврату Швеции. Россия и Швеция обязались охранять государственный строй Речи Посполитой. Помимо того, Россия должна была взять на себя обязательство оказать помощь Швеции в отвоевании у Ганновера Бремена и Вердена.

Петр I, таким образом, во многом уступал Швеции, но это многое касалось второстепенных пунктов, тогда как в главном пункте — оставлении за Россией всей восточной Прибалтики да еще части Карелии с Выборгом — он отступления не допускал.

Казалось, шлагбаум для подписания договора открылся. Но в ноябре Швеция снова запросила прямого участия России в войне против Дании. И снова Петр I отказал ей в этом. Аландский конгресс заходил в тупик.

Тем не менее мир со Швецией удалось бы заключить в 1718 году ибо важнейшие его условия были согласованы, и прежде несговорчивый Карл XII уверовал в благополучный исход переговоров на Аландском конгрессе.

Карлу XII в 1718 году удалось набрать и вооружить армию численностью в 60 тысяч человек. И хотя в ней насчитывалось немало ополченческих формирований, костяк ее числом в 36 тысяч человек составили регулярные войска. Шведский флот имел в строю

свыше 27 линейных кораблей. С этими силами Карл XII и рассчитывал в 1718 года захватить подвластную Дании Норвегию, как “эквивалент” потерянным территориям.

Петр I держал под ружьем 100 тысяч человек, его парусный флот насчитывал 21 линейный корабль, а галерный — 130 судов. Силы сторон были явно неравны, и это подталкивало Карла XII к заключению мирного договора с Россией.

Лишь неожиданный случай помешал этому. 30 ноября во время ночного осмотра подступов к норвежской крепости Фредрикехальд Карл XII был убит шальной пулей. Так закончился жизненный путь короля-полководца, который был, безусловно, очень силен, если не как стратег, то как тактик, находчив в бою, необычайно решителен.

На шведский трон взошла сестра Карла XII Ульрика-Элеонора, сторонница сближения с Англией. Это ознаменовало крутой поворот во взаимоотношениях Швеции и России. Первое, что шведская королева сделала, — это прервала переговоры на Аландском конгрессе. Уполномоченный Карла XII на этом конгрессе Г. Герц был схвачен и казнен.

На свет появился новый план умиротворения на Севере. Согласно ему за Россией оставались лишь Петербург, Кронштадт и Нарва. В случае, если Россия откажется принять эти условия, союзники, как намечал этот план, силой принудят ее вернуть Швеции все завоеванные земли и сверх того заставят Россию уступить Польше Смоленск и Киев.

Все это означало одно: войну с Россией. Но кто мог решиться на нее, когда Россия только что сокрушила могущественную Швецию?..

Петр I противопоставил всему этому гибкую политическую тактику, которая по-прежнему диктовалась установкой на принуждение Швеции к миру силой.

Не мешкая, Петр I разворачивал приготовления к кампании 1719 года. Еще в конце февраля он распорядился о готовности флота к боевым действиям на начало апреля.

К маю 1719 года русская армия, расквартированная в Прибалтике и Финляндии в составе 2 гвардейских (Преображенский и Семеновский), 5 гренадерских и 35 пехотных полков, насчитывала 62 454 человека, помимо того в нее входили 33 драгунских полка — 48 824 человека, т.е. всего свыше 100 тысяч солдат и офицеров. Тогда как Швеция имела стянутые под Стокгольм войска (основные силы) числом в 24 тысячи человек (включая войска, выведен-

ные из Норвегии), еще чуть более 10 тысяч насчитывали гарнизоны в Сконии и на севере, на восточном побережье страны, ближе к границе с Финляндией.

Русский парусный флот на Балтике составляли 23 линейных корабля, 6 фрегатов и 6 шняв при 1672 орудиях и 10 711 матросов и офицеров. Гребной же флот имел 132 галеры и более 100 лодок. К нему был приписан десант числом более 20 тысяч человек, в том числе Преображенский и Семеновский гвардейские полки.

У Швеции флот, базируясь на акватории Кальскруне и Стокгольм, насчитывал 27 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля и 2 бригантины. Из этого числа кораблей эскадры (5 линейных кораблей и 1 фрегат) была направлена в пролив Каттегат на каперство и охрану своих торговых судов.

Соотношение сил говорило само за себя.

...23 мая 1719 года генерал-адмирал Ф.М. Апраксин приказал капитану 2-го ранга Н.А.Синявину и капитану III ранга К.Г.Зотову с эскадрой из четырех 52-пушечных кораблей и 18-пушечной шнявы ("Портсмут", "Девоншир", "Ягудиил", "Рафаил", шнява "Наталия") выйти с ревельского рейда на поиск шведских кораблей, которые, он знал, курсировали в море, прикрывая свои торговые караваны и чиня разбой. Чуть забрезжило утро 24 мая, как капитан Синявин с флагмана "Портсмут" и капитан К.Н. Зотов с корабля "Девоншир" на траверзе острова Эзель заметили три шведских судна. То были 52-пушечный флагманский корабль "Вахмейстер", 32-пушечный фрегат "Карлус-Крон-вапен" и 12-пушечная бригантина "Бернгардус". Оба русских корабля вырвались вперед, тогда как капитан Синявин мог бы притормозить ход для того, чтобы дожидаться сосредоточения всей эскадры, и уж тогда пуститься за шведскими судами. Но он не стал этого делать. По его команде "Портсмут" и "Девоншир" заняли подветренную сторону и набрали скорость.

Не прошло и двух часов, как они подошли к шведским судам на пушечный выстрел. Капитан Синявин смело вступил со шведским флагманом в артиллерийскую дуэль, намереваясь отрезать его от фрегата и бригантины. Те же, увидев, что флагман попал в беду, повели по "Портсмуту" огонь, сбили с него штанги и марселя. Тогда капитан Синявин развернул "Портсмут" к фрегату и бригантине всем лагом и залпами бортовых орудий заставил эти шведские суда спустить флаги. Россия таким образом, имея подавляющее преимущество в численности войск, получила теперь его и в силах флота, и это говорило о том, что рано или поздно Швеция будет принуждена пойти на мир.

Однако шведскому флагману удалось уйти. Пока шел бой — а он длился с 5 до 9 часов утра — подошли “Ягудиил”, “Рафаил” и “Наталия”. Капитан Синявин, не мешкая, приказал К.Н.Зотову с кораблем “Девоншир” и шнявой “Наталия” остаться сторожить фрегат и бригантину шведов, а капитанам “Рафаила” и “Ягудиила” преследовать уходивший за горизонт шведский флагман. Исправив повреждения, двинулся за ними и сам.

Пошел двенадцатый час дня, когда русские корабли настигли флагманский корабль шведов. “Рафаил” с ходу открыл по нему огонь, но проскочил вперед. “Ягудиил” же замедлил ход и выпустил залп всей бортовой артиллерией. Развернулся и “Рафаил” и повел огонь. Шведский флагман потерял все мачты и спустил флаг.

Таким образом, русская эскадра под командованием капитана Н.А.Синявина взяла в плен все три шведских судна, а с ними 376 рядовых, 11 офицеров, в том числе командира шведской эскадры капитана-командора А. Врангеля.

Морской бой близ острова Эзель, навязанный шведской эскадре русскими кораблями и столь блистательно завершившийся, стал прологом к активным действиям русской армии и русского флота в 1719 году, Петр I назвал его “добрым почином” и учредил в его честь памятную медаль.

Спустя месяц, 26 июня по велению Петра I собрался генеральный совет, которому предстояло уточнить стратегический план действий сил флота с высадкой десантов на территорию Швеции. Он решил: прежде чем начать боевые действия на море и суше, разведать проходы в шхерах, самого же стратегического замысла, его сути, выработанного еще в феврале, не менять.

При этом гребной флот, командование которым Петр I поручил Ф.М. Апраксину, должен был высадить один десант в районе города Евле, отвлекая шведские войска от Стокгольма, а другой — в окрестностях столицы, севернее и южнее ее. Если же Стокгольм окажется неукрепленным, то второму десанту предстояло “напасть на столичное место”.

Таким образом стержнем уточненного стратегического плана стали прямые предписания о действиях десанта в районе Стокгольма, вплоть до нападения на город.

В то время, когда генеральный совет уточнял стратегический план кампании 1719 года, английская эскадра под командованием адмирала Д. Норриса в составе 14 вымпелов — двух 80-пушечных, двух 70-пушечных, трех 60-пушечных, трех 50-пушечных, одного 40-пушечного, одного 20-пушечного и двух легких кораблей —

отплыла от берегов Великобритании и в конце июня вошла в Балтийское море, бросив якорь в Зунде.

То, что эскадра Норриса приблизилась “без объявления того” к русскому флоту, не повлияло однако на его действия. В то время, когда английский адмирал подходил к Зунду, т.е. в конце июня 1719 года парусный и гребной флоты, выйдя из портов “приписки”, соединились у полуострова Гангут и длинной кильватерной колонной потянулись к острову Лемланд (Аландский архипелаг). 6 июля генерал-адмирал Ф.М. Апраксин привел к острову свой галерный флот в составе 132 галер и 100 лодок, на которых находились свыше 20 тысяч человек десанта. А спустя два дня на резце у Лемланда встал и парусный флот (21 линейный корабль при 1236 пушках). Сразу же к западу и югу вышли четыре дозорных корабля под командованием Н.А.Синявина на разведку, но шведского флота не обнаружили.

Днем позже собрался военный совет, который решил “идти на шведскую сторону для воинских действий”.

Без промедления русский флот под общим командованием Петра I уже 10 июля начал движение к шведскому берегу. Штиль однако резко замедлил ход парусных кораблей, и они вернулись на рейд Лемланда. Чрезвычайно важно было следить за тем, не появится ли шведские и английские корабли. Поэтому лишь сошел штиль, 11 июля в открытое море с поиском вышла эскадра (7 кораблей) под командованием капитана Н.А.Синявина. Затем все время крейсировал дозор в составе 4—5 кораблей.

В тот день генерал-адмирал Ф.М.Апраксин вывел свой галерный флот на стокгольмский фарватер и встал на якорь у острова Капельшер. А спустя сутки отправил отряд в составе 21 галеры и 12 лодок с 3,5 тыс. человек под командованием генерал-майора П.П.Ласси для высадки “отвлекающего” десанта севернее Стокгольма. Еще один отряд — 10 галер, 29 лодок, 2278 человек десанта — под командованием бригадира В.Я.Левашова послал к Аланду для перехвата торговых судов. Главные же силы — 96 галер, 60 лодок, свыше 20 тысяч человек войска — 13 июля взял под свое командование и двинулся с ними вдоль берега на юго-восток от стокгольмского фарватера. Через два дня галеры и лодки генерал-адмирала Ф.М.Апраксина встали на якорь неподалеку от крепости Далар, в 30—35 км юго-восточнее Стокгольма.

Он ожидал появления шведского флота, но тот не показывался. Не начинала движение и английская эскадра.

Тем временем Петр I в надежде возможно скорее склонить королеву Ульрику-Элеонору к миру, послал в Стокгольм А.И.Остермана. Ему предстояло “уговорить” ее принять новые русские условия мира, в числе которых находились предложения о денежной компенсации за Лифляндию или даже передаче ее России на срок всего в 20—30 лет.

Королева Швеции приняла А.И.Остермана и, выслушав его, резко высказалась против действий русского галерного флота на море и побережье. Остерман ответил, что действия сии пока носят разведывательный характер, а могут приобрести характер иной, поскольку Швеция медлит с заключением мира, тогда как у русского императора нет других помыслов, кроме как найти мир. Королева повела себя вызывающе. Она заявила, что отказывается от территориальных уступок, на которые соглашался Карл XII, и выдвинула требования, заведомо неприемлемые для Петра I, — вернуть Швеции не только Финляндию, но и Лифляндию и Эстляндию.

На что же рассчитывала Ульрика-Элеонора, объявляя столь неожиданные условия “замирения”?

Только не на собственные силы, которых явно не хватало, чтобы бороться с Россией. Ей оставалось полагаться на Англию, посол которой Д.Картерет как раз и это время с кипучей энергией “уговаривал” королеву пойти на противостояние Петру I и заключить союз с Англией, Ганновером, Данией и Пруссией как противовес России.

Между тем генерал-адмирал Ф.М.Апраксин, не ведая о том, что делала английская дипломатия, вел вдоль побережья свой галерный флот в сторону Стокгольма. И что ни день высаживал поисковые партии на берег. 24 июля он проходя мимо города Норчепинга, высадил десант, а 30 июля плывя вдоль побережья, оставил его далеко за собой. Малочисленные шведские гарнизоны разбежались, завидев русских.

Когда “сел” довольно большой десант у Норчепинга, 12 эскадронов шведской кавалерии поспешно отступили, не приняв боя. Противник здесь затопил 27 своих торговых судов и вдобавок поджег город да так, что подошедшему русскому отряду “за великим запалением огня приступить было невозможно”.

5 августа генерал-адмирал Ф.М.Апраксин получил от Петра I подтверждение идти всем галерным флотом к Стокгольму, при этом, указал он, выбрать удобное место для стоянки и высадить десанты с тем, чтобы угрожать нападением на шведскую столицу, “дабы тем неприятелю отдыха не дать и не почуял бы, что конец кампании”.

В это время, а точнее, 6 августа статс-секретарь Д.Стенгоп “спус-

тил" указание адмиралу Д. Норрису "рискнуть помериться силами с русскими". Ему следовало, писал Стенгоп, соединить свои корабли с кораблями шведского флота и действовать совместно с ними "таким образом, какой, по его мнению, является наиболее эффективным, чтобы уничтожить царский флот". Адмирал Норрис не замедлил начать маневр в сторону острова Борнхольм. Сюда же двинулся и шведский флот.

16 августа английская и шведская эскадры соединились у острова Борнхольм и объединенный флот Англии и Швеции, численностью более 30 судов, углубился в просторы Балтийского моря. Но сей армаде не удалось не только уничтожить русский флот, но даже его повстречать. К 21 августа Петр I увел парусный флот в Ревель, а галерный с десантными войсками — в Або.

21 августа Петр отправил своим уполномоченным на конгрессе А.И.Остерману и Я.В.Брюсу указ, которым предписал: "Повелеваю вам, по получении сего быть на конгрессе еще одну неделю".

Правда, прошли еще почти две недели, в течение которых А.И. Остерман и Я.В.Брюс пытались найти понимание у шведских дипломатов русских предложений, как разумных, отвечавших реальной обстановке, но его не нашли.

4 сентября русские уполномоченные покинули Аландский архипелаг.

Аландский конгресс оказался, таким образом, бесплодным.

Хотя Петру I и не удалось воплотить в жизнь свой замысел принудить Швецию к миру силой оружия, действия русского флота и его десантов показали королеве Ульрике-Элеоноре: Швеция стоит перед угрозой опустошения своего военно-экономического потенциала и, если она "сего действия" не хочет, ей рано или поздно предстоит согласиться заключить мир с Россией на предложенных условиях, тем более, что в конце сентября английская эскадра покинула Балтийское море.

3. "Мы ни на какие их угрозы не посмотрим..."

29 августа 1719 года, когда уже обозначился провал Аландского конгресса, Англии удалось усилиями своего посла и Стокгольме Д.Картрета заключить договор со Швецией (предварительный вариант). Всем своим содержанием он был обращен против России. Наиболее ярко это отразили его секретные статьи: 1. Гарантия ранее заключенной конвенции Швеции с Ганновером, включая уступку Швецией Бремена и Вердена. 2. Уступка Швецией Пруссии Штеттина и некоторых земель. В обмен на это Пруссия должна была обязать-

ся ни прямо, ни косвенно не оказывать России какой-либо помощи в борьбе против Швеции. 3. Англия не ограничится “добрыми услугами”, но окажет Швеции в ее противоборстве с Россией прямую помощь, если Россия откажется принять английское посредничество и будет продолжать вести войну против Швеции. Англия таким образом и по существу и чисто формально становилась союзницей Швеции; вражда к России, которую давно испытывал английский король Георг I, нашла в договоре свое воплощение.

Договор Англии со Швецией, вне сомнения нес угрозу России, ибо втягивал в свою орбиту многие европейские государства, в том числе Польшу, Пруссию, Данию, Францию, и оставлял ее в изоляции. Это не укрылось от внимательных глаз Петра I. Какой же была на него реакция Петра?

Петр I по-прежнему следовал стратегии принуждения Швеции к миру силой оружия, не думая пугаться замыслов английской дипломатии. Об этом говорит тот факт, что, как только в сентябре отошел в область предания Аландский конгресс, Петр I отправил в Данциг отряд кораблей (две шнявы и пинк) под командой капитана 3-го ранга Н.П.Вильбао. В том же месяце отряд пришел в бухту города и заблокировал свыше 100 английских и голландских торговых судов с хлебом на борту для Швеции. 19 сентября на рейд Данцигской бухты прибыл отряд шведских кораблей (линейный корабль, фрегат и пинк). Шведский отряд превосходил русский, и если бы разыгралось сражение, капитану 3-го ранга Вильбао было не избежать беды. Тем не менее он решил: пока Петр I не прикажет покинуть Данцигскую бухту, он будет “стоять здесь до последнего человека”.

Петр I лишь в октябре отдал приказ Вильбао возвращаться, но из заблокированной шведским отрядом бухты выйти русским судам было невозможно. И снова капитан 3-го ранга решил остаться, не допуская в бухту шведские корабли.

12 апреля с базы Карльскруна в Данциг вышел еще один отряд шведских кораблей (три линейных судна, четыре фрегата). Им ничего не стоило в пух и прах разнести артиллерийским огнем две русских шнявы и пинк. Но тут вмешалась королева Ульрика-Элеонора. Изумленная мужеством русских моряков, не желая кровопролитного столкновения, она наказала командиру шведской эскадры выпустить отряд Вильбао. Тот благополучно вернулся в Ригу.

21 января 1720 года Англия подписала окончательный вариант союзного договора со Швецией.

В тот же день, 21 января 1720 года, под давлением Англии заключила договор со Швецией и Пруссия, взяв на себя обязательство ни

прямо, ни косвенно не оказывать России помощи. Однако в июне 1720 года прусский король Фридрих-Вильгельм, не желая ссориться с Россией, “подстраховал” себя, заявив в особой декларации, что его обязательства по договору со Швецией не имеют в виду земель вне Империи. Иначе говоря, он “оставлял” России полную свободу действий на побережье.

В июле Англия, прибегнув к запугиванию и подкупу, заставила Данию пойти на перемирие со Швецией.

Английские дипломаты склоняли власть предрежущих в Австрии, Польше, Турции, Голландии, Франции к тому, чтобы проводить по отношению к России жесткую политику вплоть до “подключения” своих войск к военным действиям.

Но дипломатический нажим английской дипломатии почти на все европейские государства и Турцию разбивался о противоречия, которые существовали между державами.

В частности, Австрия, ощущая угрозу возникновения новой войны с Турцией и “сдержанные” отношения с Францией, не хотела иметь у себя в тылу враждебную Россию.

Польская шляхта, думая о получении Ливонии и принимая английские субсидии, не желала втянуть себя в войну с Россией.

В ноябре 1720 года России удалось заключить договор о вечном мире с Турцией, а это означало, что это государство выпадало из числа противников России.

В конце 1719 — начале 1720 года резко обострились отношения между Англией и Францией из-за дележа “испанского наследства. Франция не могла быть членом проанглийского блока европейских государств, направленного против России.

Не желала вмешиваться в войну и Голландия.

С конца 1719 — начала 1720 года Петр I с головой ушел в приготовления к кампании 1720 г.

Стержнем плана кампании была по-прежнему идея Петра I посредством высадки десантов на территорию Швеции заставить ее вернуться за стол переговоров и заключить мир. Вот почему он из всех приготовлений выделил строительство новых легких судов для десантирования войск, численность которых возросла бы до 30 тысяч человек. Петр I приказал построить 10 галер, 12 шхерботов, довести число лодок до 150.

4 марта Петр I одобрил план действий. Было намечено послать треть галер к городу Веазе (Финляндия). Им предстояло с десантом на борту перейти Ботнический залив и высадить войска под шведским городом Умео, нанеся здесь отвлекающий удар. Главные же силы га-

лерного флота, опять-таки с десантом на борту, должны были совершить переход проливами Аландского архипелага к шведскому побережью в район города Гевле.

События пошли, сменяя друг друга с нарастающей быстротой. В марте Ф.М. Апраксин задался целью провести поиск у берегов Швеции для определения мест высадки десантов. Петр I ожидал появления на Балтике английской эскадры и решил установить наблюдение за ее подходом в район Дагерорта, недалеко от входа в Балтийское море. Эту боевую задачу он возложил на капитан-командора В. фон Гофта, подчинив ему эскадру — 7 линейных кораблей и 1 фрегат.

Так как Петр I полагал, что вероятнее всего объединенные морские силы Англии и Швеции предпримут нападение на Ревель, он распорядился отправить на его защиту три полка — Ингерманландский, Астраханский и Киевский.

Петр I изо дня в день “отслеживал” приготовления Англии и Швеции к кампании. Ему было известно, что Швеция готовит десант и суда на 24 тысячи человек, вооружает 17 военных кораблей. Это говорило о том, что, рассчитывая на помощь Англии, Швеция замышляет активные боевые действия.

Петр I на это отреагировал мгновенно. 11 апреля он отписал генерал-адмиралу Апраксину: “Приход Норисов не так чается быть скор, как разглашали, ежели возможно до его (т.е. Норриса — Авт.) прибытия делать, чтоб не отпуская времени делали осмотр по тамошним случаям”. “Делать, не отпуская времени”, т.е. упреждать противника в боевых действиях — вот к чему склонилась мысль Петра I.

30 апреля галерный флот в составе 105 галер (из них 19 конных), 110 лодок, 8 бригантин с десантом в 24119 человек (основные силы — Авт.) под командованием генерала М.М.Голицына покинул финское побережье, выйдя из Або, и двинулся к Аландскому архипелагу, к острову Лемланд и далее на стокгольмский фарватер, в то время как английская эскадра Норриса из 21 линейного корабля и 10 фрегатов показалась в западной акватории Балтийского флота только 12 мая.

Еще раньше, 24 апреля, из Або вышел отряд галер (35 судов, из них 9 конных) с 6282 солдатами и офицерами под командованием бригадира Ю.А. Менгдена (вспомогательные силы, — Авт.) для “отвлекающих” действий в районе городков Старый и Новый Умео, далеко севернее Стокгольма. Затем, не мешкая, пошел бы в глубь шведской территории не менее чем на 30 км и разорил оба городка.

Между тем, объединившись, английский и шведский флот взял курс на Ревель, а в конце мая появился близ него, став на якорь в трех милях. Английская эскадра стояла на рейде, имея в строю 18 линейных кораблей (от 50 до 90 пушек на каждом), 3 фрегата, 2 бомбардирских судна и 1 брандер. Рядом выстроился шведский флот: 7 линейных кораблей (от 64 до 70 пушек на каждом), пинк, бомбардирское судно и 2 брандера. То была внушительная сила.

Но побережье у Ревеля и дальше по обе стороны от него Петр I давно уже укрепил, а вход в гавань перекрыл. 300 орудий смотрели в сторону вражеских кораблей. Гарнизон города, да и укрытые под его укреплениями русские парусные корабли были готовы постоять за царя и отечество.

Как только английские и шведские корабли встали на якорь на виду у города, командующий русским флотом генерал-адмирал Ф.М.Апраксин запросил у адмирала Норриса, зачем прибыли английские корабли? Адмирал Норрис, лицемеря, ответил, что приход английского флота на Балтику осуществлен исключительно для посредничества в переговорах России и Швеции.

2 июня Норрис получил известие: русский отряд учинил “великое разорение” под Умео, и Норрис поспешил убраться из под Ревеля со всем объединенным флотом к Стокгольму, ибо и здесь, считал он, могли появиться русские десанты. Так бесславно закончился его поход, целью которого было уничтожение русского флота на Балтийском море.

Кампания 1720 года продолжалась.

4. Гренгам и Ништадтский мир

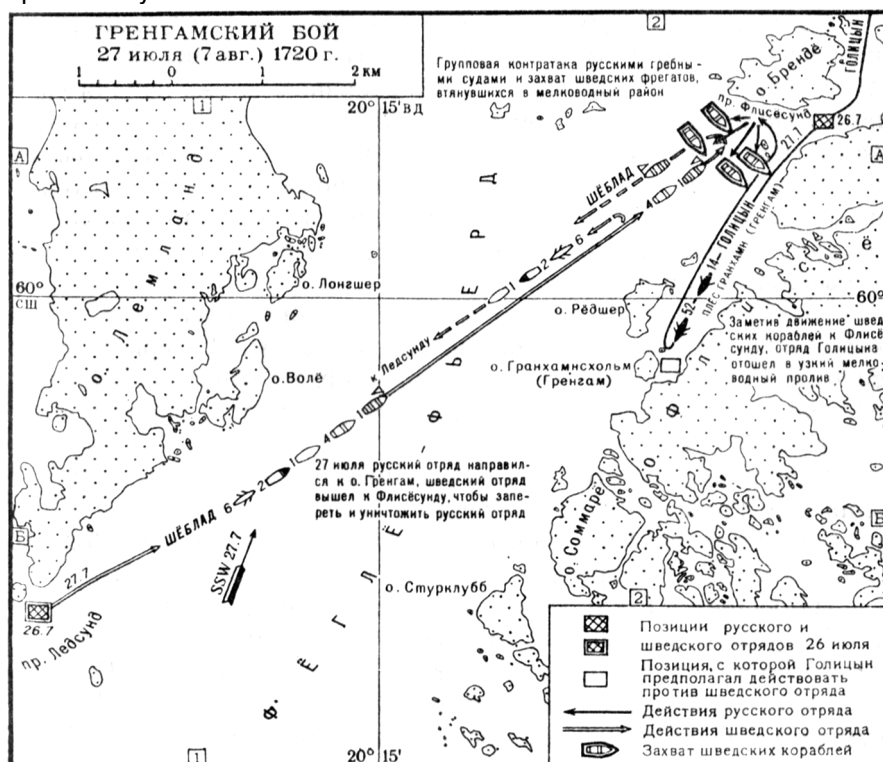
Как только генерал М.М.Голицын увел галерный флот от острова Лемланда Аландского архипелага, здесь появились шведские галеры с поиском. И надо же было случиться тому, что неприятель захватил одну из русских лодок, отставшую из-за того, что села она на мель. Узнав о том, Петр I выразил недовольство и приказал Голицыну очистить акваторию Лемланда от шведских судов.

Так сложился пролог морского сражения при Гренгаме, обозначившего поворотный пункт к миру между Россией и Швецией. 24 июля генерал М.М. Голицын провел кильватерной колонной свою флотилию (52 галеры, 14 лодок, 52 орудия) при 10 941 человека десанта вдоль финского побережья Або с тем, чтобы от этого города пойти, как приказал Петр I, к Аландского архипелагу. Он еще не знал, что здесь недалеко от Лемланда бросили якорь две шведские эскадры.

Когда русские галеры 26 июля подошли к проливу близ Лемланда, то у острова Фрисберг Голицын увидел стоящую неподалеку от берега эскадру Шеблада. Не колеблясь и мгновения, он решил ее атаковать. Однако подул сильный ветер, вздымая большие волны, и это помешало атаке. Генерал Голицын стал у острова на якорь, выжидая, когда штормовая погода пройдет. Ветер же не стихал.

Он решил отойти к удобной стоянке у острова Гренгам.

Днем, дождавшись спада волны, генерал Голицын начал выводить галеры и лодки с плеса Гренгама к проливу Флиссесунд между островами Бренд и Флис. Когда шведский вице-адмирал Шеблад увидел длинную колонну русской гребной флотилии, он принял сей маневр за отступление, снял с якоря свою эскадру, к ней командующий другой эскадрой вице-адмирал Вахмейстер пристроил шесть своих малых судов, и этот усиленный отряд устремился в погоню за гребной флотилией Голицына. Шеблад явно намеревался запереть ее в проливе и уничтожить.

Бой у о. Гренгам.

Пролив оказался мелководным, к тому же изобиловал мелями и рифами. Русские галеры и лодки свободно в него вошли, а вот втягивавшимся в дефиле четырем шведским фрегатам, за которыми шел линейный корабль Шеблада, пришлось лавировать, теряя ход. Ситуация подсказывала генералу Голицыну решение остановиться и атаковать эти беспомощные на мелководье парусные шведские суда. Он быстро развернул свою флотилию в боевой порядок — брать неприятельские корабли на абордаж.

Бой выдался ожесточенным. Русские галеры и лодки взяли в кольцо шведские фрегаты “Венкерт” и “Шторфеникс”, когда те, разворачиваясь, сели на мель. Шведские матросы сбросили абордажные сетки, поливали с высокой кормы галеры и лодки огнем. Но те неотвратно надвигались, а когда сблизились, десятки русских воинов ворвались на палубы. Оба фрегата сдались.

Капитаны двух других фрегатов — “Кискин” и “Данскерт”, опасаясь того, что и им плена не миновать, попытались было выбраться из пролива, который оказался западней. И уже начали движение. Но им преградил дорогу сам Шеблад, который тоже хотел уйти от неминуемого плена, увидев, с какой яростью русские ведут абордажный бой. Чтобы развернуться и “поймать ветер”, он сбросил со своего линейного корабля якорь, не опуская парусов. Обрубил канат. Корабль совершил “поворот по ветру” и двинулся на открывшийся морской простор.

Но сей маневр поставил преграду фрегатам “Кискин” и “Данскерт” и “бегство” в открытое море им не удалось. Галеры и лодки генерала Голицина взяли фрегаты на абордаж. Линейный же корабль с вице-адмиралом Шебладом на борту на всех парусах помчал прочь от пролива.

Ударилась в бегство и вся усиленная шведская эскадра. Сражение при Гренгаме дорого обошлось шведскому флоту. Он потерял убитыми более 100 человек, а пленными — более 400. Попали в плен и четыре его фрегата.

Не обошелся без потерь и русский гребной флот. Ожесточенный бой унес жизни более 80 человек, а раненых оказалось почти 250. Более 40 человек были обожжены пушечными газами. 43 галеры получили повреждения. Победа при Гренгаме таким образом досталась дорогой ценой. Но кровь русских моряков и солдат была пролита не напрасно. Петр I гордился гренгамским успехом, ибо достигнут он был искусным маневром и беззаветной храбростью его воинов.

После Гренгама русский корабельный флот вернулся на свои

базы — в гавани Ревеля и Котлина (Кроншлота), а галерный — на стоянках у финского побережья. Войска же (15 полков) встали в Або (10 полков) и Гельсингфорсе (5 полков). Кампания 1720 года пришла к концу.

Поражение шведских морских сил у Гренгама разбило в прах надежду шведских властей вернуть потерянные за войну провинции, опираясь на помощь Англии, и у нового короля Швеции Фридриха I, вступившего на трон 24 марта 1720 года и до сих пор еще лилеявшего сию надежду, теперь не осталось иного выбора, кроме как пойти на мир с Россией.

И что же предпринял шведский король? Он воспользовался пребыванием в Стокгольме русского посланника А.И. Румянцева, приехавшего поздравить его с восшествием на престол, чтобы заявить о своем желании начать мирные переговоры “для общего блага обоих государств и пресечения разлития крови”.

Петровская стратегия принуждения Швеции к миру стала, следовательно, приносить плоды. Когда 12 ноября А.И. Румянцев вернулся в Петербург, он немедленно известил Петра I о том, что король шведский желает мира. Петр I тут же отправил ему письмо, выразив пожелание “прямо приступить к переговорам о мире”.

Петр I твердо держался тех требований, которые он выдвигал на Аландском конгрессе: к России отходят Эстляндия с Ревелем, Лифляндия с Ригой, Ингерманландия, Выборг и часть Карелии; от присоединения Финляндии он отказывался. Французский посланник в Петербурге Я. Кампредан выторговал лишь согласие Петра I на денежную компенсацию за Лифляндию и еще: царь отказался поддерживать притязания голштинского герцога Карла Фридриха на шведский престол.

Кампредону удалось из надежных источников почерпнуть сведения о состоянии финансов и вооруженных сил России. Он убедился, что казна у страны полна, а русская армия многочисленна и находится в прекрасном состоянии, как и флот; царь знает о бедственном положении Швеции. Французский посланник пришел к одному выводу: шведскому королю следует спешить заключить мир с Россией, у Швеции нет никаких шансов на успех в борьбе с ней.

24 апреля 1721 года в Ништадт приехали шведские уполномоченные И. Лилиенштет и О. Стремфельд. Через три дня здесь появился и русский уполномоченный Я.В. Брюс, а позже и А.И. Остерман. Переговоры начались. Но это не означало прекращение военных действий. Горький опыт Аландского мирного конгресса говорил Петру I, что шведские уполномоченные и в Ништадте будут тянуть переговоры, выторговывая выгодные для Швеции условия мира. Да и знал

он, что они еще не расстались с надеждой добиться военного успеха с помощью английского флота. Тем более что как раз к началу переговоров адмирал Норрис с эскадрой, войдя в Балтийское море, встал у острова Борнхольм. Петру I ничего не оставалось, как прибегнуть к испытанной стратегии принуждения Швеции к миру силой оружия, не прерывая, однако, Ништадтского мирного конгресса и используя ту силу оружия не более как средство заставить шведского короля быстрее заключить мир на его, Петра I, условиях.

В кампании 1721 года как и в кампании года 1720, Россия обладала подавляющим преимуществом в людях и средствах ведения военных действий. Петру I готовил к ней 29 линейных кораблей, 6 фрегатов при экипаже 16 121 человек и числе орудий 2128. Галерный флот насчитывал 171 галеру, он имел при себе 22 870 человек десанта. К кампании 1721 года Швеции удалось подготовить только 11 линейных кораблей, 3 фрегата, брандер и немногим более 30 галер.

Замысел кампании включал действия отряда галерного флота с высадкой десанта в районе Евле и создание угрозы вторжения главных сил на шведское побережье у Стокгольма.

События развивались скоротечно. Уже в начале мая отряд галерного флота (30 галер, 9 лодок, 33 шлюпки, 1 бот) с десантом из 6 тысяч пехотинцев и около 400 казаков начал движение 17 мая отряд приблизился к крепости Евле и высадил в 2 км севернее ее десант. Генерал Ласси продвинулся в глубь шведской территории до Умео, а затем и Питео, а всего не менее чем на 30 км.

Шведские власти всполошились. 30 мая шведские уполномоченные на Ништадском мирном конгрессе от имени короля обратились с просьбой к русским послам остановить военные действия.

Генерал Ласси получил приказ прекратить действия, когда он произвел высадку партии десанта в районе Питео.

В это время Ништадтский мирный конгресс продолжался. Здесь завязался горячий спор. В противовес требованиям Остермана и Брюса заключить мирный договор, который бы предусматривал хорошо известные шведским уполномоченным условия, те 7 июня предложили подписать предварительное соглашение. Когда об этом стало известно Петру I, он справедливо усмотрел в шведском предложении стремление затянуть время, а затем, возможно, и отказаться от подписания мирного договора.

Петру I опять пришлось прибегнуть к принуждению силой оружия. 30 июня он отдал приказ командующему галерным флотом генералу М.М. Голицыну идти к Аландскому архипелагу, угрожая высадкой десанта на шведское побережье. 30 августа (10 сентября)

мирный договор был подписан.

В преамбуле договора говорится о том, что он — “вечный истинный и ненарушимый... на земле и на воде”.

Военные действия прекращались. Стороны брали обязательство произвести обмен пленными без выкупа. Объявлялась общая амнистия, под которую, однако, не попадали казаки — сторонники Мазепы.

Шведский король уступал России Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом (округом, — *Авт.*). Выборгского лена, с городами и крепостями: Ригой, Динамюнде, Пернов, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к упомянутому провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, мостами, берегами, с островами: Эзель, Даго, Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам...

Финляндия, за небольшой частью, возвращалась Швеции. Россия за “уступленные” земли обязывалась выплатить Швеции 2 миллиона ефимков в двухгодичный срок.

Жители Лифляндии, Эстляндии и острова Эзель сохраняли все ранее приобретенные права и привилегии.

В землях, отошедших к России, устанавливалась свобода вероисповедания.

Польша “входила” в договор как союзник России, и поэтому договор предусматривал заключение мира между ней и Швецией при посредничестве России.

Что же все это означало? Договор оставлял за Россией открытым настезь “окно в Европу” — выход к Балтийскому морю, абсолютно необходимый ей для развития экономики и культуры.

Договор закреплял утверждение России на балтийском побережье с его удобными гаванями и пристанями, а это означало, что она прочно вставала в ряд великих морских держав. Действительно, к концу царствования Петра I российский флот мог помериться силами с флотом любого “морского” государства, имея в строю 48 линейных кораблей, а галер и мелких судов — 787; всего экипажа было без малого 28 тысяч человек.

А то, что наряду с сильнейшим флотом Петр I в ходе Северной войны создал первоклассную армию, позволило России стать могущественнейшей мировой империей.

Уж так складывалась история, что в ходе войны со шведскими захватчиками русские люди крепили дружественные связи с белорусами, украинцами, молдаванами, — у них оказывались общие

цели борьбы. Это неизбежно вело к их единению.

Ништадтский мир, закрепив за Россией выход к Балтике, тем самым ознаменовал решение важнейшей задачи русской внешней политики, которую русское государство стремилось выполнить, начиная с конца XV века.

...Во время торжеств в Санкт-Петербурге Петр I, взойдя на помост, что стоял на Троицкой площади, обратился к народу со словами: "Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну всеильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир". На это Петропавловская крепость ответила салютом, а народ грянул "Ура!"

Был пир и маскарад. Город украсился иллюминацией. Небо над ним полыхало фейерверками...

22 октября Сенат в ознаменование великой победы преподнес Петру титул "императора всероссийского", имя "Великого" и "отца Отечества".

Сенат освободил от уплаты долгов всех государственных должников, отменил недоимки. Ништадтский договор проложил колею к тому, чтобы превратить Швецию из врага России в союзника. 22 февраля 1724 года Россия заключила с ней договор, который предусматривал помощь друг другу в случае нападения на одну из них какого-либо европейского государства.

Вопросы к главе VI:

1. В чем состояли особенности стратегии Петра I в последних сражениях Северной войны?
2. Аландский конгресс: причины его провала.
3. Морское сражение при Гренгаме: замысел и исход.
4. Влияние действий русских войск на шведском побережье во время переговоров в Ништадте.
4. Ништадтский мир.